

СМЕНА

№ 5 МАРТ 1977

РЕШЕНИЯ
XXV СЪЕЗДА
КПСС—
ВЫПОЛНИМ!

ВЕЛИКИЙ 60 ОКТАБРЬ

Прошел год после XXV съезда КПСС.
Год напряженной работы,
неустанных трудовых поисков и свершений.
Вместе с коммунистами, со всем народом Ленинский комсомол,
советская молодежь с энтузиазмом трудятся
над претворением в жизнь грандиозных планов партии.
Наш рассказ — о молодых делегатах партийного съезда,
которые, и сегодня работая в комсомоле,
идут в авангарде движения комсомольцев и молодежи
«60-летию Великого Октября—60 ударных недель!».

ГОД

Нет, не под силу летописцу-одиночке запечатлеть бурные и динамичные события, происшедшие в нашей стране с семьдесят шестого марта XX века по март семьдесят седьмой... За год, истекший после XXV съезда КПСС, на неоглядных просторах Родины, в гуще жизни, сотворено такое множество ценностей, так проявился характер их создателей, что ни в какие фолианты, ни в какие строки не уложишь то, что называется ТВОРЧЕСТВОМ НАРОДА.

Поэт сказал:

Нас озаряет
Ленинское знамя —
На всех фронтах
Сияло нам оно,
И неизменно
Свет его
Над нами.
Над стройками оно
И тут и там,
Где ставит век
Свои стальные метки,
Над Шушенским,
Нуреком,
Там, где БАМ,
Где твердый шаг
Десятой пятилетки...

В этих словах выражена прежде всего СИЛА ИДЕИ, ведущей сегодняшних создателей. Многообразие свершений, масштабы каждого из них могут быть большими или меньшими, но общность всего, что свершается на нашей земле, определена бессмертными ленинскими идеями, глубоко-

ми, научно обоснованными решениями XXV съезда КПСС.

В работе партийного съезда принимало участие немало молодых людей с делегатскими мандатами — тех, кто еще до тридцати лет сумел утвердить себя не просто тружеником, но и мастером своего дела, подлинным гражданином страны, для которого наличие партбилета означает новую ответственность, повышенные обязанности перед обществом.

Мы познакомились с десятью из них. Точнее, так: об одних «Смена» писала и раньше и лишь обновила знакомство; к другим наши корреспонденты полетели на самолетах, к третьим поехали на поездах, с четвертыми разговаривали по телефону... Огромная страна! Огромный мир деяний и деятельных, привлекательных людей!

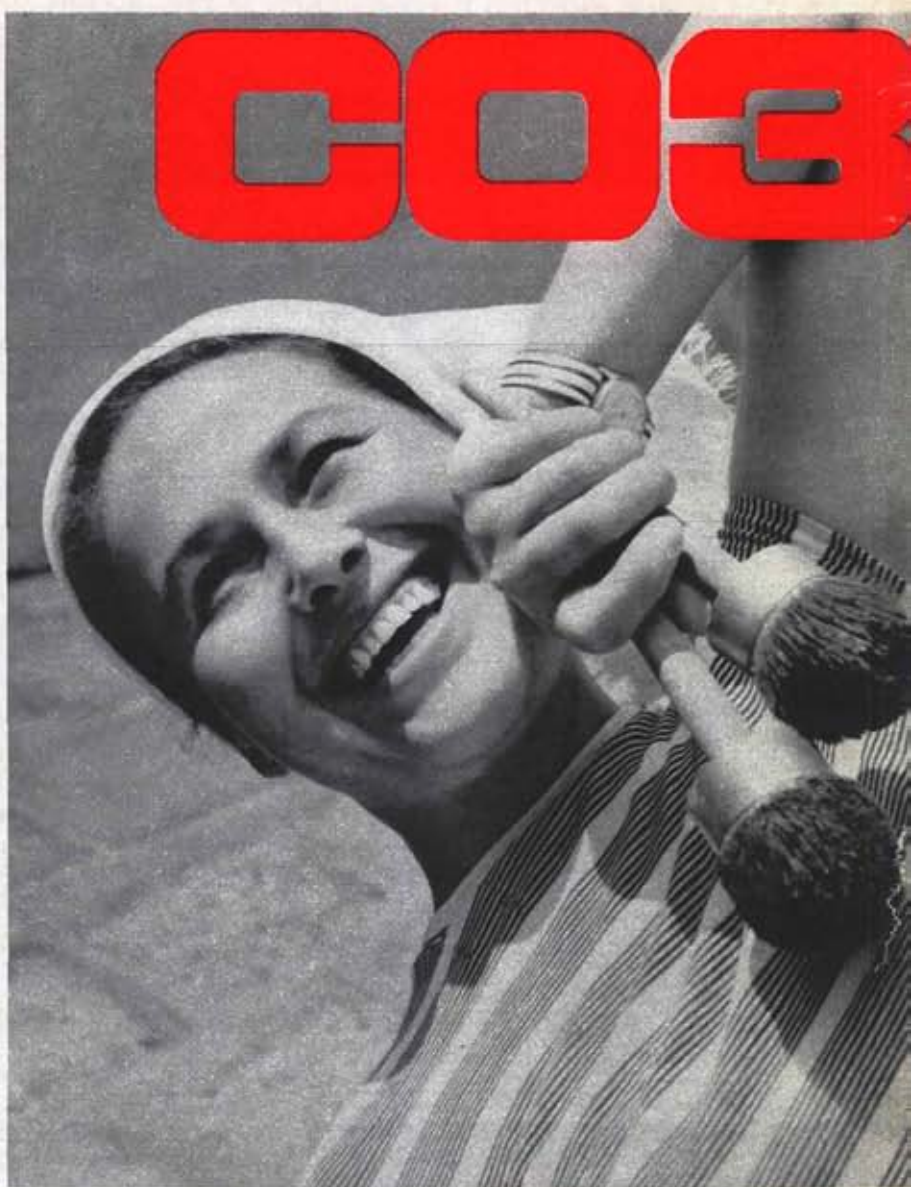
Для них экономический и нравственный девиз десятой пятилетки — «ЭФФЕКТИВНОСТЬ И КАЧЕСТВО!» — стал сутью жизни.

Вот некоторые черты сходства всех десятерых.

Каждый «не в ладах с календарем», то есть выполняет работу с опережением на недели, месяцы и годы! Каждый учится сам и учит других. Выше всего ставит трудовое товарищество и не может говорить о себе, не говоря о своих соратниках и побратимах по труду. Буквально каждый произнес следующие слова: «Всем обязан комсомолу!» — ибо не считает, что вышел из комсомольских рядов, любит в себе «комсомольскую душу» и лю-

ТРУД В РАДОСТЬ!

СОЗ

бит работать с молодежью, пестовать ее... Ни один из десятерых не обошел того, что 1977 год — 60-й год Советской власти, и потому каждый говорил о массовом движении молодых «60-летию Великого Октября—60 ударных недель!».

обучила 12 молодых рабочих. Делегат XVII съезда ВЛКСМ, член обкома КПСС, депутат областного Совета. Ей присуждена премия Ленинского комсомола...»

ДВА ДОКУМЕНТА

ХАРАКТЕРИСТИКА: «Звездкина Татьяна Витальевна. Швея-мотористка Ивановской швейной фабрики имени Ленинского комсомола. 1951 года рождения. Член КПСС с 1971 года. На фабрике — с 1969 года.

Является одним из инициаторов соревнования по выполнению встречных комсомольских планов. 7 декабря 1974 года выполнила пятилетнее задание. Выпускает продукцию только отличного качества и с первого предъявления. Ей присвоено звание «Мастер — золотые руки». Освоила все операции на конвейере. Является наставником молодежи,

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ: «На Алма-Атинскую швейную фабрику имени Ю. А. Гагарина Кулайхан Шойбекова пришла в 1966 году. Еще школьницей побывала на фабрике, познакомилась с работой. В цехе на новенькую никто не обратил внимания. А через две недели начальник цеха в шутку говорила:

— Когда Шойбекова пришла к нам в цех, мы допустили небольшую оплошность — не встречали ее цветами. Не догадались, что будущая ударница появилась.

Кулайхан оказалась быстрой на руку, сметливой. После смены оставалась наблюдать, как будет работать сменщица на ее машине. Да и опытные работницы помогли ей. Сегодня фирма гордится Кулайхан. Она выполнила полтора пятилетних задания, одна из первых включилась в движение за «казахстанский

ВЛАДЕТЬ
СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНИКОЙ —
ЗНАЧИТ,
ВЛАДЕТЬ ИНИЦИАТИВОЙ,
УМЕТЬ РАБОТАТЬ
КАЧЕСТВЕННО И ЭФФЕКТИВНО.

ИЗДАНИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 5 (1195) МАРТ 1977

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
фотоплакат работы
Василия МИШИНА.

- 1 ГОД СОЗИДАНИЯ.
НАВСТРЕЧУ 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ.
- 8 Рассказ Рустема КУТУЯ «БЛИЗКАЯ ДУША».
- 10 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Валерий БАРАНОВ. «АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК».
- 12 ЖЕМЧУЖИНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.
«ДВЕ ЖИЗНИ СТАРОГО ДОМА».
Фотоочерк Алексея НИКОЛАЕВА и Василия МИШИНА.
- 14 Стихи болгарских поэтов.
- 18 Юлиан СЕМЕНОВ. «ПИРЕНЕИ, ЛЕТО 1976».
- 20 МОДА ВЕСНЫ.
- 22 Стихи Эдуардаса МЕЖЕЛАЙТИСА «ДНЕВНИК РЫБОЛОВА».
- 23 ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «СМЕНИ».
- 24 Роман Андрея ЛЕВИНА «ЖЕЛТЫЙ ДРАКОН ЦЗЯО».
- 28 ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.
Владимир КОРОБОВ. «ПИСАТЕЛЬ, АКТЕР, РЕЖИССЕР
ШУКШИН».
- 31 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ
Редколлегия: В. С. АБАШИН, С. А. АБРАМОВ, А. П. КУЛЕШОВ,
В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Г. Л. НЕМЧЕН-
КО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖ-
ДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, Г. В. СЕМЕНОВ,
А. П. СЕРЕДА, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. И. Смирнов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1977 г.

час», экономя час-полтора в каждую смену. Недавно Кулайхан стала резервной швейей. Этот факт нужно рассматривать как признание высокого профессионального мастерства. Приходя на работу, она должна быть готовой сестрой за любую операцию. Легко ли при этом и норму выполнить и дать высокое качество?»

КОММЕНТАРИЙ ИЗ ИВАНОВА. Как и на других старых предприятиях легкой промышленности, здесь бывшие полутемные каморки превратились в светлые цехи. На фабрике освоены новейшие высокопроизводительные машины для обработки деталей костюмов, планируется установка целой линии пресов. Выпустить различных изделий на 400 тысяч рублей — таков был встречный план ивановцев. Фактически изготовлено продукции на 512 тысяч, причем большую часть этой суммы — 310 тысяч — составил комсомольский встречный план. Если в 1975 году здесь выпускали 4 изделия со Знаком качества, то в 1976-м — 16. На фабрике внедрена львовская система управления качеством, еженедельно проводятся «дни качества». Изучая спрос на свою продукцию, фабрика установила тесную связь с магазинами, устраивает выставки-продажи, распространяет анкеты среди покупателей. Делегат XXV съезда КПСС Татьяна Звездкина, член комитета ВЛКСМ, отвечает за работу с новичками. Она обучила уже немало работниц, а сейчас еще трое стали ее постоянными подшефными. Работая с ними, она опережает собственную производственную программу на 3—4 месяца, чтобы выполнить пятилетку за 2 года 9 месяцев. Перешла на второй курс хлопчатобумажного техникума, давно выбрав будущую специальность — технолог швейного производства.

КОММЕНТАРИЙ ИЗ АЛМА-АТЫ. Возвратившись со съезда партии на предприятие, Кулайхан Шойбекова пересмотрела свои прежние обязательства и решила выполнить годовое задание за 8 месяцев. Свои силы она рассчитала точно — к 1 сентября слово сдержала.

— Более ста молодых швей работает в том же ритме, — говорит она.

Стали мастерами ее бывшие ученицы Вера Пятницкая, Ира Гейнрих и многие другие. Кулайхан привела в цех и свою сестру Куляйшу, подготовила из нее отличную швею-мотористку. Сейчас в Куляйше Шойбековой, комсорге цеха, трудно узнать ту неопытную, робящую девочку, какой она переступила порог фабричной проходной. Удельный вес

продукции высшего качества вырос на 14 процентов. Комитет комсомола учредил два выпела для первичных организаций. Член комитета Кулайхан, являясь одновременно депутатом Верховного Совета СССР, отвечает за культмассовую работу на фабрике. Постоянно встречается с подшефными фабрике школьниками, учащимися ПТУ, детдомовцами. К 60-летию Октября решила выполнить два годовых плана. В начале каждой недели в цехах оформляются стенды с информацией о том годе Советской власти, которому посвящена неделя ударного труда молодежи...

Иваново — Алма-Ата... Разные наречия, разные временные пояса, огромное, в полстраны, расстояние. А сколько общего в судьбе двух молодых тружениц!

«ЖИЛА БЫ СТРАНА РОДНАЯ...»

Темно-синие «Жигули» приткнулись к неправдоподобно громоздкому колесу 27-тонного «БелАЗа». Впрочем, и сам «БелАЗ», не говоря уже о скромных «Жигулях», в гигантском карьере, напоминавшем то ли развороченное поле боя, то ли ландшафт какой-то неведомой планеты, воспринимался как детская игрушка.

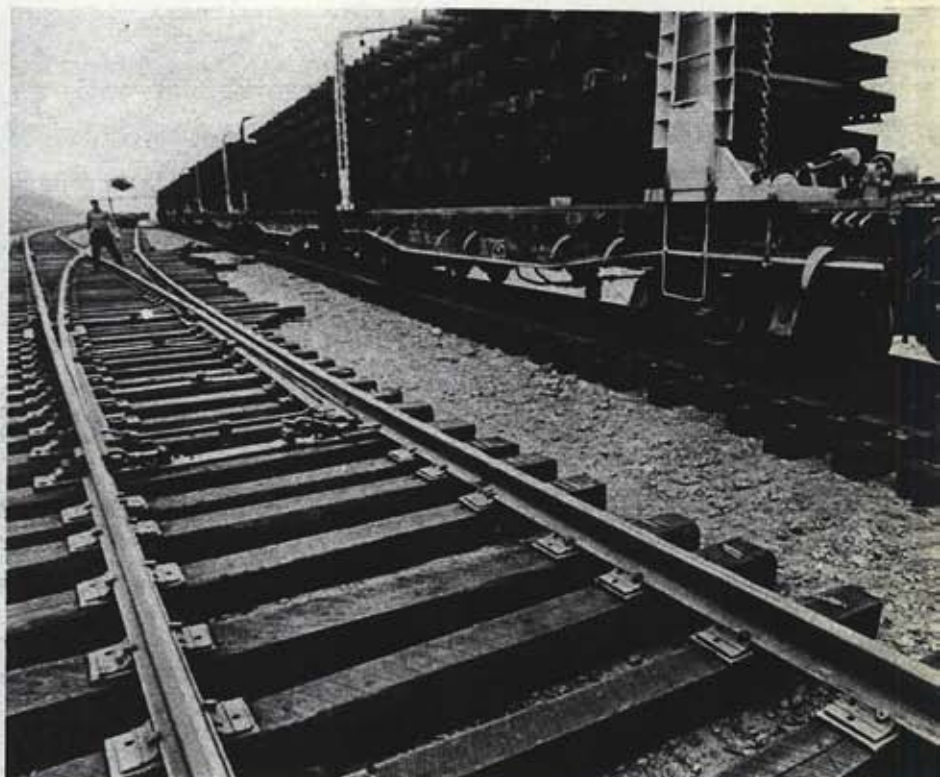
Нурек, стройка превосходных степеней... Уникальная насыпная плотина высотой в 300 метров, перегородившая бурный Вахш, создала между горными хребтами искусственное море, изумрудная 80-километровая капля которого видна даже с борта космического корабля. Через систему туннелей, пробитых в скалах, поток обрушивается на турбины ГЭС.

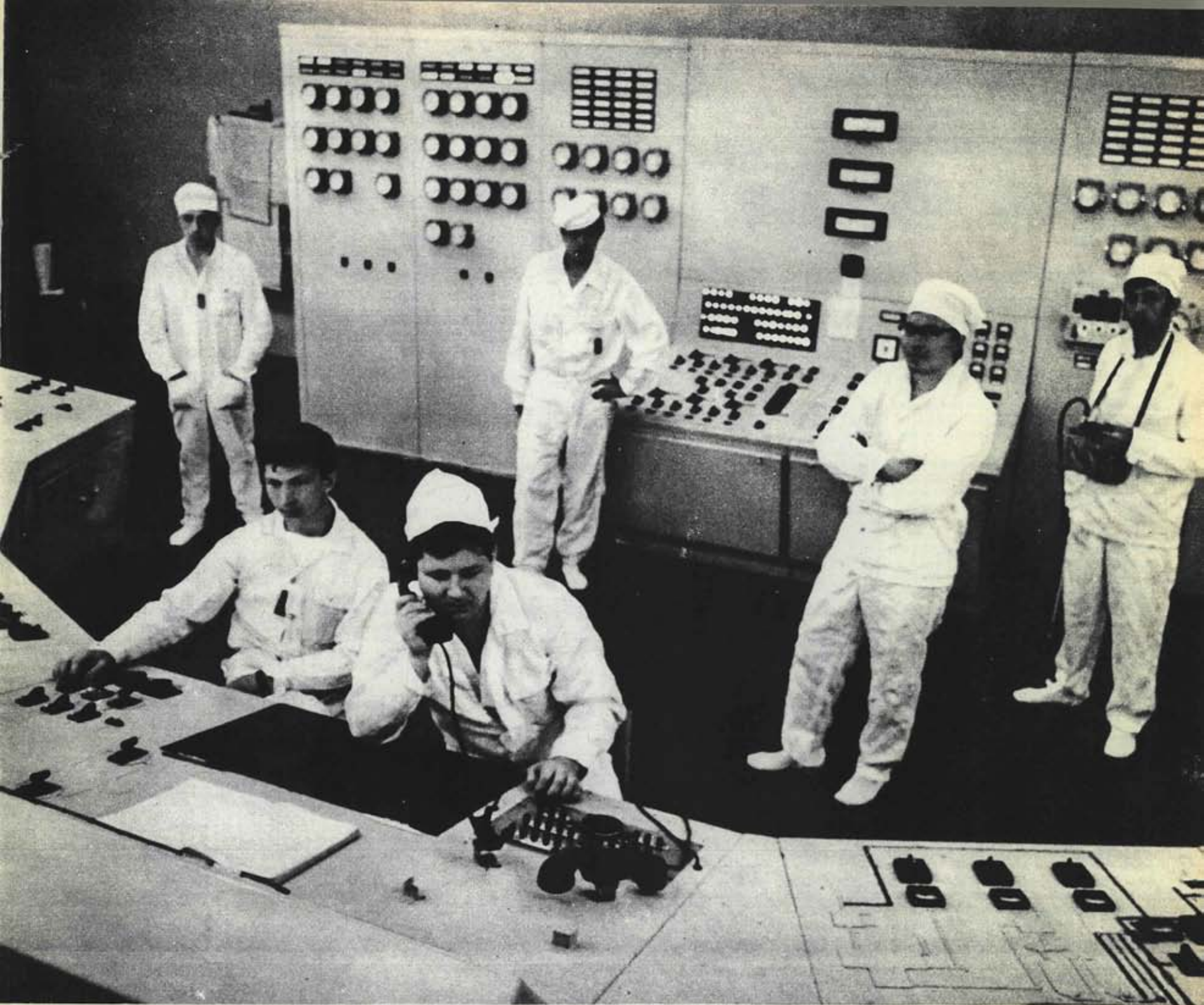
Приехав на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку в канун 19 декабря 1976 года, всюду можно было прочитать: «До пуска второй очереди Нурекской ГЭС остался 1 день». 300 тысяч киловатт — такова мощность агрегата, пуск которого был приурочен к 70-летию Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. Леонид Ильич, приезжавший в 1970 году в Нурек, лично уделял самое пристальное внимание строительству крупнейшего в Средней Азии гидротехнического сооружения.

...Делегат XXV съезда КПСС Файзулло Ашуралиев, руководитель комсомольско-молодежного экипажа экскаватора, закончил разговор с шофером «БелАЗа».

— Значит, все ясно?

БАМ. СЧАСТЬЕ НОВЫХ ДОРОГ.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС ДВИЖЕТ СЕГОДНЯШНЕЕ ПРОИЗВОДСТВО.

Сегодня Файзулло работает в третью смену, и в карьер он заезжал, чтобы потолковать с «белазистами»: есть идея, как уплотнить график подачи машин под ковш.

В здешних местах сейсмичность достигает 9 баллов. Но ни одно землетрясение — любой мыслимой или немыслимой силы — не будет страшно для Нурекской плотины. Ее объем — 56 миллионов кубометров. И эти кубометры не жесткие бетонные конструкции, а «сыпучий» местный материал — галечник, суглинок, каменный наброс.

56 миллионов кубометров... Их приходится буквально выгрызать из плотных, цепких грунтов, спрессованных столетиями. На любой большой стройке экскаваторщик — одна из центральных фигур. Здесь, в Нуреке, особенно.

«Жигули» Ашуралиева мелькнули еще где-то в районе плотины, а потом на час остановились возле горкома комсомола. Заседало бюро. Тема разговора — комсомольская ударная вахта в честь 60-летия Октября, завершение обмена комсомольских билетов, предстоящее открытие первого в Нуреке молодежного кафе.

Файзулло нетороплив, собран, точен в словах и экономен в движениях. Время расплано по минутам, он ведь, ко всем прочим обязанностям, и член Бюро ЦК

ЛКСМ Таджикистана и депутат, член Президиума Верховного Совета Таджикской ССР... Приемные часы?

— Да разве это возможно? Я вырос здесь, учился, отец здесь в кишлаке был председателем колхоза. Если меня на улице кто остановит: мол, Файзулло, такой или такой вопрос, — разве я могу сказать, чтобы в приемные часы обращаться? Я говорю: «Мой адрес знаете? Заходите, попьем чая, поговорим...»

Вопросов из числа так называемых «депутатских» много. Было время, когда здесь имел хождение такой бодрый девиз: «Построим Нурек в палатках!» Нечего, дескать, рассуждать об удобствах, комфорте — стройка превыше всего... Результат? Угрожающие сводки текучести кадров. И все прочее, что с этим связано.

Но росли в эти годы не только темпы стройки — росли культура труда и культура жизни. К фруктовым деревьям, которые сажали возле школы Файзулло и его одноклассники, прибавились другие — вдоль улиц, в скверах, во дворах домов. Современный город на фоне живописных хребтов насчитывает уже 28 с лишним тысяч человек. Построена швейная фабрика. Изучаются возможности переноса в Нурек новых промышленных объектов.

— Мой первый депутатский на-

каз — добиться строительства асфальтированной дороги из Нурека в поселок Кибил. Я этот вопрос уже ставил на сессии Верховного Совета республики...

В дни XXV съезда Файзулло каждый день звонил в Нурек. «Не беспокойся, все в порядке, все обязательства выполняем», — сообщали товарищи по экипажу — машинисты Курбан Абдуллаев и Нарзулло Гулов, помощники Геннадий Лиошин, Вайсидин Амеркулов, Геннадий Григорьев. Ну, и те ребята, которые, как, скажем, Борис Белоусов или Исмаил Исанов, раньше работали в бригаде, а потом ушли на отстающие участки. «Дела идут хорошо, Файзулло!»

— Когда был в Москве, участвовал в совещании у министра энергетики и электрификации СССР. Петр Степанович Непорожний выслушал мою информацию о нурекских делах, несколько вопросов тут же решили. Был дан приказ о выделении башенного крана для строительства школы в поселке Дагана — открыли ее к сентябрю, вовремя...

Среди событий послесъездовского года, которые записал в свой календарь Файзулло Ашуралиев, и рекордная смена, в которую вынули 12 с половиной тысяч кубометров грунта, и вручение ему ордена Трудового Красного Знамени, и новые дома, строительство которых было ускорено благодаря его депу-

татской и человеческой настойчивости, его последовательности и принципиальности коммуниста.

А в папке на заднем сиденье «Жигулей» — контрольные работы по начертательной геометрии, технологии металлов, истории партии. Файзулло стал студентом.

— Дел хватает. — Файзулло морщит лоб. — Нурек наш растет. Город молодежный — и мы хотим, чтобы был построен Дом молодежи. Парк собираемся разбить. Добиваемся строительства спортивного комплекса. Каждую субботу, воскресенье свадьбы играют в Нуреке. Но с жильем у нас трудно... Вся моя жизнь — в комсомоле. И я считаю: молодежь замечательно работает, она имеет право на внимательное отношение к своим проблемам. Говорят, что у нас в Нуреке самая высокая рождаемость в Союзе. Наша обязанность — уже сегодня подумать, как станут жить завтрашние нурекчане.

...19 декабря на стройке был митинг. Погода выдалась не лучшая — шел дождь, валил мокрый снег. Но настроение у всех было отличное. На фоне огромного транспаранта «Внимание, пуск!» под перестук бубнов и гортанные выкрики карнаев плясали строители. Халаты, чалмы и мини-юбки, лихие кавалерийские усы — мода среди «белазистов».

стов», джинсовые костюмы и любетейки, красные ленты победителей соревнования «Рабочая эстафета», а над праздником, над возбужденной, радостной толпой — из репродукторов нестареющая комсомольская песня: «Жила бы страна родная, и нету других забот...»

— Счастье? — Файзулло на мгновение задумывается. — Это, наверное, когда ты нужен людям. Семье, товарищам, землякам. Всем, кто вокруг тебя, рядом с тобой. Всем.

«ДУША-ЧЕЛОВЕК»

Деталь, которую обрабатывает Ольга Бондаренко, невелика. Как безымянный палец. Брусок нержавеющей стали проходит на универсальном токарном станке несколько операций: обдирка, проточка, получение предварительного конуса, накатка резьбы — и когда токарь вытачивает окончательный конус, деталь обретает свое целевое название: штуцер! Допуск на обработку — минимальный.

Ольга раскраснелась, движения ее рук укладываются в доли секунд.

— А как же иначе? Мне наверстывать надо... Ведь приходилось отлучаться с завода...

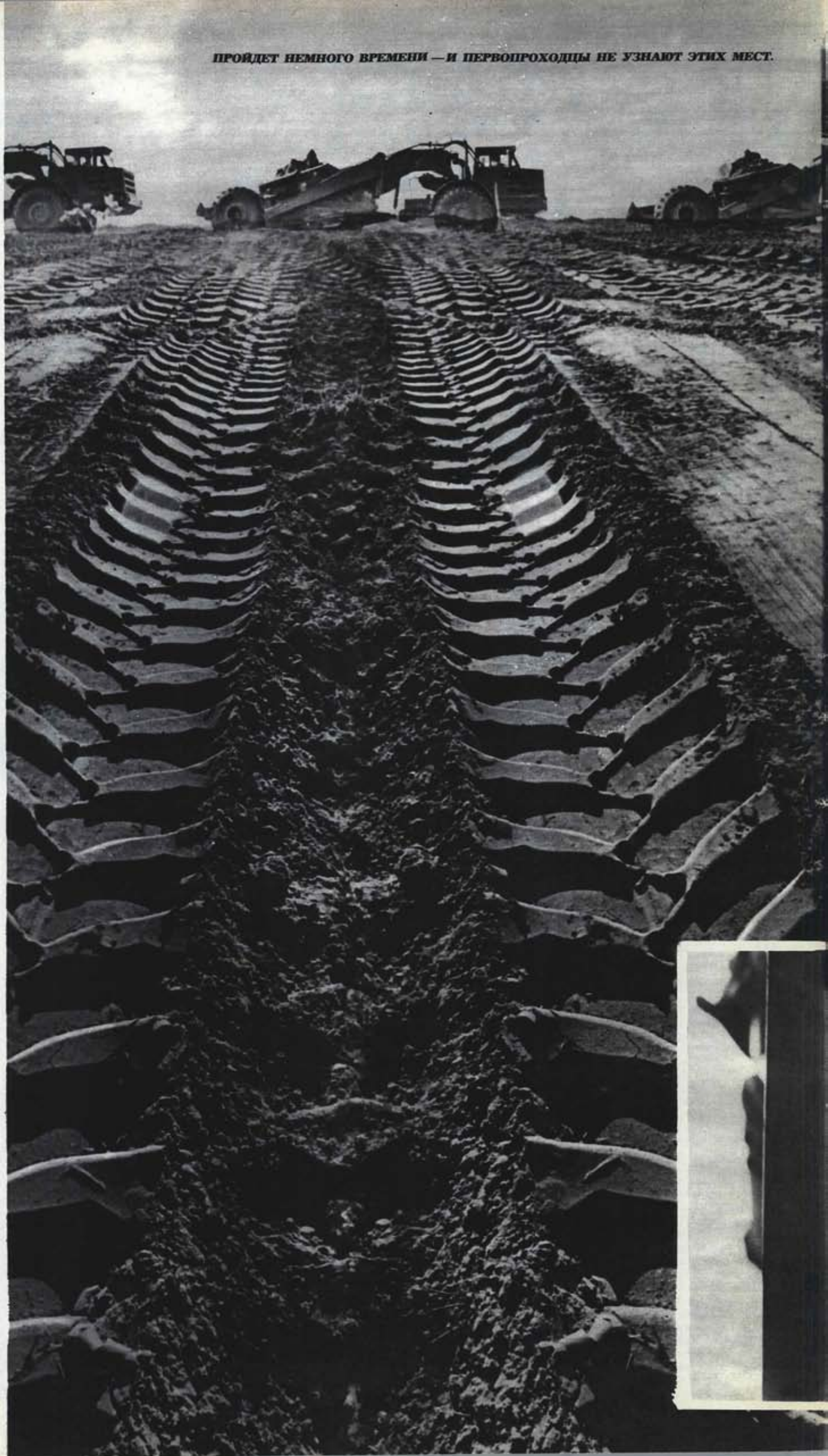
Какие же это «отлучки»? Ездил в Москву — на коллегии министерства, по разным заводским делам, и еще как делегат съезда партии, лауреат премии Ленинского комсомола Ольга Бондаренко провела не менее пятидесяти встреч с земляками-ульяновцами, рассказывая о решениях партийного форума. Многие после съезда изменилось в ее жизни: произошла какая-то переоценка себя: ведь это великое счастье — видеть воочию выдающихся людей своего времени, наряду с ними, как равная с равными, думать, волноваться, соизмерять собственные силы с общими задачами — огромный нравственный заряд получен ею надолго, навсегда... В ее жизнь вошли встречи с академиком Мальцевым и костромской председателем колхоза Малининой, космонавтом Климуком и артистом Ульяновым, неизгладимое впечатление оставили выступления Фиделя Кастро, Гэсса Хола, Алваро Куньяла, Долорес Ибаррури... А выступления женщин-делегаток? Из Куйбышева... Из Казахстана... Слушала — и думала о себе, кубанской девочке, поехавшей «искать романтику» и нашедшей ее десять лет назад на Ульяновском приборостроительном заводе. Да, здесь, в заводской работе, она нашла себя — ей стало интересно, и это не гаснет, не кончается... Ее кровное родство с заводом с годами только крепнет. Ольга выступила инициатором поддержки почина москвичей: «Пятилетке эффективности и качества — рабочую гарантию!». И на общем собрании выступила с предложением нести коллективную моральную и материальную ответственность за состояние трудовой дисциплины. Вот выдержка из протокола: «Принять предложение т. Бондаренко. В случае нарушения трудовой дисциплины коллектив участка лишается 5 процентов премиальных... Вызвать на соревнование участок № 4, участок горячей и полужидкой штамповки, заготовительный участок». Ольга, неоднократно избиравшаяся секретарем комсомольской организации, сейчас партгрупорг. Вот как ее характеризуют люди.

Михаил ДЫЛДИН, токарь-комсомолец:

— Это мой друг. Вообще душа-человек... И резец даст, если что, и на собрании насчет порядков не побойтся выступить... Я четыре раза выходил победителем в соревновании «60-летию Октября — 60 ударных недель!» — так Оля, как фамилию внесут в «Экран соревнования», первая подойдет — поздравит... А вы с Артемьевым, комсоргом, поговорите, она ему всегда помогает...

Мастер Виталий ШЕСТОТЕРОВ:

— Не только на участке — я во всем цехе не знаю более жизнерадостного человека. И справедливого. От нее многое идет... У нас случай был! Рабочий Ч. допустил прогнул... Ну, выпил — и невыход... И весь уча-

сток на премии пострадал! Так этого Ч. так воспыливали, что я б на его месте быть не захотел—и никто б не захотел... Вот вам как в жизни выглядит Олино предложение насчет коллективной ответственности.

Начальник цеха Е. С. БАЛАНДИН:
— Знаете, есть люди такой породы—надежные! Вот Оля—из них... И работница прекрасная и организатор! У нас же единая технологическая цепочка между литейным, заготовительным, механическим участками и сборкой... Ну, возник цейтнот—в силу конструктивных недоработок по ряду деталей пошел брак... Обсудили на партгруппе, уплотнили рабочий день, бросили клич комсомольцам—и вывели участок из прорыва... И Оля главную скрипку играла... А ее отношение к людям? Работает у нас одна женщина, пожилая уже. Ей нужна первая смена. А мастер считает—нет, выходи и в первую и во вторую... Оля подошла к вопросу по-человечески, явилась ко мне—и мы вопрос решили...

Сама Ольга—невысокая, быстрая, с всегдашней приветливостью улыбки—редко скажет о ком-то худое слово; ищет в человеке хорошее. Она убеждена: жизнь богато населена добрыми людьми. Вот жила в Ульяновске, а не знала, какой замечательный человек работает в ее городе—подружились в Москве, на съезде партии, и теперь подруги.

— Это Лена Гайкина, штукатур, вы обязательно познакомьтесь с ней.

...За Волгой выпал первый снег и грянул мороз. Бригада Хабибулова работала на Верхней Часовне, в новом микрорайоне. Вела штукатурку в новом общежитии. На лестничных маршах, на перилах—переносные горящие лампы, полной электропроводки еще нет. В доме натоплено и чуть сонно: обеденный перерыв. Лена Гайкина, в робе, тихо беседует с подругами. Она комсорг бригады. Отрывается от девушек неохотно, прошло немало времени, пока она разговорилась...

— После съезда уже пятый объект сдаем. Работали на бытовках заводских, в ПТУ, на базе снабжения, на ремзаводе, теперь вот трестовское общежитие сдаем... Работа наша нелегкая. 14—15 квадратных метров за смену надо сделать. Бывало, наломаешься, придешь домой—руку не подымеешь... Но в последнее время и затирочные машины применяем, и механизированная подача раствора у нас... Все от отношения к работе зависит! Если, например, гипсолитовая плита с браком—его ж ликвидировать надо, а колдобинки обычно в неудобных местах—с угла ли, снизу ли—вот и крутишься, пока не подготовишь плиту...

У Елены Гайкиной и Ольги Бондаренко—одинаковые обязательства: завершить десятую пятилетку к 110-й годов-

щине со дня рождения Владимира Ильича Ленина, чьим именем осына ульяновская земля. Земля, давшая им, совсем еще молодым работницам, возможность воплотить в себе величайшую истину жизни, что работа, честная, творческая, настоящая, и есть главное в человеческой судьбе.

ТЕЛЕФОНОГРАММА

Что ни встреча, что ни известие—из какого бы конца страны оно ни шло,—то новое подтверждение работоспособности, инициативы, повышенной ответственности за дело... Вот телефонограмма из Воронежа о молодом делегате съезда, токаре завода горнообогатительного оборудования Сергее Кузнецове.

Он первым в цехе и вторым на предприятии—к 20 сентября 1976 года—завершил годовое задание. Вместе с шестью другими делегатами съезда партии от Воронежской области выступил с инициативой: «Металлорежущему оборудованию—максимальную нагрузку!». Обком КПСС поддержал эту инициативу и рекомендовал ее к широкому распространению. Сам Кузнецов—лауреат премии Ленинского комсомола за внедрение передовых методов труда—даст дополнительно продукции на 200 нормо-часов.

После съезда Сергей обучил рабочему мастерству Леонида Бакатанова, который, закончив десятилетку, пришел на завод без специальности, а сейчас работает самостоятельно.

Сам Кузнецов недавно принял личный план—задание 1977 года выполнить к 1 сентября, задание двух с половиной лет пятилетки завершить к 60-й годовщине Октября, обеспечить рост производительности труда на 36 процентов, бороться за подтверждение звания «Ударник коммунистического труда», которым уже владеет два года, вновь добиться звания «Мастер—золотые руки», обучить профессии двух новичков.

Кузнецов—секретарь партбюро цеха. Одно из важнейших событий в жизни партийной организации—сразу после съезда партии 14 комсомольцев были приняты кандидатами в члены КПСС. Завершаются их кандидатский стаж, все они успешно прошли его и готовятся ко вступлению в члены Коммунистической партии.

125 НЕДЕЛЬ

Арцруни Акопян—один из тех людей, кто умеет творить чудеса. Или иначе: из тех мастеров, кто ломает нормы, удваивает их выполнение. Причем успех его не мгновенен, он не рекордист на минуту—он работает так год за годом.

О делегате XXV съезда КПСС машинисте камнерезной машины туфового карьера близ города Артика наш журнал писал три с лишним года назад, когда Арцруни был удостоен звания «Молодой гвардеец пятилетки», избрался делегатом семнадцатого комсомольского съезда. Еще тогда, в 1974 году, у Арцруни была в разгаре десятая пятилетка.

Вот как он работал:

«В тот день машина Акопяна прошла уже первые метры рихтовки—урочной полосы во всю длину карьера. Уже привычно замелькал по карьеру желтый бригадирский берет. По обе стороны рельсов быстро росли ряды розовых блоков, нарезанных с математической точностью. Уже вкатывались в карьер первые «МАЗы» за своими дневными «порциями», грузились и, урча на горной дороге, уходили вниз к железнодорожной платформе. Шоферы работали не мешкая, а возле машины Акопяна становилось все теснее от готового камня, который не успевали вывозить. Наконец стало так тесно, что с трудом въехавший сюда очередной «МАЗ», уже нагруженный, не смог развернуться и выбраться из карьера. Это грозило отрезать путь другим машинам. Значит, затор. Акопян мог на это смотреть сквозь пальцы: его дело резать камень. Но возникший вдруг гортанный и, как всегда, темпериментный армянский диалог взмогшего от напряжения шофера и бригадира Акопяна кончился тем, что Арцруни, не останавливая своей работающей машины, но продолжая следить за ее движением каким-то боковым зрением, сам сел за баранку «МАЗа». Толково и верно, с виртуозным умением опытного шофера, низко нагибаясь из кабины и глядя на колеса, он развернул «МАЗ» в этом немилым узком месте. К своей машине Акопян вернулся в тот самый момент, когда она проходила последние сантиметры рихтовки и готова была вот-вот упереться в каменную стену...»

И далее:

«На сложном, с множеством кнопок и рычажков пульте движущейся камнерезной машины Акопян работал, как работал экстремалист, по слепой системе, не глядя на клавиатуру, с той только разницей, что машинистка может ошибиться, ему нельзя (все его внимание в это время—режущему диску с победитовыми зубьями)...»

Как не позавидовать этому человеку, постигшему самые высоты рабочего мастерства!

На Всесоюзном комсомольском собрании, проходившем под девизом «Решения XXV съезда КПСС—выполним!», Арцруни объявил о своем обязательстве—повторить личный рекорд, поставленный в девятой пятилетке, выполнив к 1980 году два пятилетних плана. В последний день прошедшего года на его счету значилось 5300 кубометров добытого туфа—это ровно две годовые нормы. За 60 ударных недель, посвященных 60-летию Октября, Арцруни Акопян планирует выполнить норму 125 недель!

НА «БУРЕВЕСТНИКЕ»

...И снова движется бесконечная лента конвейера со стальными колодками. Вытащить из груды кожаных полуфабрикатов очередную овальную заготовку, укрепить на колодке, включить пресс—вот, в общем, и все операции затяжчика. Подсчитано: ровно полторы минуты нужно Игорю, чтобы «пропустить» очередную пару обуви. Движения его были сняты на пленку, а потом на видном месте оборудовали большой стенд: фотографии, пояснения, хронометраж—подробный рассказ о приемах работы затяжчика обуви московской фабрики «Буревестник», лауреата премии Ленинского комсомола Игоря Скриника. В конце прошлого года министерство даже организовало семинар на фабрике. Обувщики из Киева, Минска, Ташкента, Брянска, других городов два дня провели в гостях у Скриника и увезли на свои предприятия подробные рекомендации, показывающие все «секреты» производительности Скриника.

— А особых-то секретов и нет,—гово-

рил Игорь.—Во-первых, точное исполнение технологии и, во-вторых, технический прогресс на фабрике. В прошлом году, не останавливая производства, в нашем цехе ввели новую поточную линию и еще две—в цехе № 3.

Обычно проектировщики неохотно берутся за реконструкцию старых обувных предприятий: то новое оборудование не «влезает» в помещение, то санитарные условия не удается привести к норме. Не обошлось без трудностей на «Буревестнике»—опорные колонны посреди цеха никак не давали поставить новый конвейер. Выход нашли в фабричном конструкторском бюро: расширили конвейер, заставив его как бы опоясывать колонны. И появилась возможность выпускать обувь новых конструкций, чаще менять модели, а на потоке, где работает Скриник, удалось решить и такую техническую задачу—совместить затяжку обуви и склейку. Новая машина Игоря выполняет эти две операции одновременно—вот и выигрыш во времени.

— Но вот я возвращаюсь с сессии и узнаю, что некоторые цехи не выполняют план по выпуску обуви со Знаком качества,—рассказывал Скриник.— Оказывается, не хватило полиуретена, а любая замена материала автоматически лишает права на Знак...

Причина? Ухудшение снабжения.

И тогда на фабрику пригласили представителей торговли, заводов-поставщиков и продемонстрировали выставку, где, кроме образцов моделей 1977 года, были показаны и вынужденные замены материалов и образцы плохого сырья... Ну, а потом состоялась дискуссия наболевших проблем качества, заключены договоры сотрудничества. Положение стало выправляться.

По почину Скриника около тысячи рабочих начали соревноваться за досрочное выполнение пятилетки. Причем их обязательства подкрепляются обязательствами администрации, технологов, работников технических служб.

Контакты с комитетом комсомола у Игоря теперь еще теснее. Недавно он впервые избран секретарем партбюро цеха, поэтому каждая «акция» комсомольцев—будь то рейд «Комсомольского прожектора», проведение «дней качества»—проходит при его непосредственном участии.

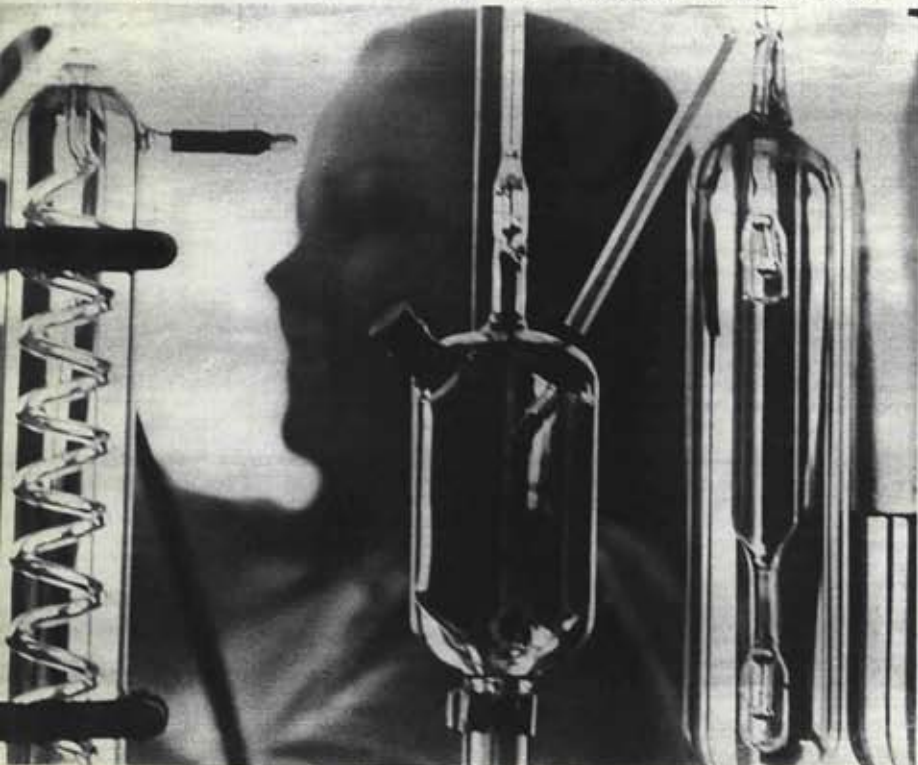
Секретарь парторганизации, член горкома комсомола, депутат райсовета, студент-заочник Высшей партийной школы Игорь Скриник, один из инициаторов знаменитого движения молодежи «За себя и за того парня», личный план первого года пятилетки выполнил в июле, второй годовой—в декабре. Иначе говоря, четко выдерживается заданный ритм: две пятилетки—в одну!

СЧАСТЛИВЫЙ СТАРТ

И еще один делегат XXV съезда КПСС—первый секретарь ЦК ЛКСМ Литвы, кандидат в члены Бюро ЦК компартии республики Валерионас Балтрунас.

— Год после съезда,—говорит он,—это множество событий, год напряженной работы, неустанного поиска. Я знаю, что «Смена»—журнал рабочей молодежи, и все-таки начну с рассказа об участии сельских юношей и девушек в той самоотверженной работе, которая позволила Литве собрать рекордный, невиданный у нас прежде урожай—по 29,3 центнера зерна с гектара. Колхозы и совхозы сдали его государству около трех миллионов тонн. Хлеб убрал без потерь—в первый послевоенный год создан хороший задел на десятую пятилетку.

Комсомол Литвы энергично поддерживал патристическое движение ленинградцев «60-летию Октября—60 ударных недель!». И, естественно, начин этот всколыхнул и сельскую молодежь, начавшую первую ударную неделю субботниками и воскресниками на уборке урожая. Свыше 700 комсомольско-молодежных бригад встали на вахту,

ЭКСПЕРИМЕНТ.

519-й был для них самым трудным. Но он же продемонстрировал их спаянность.

...На XXV съезд партии Казаков уехал в один из напряженных периодов: бригада монтировала одновременно две трубы — на 662-м и 669-м пикетах.

— Когда с трибуны партийного съезда я говорил о трудовом героизме строителей БАМа, я невольно думал о своих товарищах, обо всех, с кем уже прошел десятки километров сложнейшей трассы и с кем пойду дальше к океану. Я знал, что у них там сейчас самая запарка. И хотя Андрей Доскач телеграфировал мне в Москву, что дела бригады идут в целом нормально, я-то знал, что за этим стоит. А ведь мы не имели права сдавать ни одного из завоеванных рубежей, особенно после того, как приняли повышенные обязательства на 1976 год. По нам начали равняться другие, а предложение бригады — завершить годовой план к сентябрю — было широко подхвачено.

На тех двух трубах шел преимущественно монолит, а морозы на трассе еще держались. Это значило, что ребятам приходилось сутки за сутками греть бетон.

Вернувшись в бригаду после съезда, Казаков узнал о том, как их «директор бетономешалки» Коля Кузьмич однаж-

...И ЗА СЛОВОМ ПОСЛЕДУЕТ ДЕЛО!

чтобы убрать без потерь, сохранить урожай. Уже в ходе ударных недель были созданы 32 комсомольско-молодежные бригады на уборке льна, 56 — на уборке картофеля, 51 — на уборке свеклы.

«Смена». А как обстоит дело в городах — на заводах?

В. Балтрунас. Знаю, что любая перечислительность утомляет, и тем не менее я не могу не привести еще несколько цифр. В движение «60-летию Октября — 60 ударных недель!» включилось свыше 300 тысяч комсомольцев республики, у нас создано 2568 постов и штабов качества, около 5 тысяч молодых людей работают с личным клеймом качества.

«Смена». А кто был первым?

В. Балтрунас. Первый? Чтобы не погрешить против истины, назову несколько первых. Комсомольско-молодежная бригада слесарей-сборщиков Вильнюсского завода топливной аппаратуры имени 50-летия СССР, возглавляемая лауреатом премии Ленинского комсомола Марианасом Гольнисом. Комсомольско-молодежный коллектив участка автоматических линий каунасского электромеханического завода «Электра», руководит которым мастер Таутвидас Латакас. Комсомольско-молодежная бригада имени XXV съезда КПСС смены «Б» паневежского ордена Трудового Красного Знамени завода «Экранас» под руководством Алдоны Кавалюскайте, депутата Верховного Совета СССР, делегата XVII съезда ВЛКСМ.

«Смена». Пожалуйста, несколько слов о ком-нибудь из них.

В. Балтрунас. Может быть, о Гольнисе? Интересный человек. После окончания ГПТУ-30 он в 1969 году пришел на завод, в 1972 году стал мастером, в двадцать четыре года — кавалер ордена «Знак Почета».

«Смена». Несомненно, Марианас заслуживает самых добрых слов, но... ведь Гольнис был участником переклички рабочих бригад, отличившихся в соревнованиях за право подписать рапорт Ленинского комсомола XXV съезду КПСС, он присутствовал на нашей редакционной встрече бригадиров, рассказывал о товарищах. Может быть, познакоим читателей

«Смены» еще с каким-то интересным комсомольско-молодежным коллективом?

В. Балтрунас. Согласен. Приглашаю в Каунас. На электромеханический завод «Электра». На участок автоматических линий. Здесь обрабатывают щиты, корпуса и валы для электродвигателей серии 4А. В комсомольско-молодежном коллективе 18 человек. Один кандидат в члены КПСС и 13 комсомольцев. Руководит коллективом, как я уже говорил, Таутвидас Латакас. Он мастер, комсомолец.

Этот коллектив не новичок в социалистическом соревновании. В 1975 году ребята стремились достойно участвовать в движении «25 ударных декад — XXV съезду КПСС!». План двух месяцев 1976 года был выполнен накануне съезда партии, а обязательства на первый квартал — за два месяца. Один из членов этого коллектива, Хенрикас Жиняускас (он автоматчик), предложил товарищам со дня открытия съезда работать каждому с личным клеймом качества: с 24 февраля прошлого года здесь обходятся без работников ОТК — сдают продукцию с рабочей гарантией. Хотел бы специально подчеркнуть, что коллектив подписал договоры «цепи качества» со всеми кооперирующимися службами завода, обслуживающими участок, и с теми предприятиями, которым он поставляет продукцию.

Теперь ребята обязались завершить задание каждой из ударных предоктябрьских недель на 107 процентов, план 1977 года выполнить к 7 ноября, с 6 ноября работать с коллективным Знаком качества. Я не стану перечислять все виды продукции, скажу лишь, что члены коллектива собираются до 1 мая освоить смежную специальность, отработать на субботниках 500 человеко-часов, подготовить одного из своих товарищей к вступлению в ряды КПСС, завоевать звание «Коллектив качества».

«Смена». Вы, Валерианас Стасевич, называете лидеров...

В. Балтрунас. Как и в спортивных соревнованиях, лидеры меняются, набирают высоту другие производственные коллективы, являют образцы сметки, самоотверженного труда все новые и новые передовики, и в нашей республиканской газете «Комьяунио тиеса» («Комсомольская правда») в разделах «Репортаж с места события», «Хроника ударных недель» постоянно появляются новые имена. Это комсомольско-

молодежные коллективы Вилкавишской швейной фабрики, колхоза «Аткалинас», транспортного рефрижератора «Рокишис», химической лаборатории Вильнюсского молочного комбината, Каунасского государственного музыкального театра, Кедайнского завода электроаппаратуры — на ударную вахту встали все отряды, все категории молодежи республики. Хотел бы обратить внимание на ход Ленинского зачета: главное здесь — соединение обучения, повышения уровня теоретических знаний, воспитания идейной убежденности с высокопроизводительным трудом, с творческой инициативой, ударничеством молодежи.

И последнее, что хотел бы я сказать: Литва успешно закончила обмен комсомольских документов. Эта чрезвычайно важная в жизни нашего союза акция была проведена на высоком организационном уровне и способствовала дальнейшему улучшению всей работы...

ВМЕСТЕ — ДО ОКЕАНА!

Ему выпала честь не только быть избранным на партийный съезд, но и выступать на нем. Тогда ему было 24 года. За спиной Леонида Казакова к тому времени осталась дорога Усть-Илим — Хребтовая, за которую он носит орден «Знак Почета», армейская служба на Дальнем Востоке, работа освобожденным секретарем комитета ВЛКСМ строительно-монтажного поезда, первые 70 километров Западного участка БАМа.

Бригада монтажников ИССО, которой он руководил, прочно удерживала первое место среди других коллективов участка, стабильно перевыполняла свой рабочий план не меньше чем в полтора раза, хотя направлялась на самые трудные объекты.

Вершиной трудового мастерства бригады Казакова, ее рабочего героизма был 519-й пикет: сотни кубометров бетона, уложенные за 17 дней, при норме — полтора месяца. 17 дней, которые остались в памяти каждого члена бригады. Непрерывный дождь, раскисшая от воды глина на сапогах, руках, лицах, не просыхающая от дождя одежда, отменены все перекуры, время обеда — 10 минут, и работа с 6 утра до 9 вечера. Потому что не было иного выхода — пикет сдерживал отсыпку железнодорожного полотна, сотни людей ждали окончания работы казакцами.

НОЧНАЯ ВАХТА ЗАВОДА.

ды ночью шесть раз прощупывал в темноте всю цепочку электродов, чтобы найти очередной обрыв или замыкание. В ту ночь было «тепло», около тридцати, но ветрено, и обмороженные пальцы под утро Колю почти не слушались, зато не замерз бетон. Узнал Леонид и о том, как бригадный крановщик Володя Волков, не дожидаясь бульдозера, сам вырубал и ровнял площадку для своего «като», а потом, когда они уложили все имеющиеся блоки и Волкову нечего было делать как крановщику, он полез в котлован и взялся помогать монтажникам забивать паклей щели. Но за всеми производственными проблемами бригада не забыла о том, что 25 марта у Леонида день рождения, и «скинулись» ему на «водолазку»...

Да, той весной было нелегко. Не успевая за темпами работы казаковцев, снабженцы то и дело запаздывали с доставкой необходимых монтажникам материалов. А тут еще начались паводки, распутица... Многотонные машины вязли в оттаивающих болотах, застреивали где-нибудь на полпути к котлованам.

Казаков, несмотря на свой немалый строительный стаж, так и не научился «брат горлом», как другие, но в настойчивости ему не откажешь. И поэтому, когда несколько дней подряд бригада

сидела без работы из-за нехватки блоков, он не пошел очередной раз «объясняться» с руководством, а предложил поговорить о ритмичности на общем собрании. Пригласили и снабженцев. Леонид был краток:

— Повышение качества и эффективности работы, о чем много говорилось на съезде партии,— это не просто точная подгонка блоков или даже досрочная сдача объектов, это высокая добросовестность каждого. Повторяю—каждого. Потому что результат труда целых коллективов подчас зависит от того, сумеет ли один человек правильно учесть их производственный потенциал и спланировать фронт работы...

Нельзя сказать, что это собрание навсегда положило конец перебоям в снабжении, были и остаются объективные трудности трассы, но все же материалы стали подаваться на объекты ИССО значительно ритмичнее.

Производственный план первого полугодия был выполнен бригадой Казакова на 170 процентов. Это очень хороший результат, если учесть, что на следующих трубах—847-го и 850-го пикетов—потребовалось почти полностью менять естественный грунт в котловане на скальник как более эффективный при дренаже. Но прежде чем положить 1000 кубов скальника, надо

было вынуть из котлована столько же кубометров глины. Причем немалую часть этих кубов приходилось доставать самим монтажникам, так как экскаватор не брал углов и оставлял дно и стенки котлована недостаточно ровными. Но еще не было случая, чтобы кто-то из ребят ворчал на какую бы то ни было работу, приходилось ли им орудовать лопатой или «Дружкой», киркой или топором. «Надо, значит, надо»—к этой простой формуле все они привыкли уже давно, еще с их первого общего пикета.

— Я предложил всем членам бригады вписать в личные обязательства отдельной строкой пункт, по которому ответственность за качество работы ложится в первую очередь на них самих и на звеньевых,— говорит Леонид.—С того дня поочередно каждую неделю назначались «дежурные по качеству». Права дежурных, по общему решению, соответствовали правам бригадира. Он же отвечал за готовность техники к работе, доставку материалов и так далее.

Закончив монтаж семи труб в октябре, бригада Казакова активно включилась в соцсоревнование на Западном участке «60-летию Октября—60 ударных недель!». Ребята трудились тогда на укреплении старых искусственных сооружений, которые кое-где дали

осадку. Работа была не броская: доделки не монтаж, но до декабря казаковцы тем не менее успели выполнить производственные задания еще семи месяцев следующего года.

В октябре же Казаков, участвуя в работе Пленума ЦК КПСС, встречался с первым секретарем ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжелниковым. Потом он рассказывал ребятам об этой встрече:

— Центральный Комитет комсомола верит в то, что мы значительно перевыполним план юбилейного года и не уроним чести передовой бригады СМП.

И они оправдывают это доверие. В декабре, значительно опередив график работ, бригада без всякого подготовительного периода приступила к доводке котлована на ближайшем пикете уже за Небелем. И опять, сутками напролет, они в 50-градусный мороз грели грунт, дробили смерзшиеся глыбы скальника, стремясь доложить о готовности котлована к дню прихода первого поезда на Небель. И они успели, сделав один из своих знаменитых рабочих рывков, работая по вечерам и уложив первые блоки под фундамент будущей трубы.

— Главное за этот год, пожалуй, то,— сказал Леонид,— что бригада окрепла, закалилась и по-прежнему верна своей первой клятве— вместе идти до океана!

ВОТ И ВСЕШ НАШ РАССКАЗ... РАССКАЗ О ДЕСЯТИ РАБОЧИХ И РАБОТНИЦАХ, МОЛОДЫХ ДЕЛЕГАТАХ XXV СЪЕЗДА ПАРТИИ, И О МНОГИХ, С КЕМ НАШИ ГЕРОИ СВЯЗАНЫ КРЕПЧАЙШИМИ НИТЯМИ КОЛЛЕКТИВИЗМА. РАССКАЗ, КАЗАЛОСЬ БЫ, ТОЛЬКО О РАБОТЕ, О ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ДЕЛАХ—И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ О ГЛУБОКОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШЕВНОСТИ И ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, О ТАЛАНТЛИВОСТИ И СКРОМНОСТИ, О ЖАЖДЕ И УМЕНИИ ПРИНЕСТИ МАКСИМАЛЬНУЮ ПОЛЬЗУ РОДИНЕ И О НЕУМЕНИИ ЖИТЬ ТОЛЬКО ДЛЯ СЕБЯ... ОБО ВСЕМ ТОМ, ЧТО СОСТАВЛЯЕТ НАШ СОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР, СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ МЫШЛЕНИЯ И ЖИЗНИ. О ТОМ, ЧЕМ ОБЛАДАЮТ У НАС В СТРАНЕ НЕ ИЗБРАННЫЕ ОДИНОЧКИ, НЕ ЕДИНИЦЫ, А МИЛЛИОНЫ И МИЛЛИОНЫ...

НА XXV СЪЕЗДЕ ПАРТИИ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС ТОВАРИЩ Л. И. БРЕЖНЕВ СКАЗАЛ:

«...КАЖДОЕ УТРО ДЕСЯТКИ МИЛЛИОНОВ ЛЮДЕЙ НАЧИНАЮТ СВОЮ ОЧЕРЕДНУЮ,

САМЫЙ ОБЫКНОВЕННЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ: СТАНОВЯТСЯ У СТАНКОВ, ОПУСКАЮТСЯ В ШАХТЫ, ВЫЕЗЖАЮТ В ПОЛЕ, СКЛОНЯЮТСЯ НАД МИКРОСКОПАМИ, РАСЧЕТАМИ И ГРАФИКАМИ. ОНИ, НАВЕРНОЕ, НЕ ДУМАЮТ О ВЕЛИЧИИ СВОИХ ДЕЛ, НО ОНИ, ИМЕННО ОНИ, ВЫПОЛНЯЯ ПРЕДНАЧЕРТАНИЯ ПАРТИИ, ПОДНИМАЮТ СОВЕТСКУЮ СТРАНУ К НОВЫМ И НОВЫМ ВЫСОТАМ ПРОГРЕССА, И НАЗЫВАЯ НАШЕ ВРЕМЯ ВРЕМЕНЕМ ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИИ, МЫ ОТДАЕМ ДОЛЖНОЕ ТЕМ, КТО СДЕЛАЛ ЕГО ТАКИМ,— МЫ ОТДАЕМ ДОЛЖНОЕ ЛЮДЯМ ТРУДА».

ПО ВЕЛИКОЙ СТРАНЕ, ВСТУПИВШЕЙ В ШЕСТИДЕСЯТЫЙ ГОД СВОЕЙ ИСТОРИИ, ИДЕТ ВТОРОЙ ГОД ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ—ПЯТИЛЕТКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ И КАЧЕСТВА, В АВАНГАРДЕ ЕЕ РАБОТНИКОВ, ЕЕ ПОДВИЖНИКОВ И ГЕРОЕВ—МОЛОДЫЕ ДЕЛЕГАТЫ XXV СЪЕЗДА ПАРТИИ, КАК ПОКАЗЫВАЕТ ЖИЗНЬ, ОНИ ВЫСОКО НЕСУТ ЗНАМЯ НАРОДНОГО ДОВЕРИЯ, ВЕДУТ ЗА СОБОЙ МАССЫ, ЯВЛЯЮТ СВОИМ ТРУДОМ ЯРКИЙ ПРИМЕР!

Рассказ о молодых делегатах XXV съезда КПСС вели специальные корреспонденты «Смены»: Владимир АНИСИМОВ, Генрих ГУРКОВ, Борис ДАНЮШЕВСКИЙ, Олег СПАССКИЙ, Борис ФАИН, Владислав ЯНЕЛИС.

Фото Виктора АРСИРИЯ, Анатолия БОЧИНИНА, Альберта ЛЕХМУСА, Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

ВЫЗВАЯ ДУША

РАССКАЗ

старой татарке я приходил пить молоко. Садилось солнце, и я бежал по краешку оврага. У баньки, заросшей крапивой, мычал теленок. Веревка от колышка ползла по траве. Здесь было совсем тихо. Из оврага поднималась легкая сырость, и деревья дышали. Побитые ступни отдыхали на холодной тропе, я задерживался у забора и ел вишню. Теленок глядел на меня, вытягивая морду. Тихонько звякал бубенчик. Я вздрагивал — из вишневого куста, не моргая, таращилась птица. Не улетала, сидела, как приговоренная. Последнюю горсть я подносил теленку, гладил его по шишковатой голове.

Накануне хозяйка сказала:

— Гостей ждет. — И прищелкнула языком. — Свадьба!

До меня не сразу дошло — бубенчик смолкнет, у бани станет пусто.

Я взбегал чуть наверх и открывал калитку. Собака бросалась навстречу с жаркой обнаженной пастью. Цепь гремела по натянутому проводу, клыки взмывали надо мной, застывали в воздухе и обрушивались вниз. Собака ложилась ничком на землю, обметая позади себя хвостом. Так она делала всякий раз, усталая, навсегда прикованная цепью. Злость стала ее уделом, шерсть дыбилась на загривке, глаза взблескивали, лай разрывал грудь, но чуть погодя она сникала, точно стыдилась, выжидательно взглядывая на меня. Я бросал ей кусок булки или пряник. Хозяйка уже стояла на крыльце в цветастом сарафане, повязанная ослепительным платком, с большой глиняной кружкой в руках.

— Эч, улым*.

Меня не надо было уговаривать. Молоко медленно проливалось по горлу свежим теплом, белые крупные капли падали на грудь, и я самым уголком глаза видел, какой сумасшедший у меня загар, хоть пиши по коже веточкой, едва касаясь, и получится, как мелом на черной доске. Труссы накрывали содранные колени, кружка светилась дном, подле хозяйки ходили надутые куры, и в мире горело затухающее солнце. Я присаживался к собаке, не боясь ее оскала. Она словно перекачивала на зубах горошины, голова ее, слепленная из светлого пепла, покоилась под моим коленом. Я знал, она — волк. Ее принесли из близкого леса слабым волчком и выкормили молоком коровы. От волка у нее остался дикий, устремленный двумя клинками беспощадный взгляд. Она все время принохивалась, озиравшись, вздрагивала на открытом светящемся воздухе, потому, видно, что ветер приносит послеждождевой запах леса. А двор потихоньку заикался, засыпанный золой помета.

Еще на проводах качались ласточки. Прямо на поленницу низвергались кусты вишни. В саду о землю стучали яблоки.

Была середина августа на самом солнечном срезе. Черными вечерами по деревне гуляла гармошка, жалостливая, потерянная.

Я прощался с хозяйкой и брел в пионерский лагерь. Мать пристроила меня на сладкий август к лагерной врачихе — будто бы я родственник ее или еще какая близкая душа. Они так обо мне и договорились.

— Может же у тебя быть на свете близкая душа? Да и кому какое дело! Никого он не обесит. Пусть бродит, где хочет, — купается, падает с деревьев, ничего с ним не случится. Насчет молока я договорилась и заплатила вперед. Не соскучитесь.

— А если он меня презирает?

— Он? Что ты, золотко. Я тебя научу: если у тебя оборвется пуговица, дай ему пришить. Он — моментом. Поладите, увидишь.

Я дал слово в жизни не пришивать пуговиц. Как только мать уехала, я перепробовал все лекарства, которые приятно пахли. И заболел. Два дня глядел в стену и обливался потом. Тетя Лиза, так звали врачиху, умирала и плакала вместо меня. Ночью я вылез в окно и стал валяться, как собака, по облитой лунной траве. Голова горела, даже будто распухала, а кожа потрескивала.

А по деревне гуляла гармонь. Ночь обступала меня желтая, перемешку с серебром и тушью. Я вдруг, не зная отчего, завыл, обмирая, вытянувшись на траве. Затягивала поблизости от бездомной трусости собачка. Ни один свет не падал из окон. Холодная роса жгла грудь. Я выл длинно, отчаянно, и болезнь уходила из меня.

Потом я согревался под одеялом. Прошлепал к кровати тети Лизы и стал глядеть на нее в упор. Она охнула спронея и завскрикнувала:

— Ой, кто здесь? Ой, кто здесь! Нельзя... нельзя...

— Я выздоровел, — сказал я, присев на корточки. — Давай чего-нибудь есть будем. Слыхала, кто-то выл, а?

— Ничего не слыхала. Кто выл?

— Я.

Тетя Лиза окончательно проснулась, села, завернутая в одеяло.

— Брось мне халат. А чего придумаем поесть?

— Сейчас, — сказал я. — Чашки поставь на стол.

Я промелькнул через забор и улицу, упругий, как крепкий кулачок. Поначалу похвтал с грядки лук. Его уже прижали к земле доской. Пошарил огурцов. Есть! С вишней я управился совсем быстро, она сама просыпалась в миску. Сверху я положил два красных яблока.

Деревня спала в робком свету, как в топленном молоке. Корочки ржаных крыш плавали в тумане. У меня везде были свои тропки и ходы. Я их не искал, они отыскивали меня сами. И в домик тети Лизы я всегда входил через окно, размыкая беззвучно раму.

— Ух ты! — качнулась она. Руками пробежала по груди. — С таким мужиком не пропадешь. Все это мы накормим, и чего будет? Утренник, ага? Вот здесь садись и уплетай сколько можешь. Картошку я с вечера сварила, как чуяла, выздоровеешь.

* Эч, улым — Пей, сынок (тат.).

— Пуговица нигде не оборвалась? — спросил я.

— Господи...

— Я тебе пришью, не думай... А ты сегодня с утра делай уколы, я на них погляжу. Пускай побоятся. Прямо перед линейкой делай, чтобы в галстуках были. Писклям по два дела.

— У меня и лекарств не хватит.

— Найдешь, жалко, что ли.

— Найду, — успокоила она меня.

— Давай мне первому, а то опять заболею.

— Что ты! — испугалась. — Вон какой здоровенький.

— Ладно, поем и купаться пойду, позабыл, как плавать надо.

Так мы подружились с тетей Лизой. Она была рыжая, как сердце ромашки, и в белом халате. Синие колокольчики вылезали из кармашка, как будто всегда там росли.

День мой был моментальный, как глоток ключевой воды. Я и оглянуться не успевал, а над головой уже висели звезды. Здесь, у Волги, они были словно высоко заброшенные сухие косточки вишни. Иногда срывались, падали, и я поднимал к небу лицо. Под обрывом белели камни. Я обхватывал рукой сосну, чтобы не сорваться вниз. Вода ворочалась большой рыбой и всхлипывала. Я ждал, когда обожжется о темноту пароход. Он появлялся огромный и пылающий, казалось, обернутой посверкивающей слюдой. Каждый раз там играла музыка, на палубе стояли задумчивые люди. Я угадывал, молчат они или смеются, сочинял их разговоры: «Пойдемте пить лимонад с печеньем». «Ах, конечно. Только немного еще побудем на воздухе». «А вон там на бугре кто-то стоит. Вы видите?» «Ерунда, это дерево». «Нет, человек!» «Да дерево!» «Тогда я пойду один пить лимонад с печеньем».

И еще у меня была потеха. Я пристраивался на видном месте перед вечерней линейкой и ожидал своего часа. Пионеры выстраивались, чтобы опустить флаг и спокойно отправиться спать. Они беспокоились, как мыши, и что-то там грызли и что-то там шептали, а барабан стучал сердито и глухо.

Я начинал бить комаров. Уж я себя отхлопывал на совесть, даже ладони горячили. И пионеры следом за мной нещадно начинали веселиться, приплясывать шеренгами. А я, как дирижер, дубасил воздух и пыхтел от усердия. На меня шикали вожатые, но я не думал униматься... Перед самым концом, а я его чувствовал нутром, я незаметно смылся. На другой день менял место, и «комариный бой» вспыхивал с тройной силой.

Тетя Лиза меня встречала на крыльце, тихая, приготовленная ко сну. На коленях лежала раскрытая книга, но темень уже сгущалась, и тетя Лиза просто отдыхала, прислушиваясь к комарам. Они слетались к золотистой голове.

— И как ты не мерзнешь в одних трусах, — выговаривала она мне. — Опять заболеешь, что я буду делать? А еще дожди пойдут, у нас-то печки нет. Комарья стало, просто дышать нечем, в горло залетают.

Ей нравилось поговорить со мной под соснами. Я пристраивался рядышком, вытянув ноги. От кончиков пальцев легким покалыванием поднимался зуд, и колени пламенели.

— Скоро снова учиться начнешь. Поди, не хочется?

— Конечно. Целыми днями на трамваях катался бы.

— И ничего интересного.

— В окно глядеть. Бесплатная киношка.

— А если контролер? «Позвольте ваш билетик...»

— Я у него под рукой пролезу.

— Уж ты лучше учись. Теперь войны не будет, война далеко. У меня там хороший человек остался. Насовсем.

— Ага, погиб. Мать моя тоже страдает.

— А ты?

— Ну... и я. Страдаю. Без отца нам бедно.

— И мне бедно.

— Пойду ноги мыть. Вот сандали возьму и ноги пойду мыть. Ноги не снашиваются, им чего. Говорят, в них правды нет. Дураки говорят. Я их помою, как новенькие станут. Заблестят.

— Молока пошил?

— Попил.

— Будем укладываться спать. Я соберу немного поесть, пока моешься.

Вечера в августе были ласковые, притомленные. Я сбегал к реке опрометчивой лесенкой и, бросив в сторонку сандали, взрывал воду. Переворачивался на спину, успокоив руки. Вокруг меня дробилась мелкая волна, а я лежал себе пластом, едва-едва лишь шевеля ногами, радовался свободной жизни. В теле усмирялась быстрота, и я слышал, как наступает абсолютная легкость, будто сам я всплывший пузырек воздуха, привычная для воды плаваница. Пионеры, те при купании малясы — туда нельзя, там волна смеет, и визжали, и пожевались, а вожатые прямо-таки стремились оглушить реку из горластого рупора. Какая ж это жизнь!.. А я в неделю стал звонким, питался любой ягодой и бодался с заборами, как шальной бычок. Тетя Лиза сдавливала мои плечи:

— Ох, и мужичок растет, девкам на слезы.

Поев, я отворачивался к окну, а тетя Лиза глядела на себя в зеркало. Свечка обсыпалась каплями на блюде. Тетя Лиза вздыхала, шуршала одеждой или слабо посмеивалась, обсуждая перемены:

— Старее я, Рената. Изливаюсь свечечкой. Мне бы только сыночка, как ты, золотая была бы я. Я ведь и зову тебя Ренатой, как никто другой, чтобы отдельная промеж нас родственность была. Ты не обижайся.

— Чего мне обижаться. Зови, как хочешь.

— А я ждала его с войны, радость копила. А радость вся и спорела в танке. Господи, кричал он, наверное. Лучше б его сразу убило, чтобы огонь не взял. Рассказывали мне, как он перемучился. Мое имя говорил. Эх, и пожили бы мы...

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

А я уже думал, какую бы ей штуквину принести, замечательную, веселую, чтобы тетя Лиза не омрачала себя далекой думой. Только не придумывалось у меня, сон настилался, пахнущий теплой сосной.

— Я тоже об отце мучаюсь. И мать, как ты, в зеркало смотрит. Холодно, говорит, а в доме печь трескается. Трескается...

И в глаза мне сыпались искры. Над крышей передвигались сосны, оглаживали воздух ветвями, провеивались, роняя просушенные иголки.

Утром пел горн. Я прислушивался, отвыкая от сна. Гремели рукомоиники. За окном толкался о скамью баран, глухой и глупый. Маленькая пчела скользила по стеклу. Тетя Лиза появлялась на пороге со сковородкой, словно и не спала, а всю ночь жарила глазунью.

И так день ко дню, как свежие, пропитанные солнцем бруски для просторного дома. Мужики на соседней улице рубили избу голубыми топорами, загорелые, точно купанные в масле, и широко разлеталась светлая смолистая щепка. Обильным на солнце выдался август, лишь по глубине оврагов хоронилась сырость, где выходили наружу чистые ключи и утаивались в ложбинах зеркалами. У меня там было свое притаенное местечко, поверху сплошь обросшее крапивой. Я сидел там иногда на обмытом гладком камне, опустив в легкую сбегающую воду ноги. Никому не было до меня дела, и застань кто-нибудь здесь, не сразу бы и угадал, где крапива, а где я — настоящий человек. Сюда и звуки не проникали, только пела свое вечная вода и похрустывали изредка суставами сосны.

Но однажды я услышал плач в сплошном перевитом кустарнике. Пошел на возникший голос, карабкаясь по склону. Девочка плакала козленком, ни для кого, себе в утешение. Она и вскрикивала изредка, точно ее щекотали, а потом вдруг начала икать от окончательной растерянности. Получалось, что она так забавно пускает пузыри. Открылась она мне, легонькая, на коротком пеньке, в маечке и трусиках, с красной лентой в совсем соломенных волосах.

— Эй! — позвал я. — Не бойся. Чего здесь ходишь?

— Мальчик, хорошенький, спаси меня. — запричитала она. Ну, точь-в-точь козленок. — И тебя до самой смерти помнить буду. Босиком я. По шишкам. Вся-вся искололась...

Шпарила, как наизусть приготовила. И слезы пропали, грязь на щеках осталась, худая-худая девочка и красивая.

— Ходи за мной, — сказал я. — Дома, что ли, нету?

— Лагерская я. Мы с тобой потом печенье есть будем. И не жалко мне. — засмеялась, счастливая, ни с того ни с сего. — Другие ночью грызут. Я думаю, что они там делают, а они грызут. Под одеялами. Я думаю, а вдруг язык откусят, и говорю: «Кпши, мыши страшные! Качается черный гроб, качается...» Это чтобы как в сказке.

— Ух, ты, а сама трусиха.

— Мне потому что больно. Я заблудилась.

Притащил я ее к своему камню, усадил.

— Мойся, — сказал я, — пей. Такой воды нигде нету.

— Крапивой вся обожглась, божьих коровок ловила.

Сам того не ожидая, я поглядел ее по волосам, такой она мне показалась

маленькой и беззащитной. Но девочка вдруг ударила по моей руке, и некрасивая гримаса покрыла ее лицо.

— У тебя же цыпки! — обожгло меня. — Ты не лагерский.

Полез я наверх, не оглядываясь, кусая на ходу колокольчики.

— погоди, — звала девочка, — погоди! — Долго звала. И голос ее затихал.

А в домике тети Лизы у стола сидел темный мужчина и курил длинную папиросу. Булькало в стакан вино. На рукаве блестела рыба чешуя. Перевязанный бинтом палец глядел в сторону. Створка рамы упиралась в мой затылок.

— Если желаете, я вам рыбки привезу. Через день могу возить. Судачков подберу, стерлядки.

— Не беспокойтесь. Нехорошо столько пить.

— А мы сегодня гуляем, вот и палец взрезал. Костер у нас. Что ли пригласить вас, женщина вы прекрасная?

Он был чубатый, веселый и широко разводил руками. Глаза глядели прямо в тетю Лизу. Мужчина и ей в чашку налил вина, но тетя Лиза поднесла ко рту руку и прижмурилась маленько.

— Чего тут думать, — нажимал голосом рыбак. — Гармонь есть — горячая жизнь есть. Без памяти хочу жить. Выпьем, Лиза, отпылали мои дороги, теперь без памяти жить буду!

— Эх, вы какой. — И выпила одним громким глотком, надкусила яблоко. — В другой раз, — сказала, — для костра больше хвосту запасайте, чтобы до утра хватило.

— Можно и в другой раз, как прикажете.

Я испугался: умыкнет он тетю Лизу своей раненой рукой, костром завеселит, вон как расселся, привалившись к моей кровати, табуретку проломит. Обежал я дом и выстукинул коленкой дверь.

— Сынок, что ли? — радостно удивился мужчина.

— Сынок, — сказала тетя Лиза.

— Войной поднесенный... — непонятно добавил мужчина.

— Волка приведу, он тебе даст! — кинулся я на него. — Бинтов не хватит.

— Сам и есть волчонок, — не рассердился рыбак. — Мы ж друзья с доктором.

Правда, Лизавета Павловна?

— Хвосту собирайте, — весело откликнулась она. — А волка привести он точно может. Не шутит. Честное слово.

При мужчине она и говорила и двигалась по-другому. Тень от нее накрывала меня и успокаивала.

— Обедать мы собираемся, — сказала твердо.

— Так я заеду, заеду, — поспешил рыбак. — Спасибочки вам за подмогу. Хвосту отборного для пыли заготовлю.

И снова я ждал выскальзывающего из-за поворота реки, удивительного в темноте парохода, принимал в душу свободную, проливающуюся на воду музыку. И возвращался к домику, собрав в кепку вишню. И опять тетя Лиза сидела перед зеркалом, освещенная пламенем свечи, одинокая, как сосна на обрыве.

Ни о девочке, ни о рыбаке я больше не вспоминал.

— Рената, а можно жить без памяти? — спрашивала меня тетя Лиза.

Но я не отвечал, делал вид, что сплю. Скоро свеча гасла.

ОЛЮНЬКИ

Человек среди людей

С участков докладывали о произведенных взрывах. Подземный диспетчер делал отметки в журнале, сюда же заносил показания недавно установленных сейсмоприборов. Все совпадало, все шло нормально. Будни.

Потом сверху позвонил главный инженер, приказав разыскать двух научных сотрудников — их сопровождал горный мастер Корзинкин.

— Корзинкин поднялся, я же помню, — сказал диспетчер.

— Вот именно! Корзинкин у меня. А теперь разыщите мне товарищей из института. Их фамилии — Жиглов и Родионов.

— Понял. А чего он их бросил-то?

— Что значит «бросил»? Они послали его за документацией к маркшейдерам... Впрочем, без лишних слов: разыщите товарищей — и на связь ко мне.

Но их нигде не было — Жиглова и Родионова. То есть не было там, где что-то делалось, где работали люди и были телефоны. Вместе с Корзинкиным их видели на втором участке, в шестой лаве, где начал работать новый врубовой комбайн. Машинистка одного из бункеров сообщила: какие-то двое — она их не узнала — прошли вроде бы в сторону старых выработок. В том районе не так давно был пожар, два забоя заглушили кирпичными перемычками. Что им там делать, научным сотрудникам? Приехали посмотреть, как работает усовершенствованный ими врубовой комбайн, так сидите возле него и смотрите. Шахта не пригородный лесок, здесь каждый шаг — с оглядкой. А эти двое еще и провожато-отослали. Ну, деятели... Вот случись что, как недавний пожар...

Диспетчер невольно взглянул на самописец, контролирующей район старых выработок, и что-то ему показалось непривычным в линиях графика. Несколько подряд идущих скачков указывали на сотрясения, какие-то сдвиги в породе. Похоже, обвалы...

Через несколько минут горноспасатели ушли обследовать район старых выработок и вскоре подтвердили: обвал. Разобрали его быстро, проникли на участок непосаженной лавы, но Жиглова и Родионова здесь не оказалось. Они могли пройти в другие лавы, но путь к ним преграждали еще несколько обвалов. Искать предстояло в четырех-пяти направлениях. В шахту спустился отряд горноспасателей в полном дежурном составе.

Логика подсказывала: прежде всего нужно выяснить, с какой целью Жиглов и Родионов забрались в район старых выработок — если они туда забрались? Было ли что-нибудь, что могло их туда заманить? А если это «что-нибудь» есть, то надо знать, что именно. Тогда можно точнее определить, где их искать...

Главный инженер связался по междугородному с институтом и начал разыскивать некоего Ладушкина, который, как ему удалось обиняками выяснить, не сообщая пока о происшествии в шахте, один был подробно посвящен в цель поездки Жиглова и Родионова и мог, вероятно, чем-то помочь.

А горноспасатели продолжали поиск вслепую...

Обычно в отсутствие Жиглова в его кабинетике работал Петр Григорьевич Ладушкин, неофициальный зам. Когда зазвонил телефон, Ладушкин воцарился у подоконника с рулонами чертежей, а помогающий ему сегодня Бобков сидел за столом. Он и поднял трубку, послушал...

— Тебя, Ладушкин. Главный инженер с шахты «Пятая Зареченская».

Ладушкин помедлил...

— Скажи: я вышел и буду через час-два. А что ему надо?

Бобков спросил.

Главный сказал о происшествии.

— Действительно, что их туда занесло, на эти старые выработки? — удивился Ладушкин.

Бобков в трубку: «Одну минуту...» — и, прикрыв ее ладонью, Ладушкину:

— Ты бывал на этой шахте? Кажется, мы там что-то делали...

— Кажется ему! Врубовой мы там сделали — это всем известно.

— Да нет, года полтора-два назад, еще до моего прихода, там Родиончик что-то мастерил... Ты не помнишь?

Ладушкин внимательно смотрел на Бобкова... Промолчал. Вдруг предложил:

— Вот что: скажи ему, что здесь поняли ситуацию. Разберемся, посоображаем и через час-другой позвоним. К стати, к тому времени и сам Ладушкин подойдет.

На этом телефонный разговор закончился.

— По-моему, надо шефу сказать.

— О чем? — вразяжку спросил Ладушкин.

— Естественно, о том, что случилось.

— А что случилось-то?.. Пока ничего...

— Не понимаю, — чуть вызывающе сказал Бобков.

— Попробую вразумить. Рядом с Родиончиком находится всеми уважаемый товарищ Жиглов — матерый жизнелюб. Предоставим ему решать предложенную жизнью задачку — уж он-то не ошибется. А что касается шахтного начальства, то ему не очень-то выгодно афишировать свои чпы, премии могут лишиться и вообще... Обвал-то произошел не на производственном участке, а на закрытом, так что могут и забыть это дело, если с Родиончиком и Жигловым все обойдется...

— А если...

— А если случится то, о чем мы сейчас с тобой подумали, то уж тогда Родиончику и Жиглову никто не страшен.

— Н-да, вот это мне уже понятнее.

— Ну и лады. Тем более, что мы ничем не можем помочь. Остается ждать... Давай-ка закончим начатое, а то ведь ты, небось, в чмоданном настроении. Когда уезжаешь-то?

— Послезавтра днем.

— В воскресенье? Чудненько! Удобно провозжать. Расставаться с нами не жалко?

— Жаль, но там я буду работать по своей теме.

— Правильно. Я бы тоже подался, да вот что-то удерживает.

— Это «что-то» известно всем, Ладушкин. Ты ведь законченный преемник.

— То есть?!

— Я имею в виду функцию прибора. Преемник! Сегодня ты преемник Жиглова, завтра — замдиректора, а там... жизнь-то долгая, а кресел много...

— Чем я хуже других? Того же Жиглова... да и Родиончика...

— Слушай, Ладушкин, ты действительно не знаешь, зачем они поехали на старые выработки?

— Да ведь всякое можно предположить. А этот главный с шахты требует единственного и точного ответа. Ну вот ты, Бобков, что ты можешь ответить?

— Не знаю.

Бобков не знал также, что через полчаса его пригласит директор и попросит выполнить последнее поручение: помочь кое в чем разобраться приехавшей сегодня группе горных инженеров.

Ладушкин знал об этом.

Он сам рекомендовал для этого дела Бобкова и сейчас с тревожно-радостным удивлением спрашивал себя: что это — интуиция? Потому что Бобкова не будет до конца рабочего дня, а Ладушкин, как известно этому главному инженеру с шахты, как раз перед его телефонным звонком вышел на час-другой, а когда вернется — неизвестно. Завтра — суббота, выходной, послезавтра — воскресенье, незадачливый уминок Бобков умчится в поисках диссертальности... Был или нет звонок с шахты — поди докажи. Во всяком случае, Ладушкин ничего не знал о таком звонке, и уж тем более неизвестно ему, о чем хотел спросить у Ладушкина этот главный с шахты. А там и понедельник. Вероятно, он и правда будет тяжелым днем, нет, не

тяжелым, а трудным, напряженным, что-то тающим в себе.

Н-да, что день грядущий нам... Где ты, интуиция, что скажешь?

Конечно, горный мастер Корзинкин сопровождал их как в некотором роде лицо подчиненное, но вряд ли он пустил бы их на старые выработки. Пришлось Родионову состряпать убедительную версию и послать его наверх к маркшейдерам. Жиглов, очень довольный результатами проверки — эффективность усовершенствований в конструкции комбайна, предложенных институтом, была очевидна, — не тайл радости, был благодушен и покладист. Тут-то Родионов и предложил ему побывать на старых выработках, где в одной из лав остались экспериментальные крепежные стойки «Системы Родионова». Они так и остались экспериментальными, и с причинами столь печального факта в институте легко согласились. Как ни странно на первый взгляд, но одной из причин оказалось то, что стойки слишком прочно держали кровлю: при посадке лавы падала производительность труда. Правда, были и преимущества: повышалась безопасность работы, экономились лесоматериалы — стойки были сборно-разборные, передвижные. Но именно технология сборки-разборки и передвижения не была отработана, вот стойки и застряли в выработанной лаве.

Дверь в «запретную зону» была заколочена, Родионов вернулся к противопожарному щиту и принес ломик.

— Взломщики с учеными степенями. Для газетного фельетона подходящие, — пошутил Жиглов.

У них возникло ощущение едва ли не мальчишеской радости, какого-то трепета и жутки, когда они, сначала низко пригнувшись, а затем на коленях, начали продвигаться по лаве в мертвой тишине.

Проще было пересечь лаву от забоя к забоя — как переплыть речку от берега к берегу. Они с этого и начали, но на середине пути Родионов предложил двигаться «вдоль». Добрались до участка, где лавы крепились экспериментальными стойками «системы Родионова».

— Семен Васильич, тут у меня сюрприз намечается, — сказал Родионов.

Жиглов пребывал еще в благодушии и ответил поощрительно:

— Ну-ну, ты ведь начинен сюрпризами. Давай удивляй.

— Рванем эту крепь, а? Посмотрим, выдержат ли стойки.

— Ну, знаешь, Родионов... я ведь не постесняюсь тебя дураком назвать... Впрочем, рвать-то чем будешь? Прихватил, что ли?

— Есть несколько штучек. Цепь замкну через аккумулятор «коногонки».

Почему Родионов «выдал» такой сюрприз? Ведь с точки зрения здравого смысла это — опасное дурачество, Жиглов прав. Но сам-то Жиглов согласился на взрыв!

Позже Родионов раздумывал об этом: ладно, он, Родионов, решил на столь странный и несовершенный поступок... ну, скажем, ради самоутверждения, что ли, характер такой у него, у Родионова. А Жиглов чего ради рисковал? Как начальник, он обязан был запретить «опыт», но в конце концов сказал: «Ладно, рвани!» И, кажется, Родионов понял подспудную суть решения Жиглова: «Я для тебя жизнью рисковал, Родиончик, так будь же мне во веки веков предан!»

Но эта мысль пришла много позже, а пока Родионов готовил взрыв...

Над ними порода, казалось, только чуть вздрогнула, но из глубины низкой лавы налетел грохот...

Родионов обследовал пространство, в котором они очутились.

— Отрезаны. Вот не ожидал... Разве что попробовать разбирать завалы вдоль бутовых кладок...

— Стоечки-то ничего! — сказал Жиглов. — А мы их в институте... похоронили...

ЦВЕТОЧЕК

Валерий БАРАНОВ

Вот и было произнесено жутковатое сейчас слово.
— Выберемся,— сказал Родионов.
— Искать, конечно, будут, но ведь не знают, где? Пока доберутся...
— Кто-нибудь на шахте догадается же позвонить в институт, в наш отдел. А там — Ладушкин. Он с точностью до метра скажет, где мы.
— Ладушкин, конечно, любит точность. Но откуда ему знать?
— Да так, был разговор...

Разговор был. В своей обычной манере Ладушкин рассказывал:

— Не помню, где и когда один чудаков построил мост. Естественно, мост получился чудной, непонятно, как и на чем держался. Заказчик в ужасе за голову схватился: «Рухнет же!» Чудаков отвечает: «А я под него лягу». Ну лег. Заказчик пропустил по мосту колонну тягачей — ничего, выдержал. Чудаков спрашивает: «Теперь веришь?» «Верю!» Чудаков, естественно, собрался домой уходить, к жене. А заказчик его хватил: «Э, нет, голубчик, ты уж давай теперь все время лежи под мостом, а то уйдешь, а он возьми и рухни. Мост-то у тебя все-таки чудной!» Тебе не кажется, что заказчик ближе к жизни?
— Не знаю. Чудаков мне как-то понятнее... Да и жена его ждет.

— Ты докажи, что стойки твои зря зарублены,— полег под ними! Только сначала женись, Родиончик.

— А что? Это любопытно. Ты ведь с Жигловым скоро собираешься на «Пятую Зареченскую» начесть комбайна? Так давай я вместо тебя съезжу.

— Съезди, золотко. И будь там умницей, несмотря на то, что чудаков тебе понятнее...

Воздух откуда-то все-таки поступал, но было уже душно, и разбирать завал становилось все труднее. К тому же лампочка у Родионова стала меркнуть: сел аккумулятор,— пришлось поменяться «коногонками» с Жигловым, так как тот полз сзади, быстро уставал и все чаще ложился отдыхать. Они решили пробиться к забоям, где был пожар, и хотя там кирпичные перемигички, но все же это не бесконечные глыбы породы, авось, можно проломить или достучаться.

Наконец и Родионов устроился основательно отдохнуть. Странно, думал он, нет страха или той смертельной тоски, о которой рассказывают и пишут люди, побывавшие в нашем положении, да и Жиглов вроде бы нормально держится. Правда, если признаться, были мгновения жути, какие-то приступы — завить хотелось. Но теперь усталость все приглушила, придавила, даже говорить трудно... Он выключил свою лампочку, экономя энергию. Недалеко мерцала красным лампочка Жиглова, мерцала, как... да, как аленький цветочек. Сравнение пришло издали, из двух- или из трехлетней давности. Ладушкин «родил» этот «аленький цветочек», вынул его из кладезя своей житейской мудрости... что-то там было связано с газетой...

Да, точно, появился у них в отделе корреспондент. Нечто проблемное хотел он написать, конфликтное и, кажется, мог он такой материал найти у них. Жиглов позвал к себе в кабинетик Ладушкина и его, Родионова. Посоветовал: «Послушай и... поучись».

Ладушкин начал излагать «проблему». Он говорил с красивой логичностью, молниеносно находя доступные читателю сравнения и некие «художественно-прикладные эквиваленты технической и научной абстракции». Он тактично и ощутимо обволакивал корреспондента броской образностью, лихострой ассоциаций, и как-то ненавязчиво получалось, что он щедро, доброжелательно не только разрешает, но как бы и скромно настаивает на том, чтобы его насыщенный монолог попал именно в эти, безусловно, delicate руки столь молодого еще очеркиста. И еще он тонко, почти неуловимо, точно мгновенно стряхивая шальную мысль, дал понять: мол, было бы совсем хорошо, ежели бы этот

монолог трансформировался в собственные авторские размышления, а он, Ладушкин, вольный или невольный герой, скромно и неколебимо оставался на посту у своей проблемы.

Это была многоцветная атака, ошеломляющая искусностью сочетаний, получалась готовая статья, почти очерк.

Она и появилась в газете почти без изменений. Родионов прочитал и удивился: красиво, но куда проблема-то делась?

— Обойдутся,— сказал Ладушкин.— Свое оставим при себе.

— Умеешь ты пудрить мозги.

Жиглов и Ладушкин рассмеялись.

— За что и цену.— Жиглов потрепал Ладушкина по плечу.

Жиглов ценил и Родионова. Впрочем, к некоторым его «фантазиям», например, к стойкам, он относился, как и положено относиться к фантазиям. А между прочим, стойки — это давняя любовь Родионова.

В основу стоек он положил принцип лука — древнего оружия. Берем палку, стигаем в дугу и удерживаем в напряжении тетивой. Так же и стойки. Силы тетивы — прямая палка, надел — дуга, выдерживает давление. Родионов вылавливал «из воздуха» информацию, но искал и свое. К тому же, чтобы «фантазия» стала реальностью, средства нужны.

— А на эту тему сказочка есть,— отозвался как-то Ладушкин.— Называется она «Аленький цветочек», но вариант адаптированный, приспособленный к местным обстоятельствам. Так сказать, по мотивам.

Итак, сказочка. Жили-были дружной семьей три сына и с ними отец родной. Каждый год уезжал отец в главк-город и спрашивал, кому что достать.

— Привези мне средства,— сказал старший сын.— Хочу машину построить, чтоб асфальт на дорогах выравнивала, а то в одном месте провалится, в другом вспучится. А машина выравниет.

— Ладно. Дело полезное. Привезу. А тебе что, мой средний сын?

— Хорошо бы средства! Хочу облаковод создать, чтобы водил облака строго по графику и куда надо. А то полная анархия в небе.

— Конечно, порядок лучше, чем анархия,— согласился отец.— Привезу. А тебе что, мой младший сын?

— Средства. Хочу вырастить аленький цветочек.

— Гм-м... А зачем?

— Да так... Хочется.

Почесал отец затылок, но делать нечего. Уехал, приехал, привез. Стали делить. Выясняется: у старшего сына все больше асфальт вспучивается и опадает, надо срочно выравнивать. Значит, ему побольше средств надо. У среднего неба высокое и над всей землей простерлось — это же вон сколько облаков, попробуй наведи порядок! И ему побольше средств. Ну, а младшему ничего и не осталось. Отец и говорит ему:

— Там, где я был, знают сказку про аленький цветочек. Авантюрное, говорят, дело — ведьмы, лешие, дэбри, чудище... О-хо-хо! Ты бы лучше, сынок, вездельг построил.

— А это что такое?

— Да вот был я в главк-городе, дела делал, а ночевать негде. И возмечтал я: есть у меня вездельг, раскрыл его и лег, хоть на асфальте, хоть просто на земле, словом — везде.

— А средством?

— Найдем,— засмеялся отец.— Сделаешь вездельг — и для цветочка твоего найдем...

— Между прочим,— заключил Ладушкин,— Жиглов наш пробьет для института то, что не под силу и самому директору.

...Они разобрали завал, проползли метров двадцать под деревянными стойками, которые, казалось, вот сейчас обрушатся из-за любого неловкого движения... и снова уткнулись в груды породы. Снова завал...

— Старый осел, идиот, доверился какому-то мальчишке, какому-то...— Жиглов стал ругаться, и Родионов удивился, откуда тот собрал столько брани. Он даже почувствовал себя легче и веселее и слушал с любопытством. Вообще-то он замечал за собой: когда других видит в отчаянии, то в себе вдруг ощущает силу и спокойствие.

Жиглов, кажется, выдохся, замолчал, потом заговорил тихо:

— Родиончик, как думаешь, выберемся? Ты уж постарайся, сил у тебя побольше... Все потом тебе сделаю. И стойки твои пробьем. Комиссия-то поймет, что ты взрывал, непоздоровится тебе, а я выручу...

— Идите вы...— Родионов начал отгаскивать глыбу породы.

Уже в конце всех разговоров и объяснений один из инженеров спросил:

— Я как-то ездил на «Пятую Зареченскую», видел там стойки вашего института, кое-что мне показалось очень интересным. Вы не могли бы подробнее...

Но Бобков, не дослушав, быстро пошел к себе в отдел, дозвонился на шахту. Главный инженер был под землей, ответил кто-то из шахткома:

— Да, мы уже знаем. Наши рабочие подсказали. Пробиваемся к стойкам Родионова.

Главный инженер приказал пробить кирпичные заглушки в забоях, где был пожар. Подключили вентиляцию. Свежий воздух пробивался сквозь щели в лаву, Родионов почувствовал его приток, это удвоило силы...

Наконец, они вывалились из лавы в забой: невдалеке сквозь пролом в кирпичной кладке виднелись белые пятна шахтного освещения.

Спустя примерно час они вышли из медпункта. Их поджидал главный инженер. Он спросил у Родионова:

— Взрывал?

Родионов встретился взглядом с Жигловым...

— Нет.

В глазах Жиглова заплескало шефско-одобрительное: «Молодец, Родиончик! Ценю!» По лицу главного поползла кривая усмешка...

В понедельник они встретились в отделе. Ладушкин с легкими ироническими интонациями рассказывал:

— Ну, разумеется, пришлось сделать вид, что Ладушкина нет, вышел на часок-другой. Естественно, шефу ни слова. Ибо известно: Семен Васильич не ошибется.

— Молодец! Признавайся, моя выучка?— Жиглов улыбнулся.

Ладушкин признался.

— Вообще-то, Ладушкин, ты мог бы и сказать главному, где нас искать,— сказал Родионов.— Мало ли что...

— Вообще-то взрывал ты, а не я, и Семен Васильича втянул.

— Ладушкин — умница. Знай, Родиончик, у меня чепиз не бывает. Ты брось это. Ведь что мы с тобой пережили! Это у нас с тобой, знаешь, что было? Это у нас была э-по-пей! Запомни, брат! И держись меня: я тоже памятливы! Аленький-то цветочек охота, небось, в руки взять...

В усмешливом взгляде Ладушкина читалось: «Что, золотко, неуютно в плену у чудища-то?»

Жиглов ушел к себе, и Ладушкин сказал вслух:

— Не ересь. Это лишь в сказке чудище оборачивается в добра молодца, а в жизни... Вот так-то, Родиончик!

Он ответил Ладушкину:

— Нет Родиончика. Есть Родионов. Или иначе: был Родионов.

— Это как же?— удивился Ладушкин.

— А так.— Решение, пришло внезапно, но высказал он его уверенно, будто давнее:— Ухожу я от вас.

Жемчужины
отечественной культуры

ЗА ЭТИМ СТОЛОМ АКСАКОВ РАБОТАЛ...

ПЕЧЬ-ЛЕЖАНКА
РАБОТЫ ВРУБЕЛЯ.

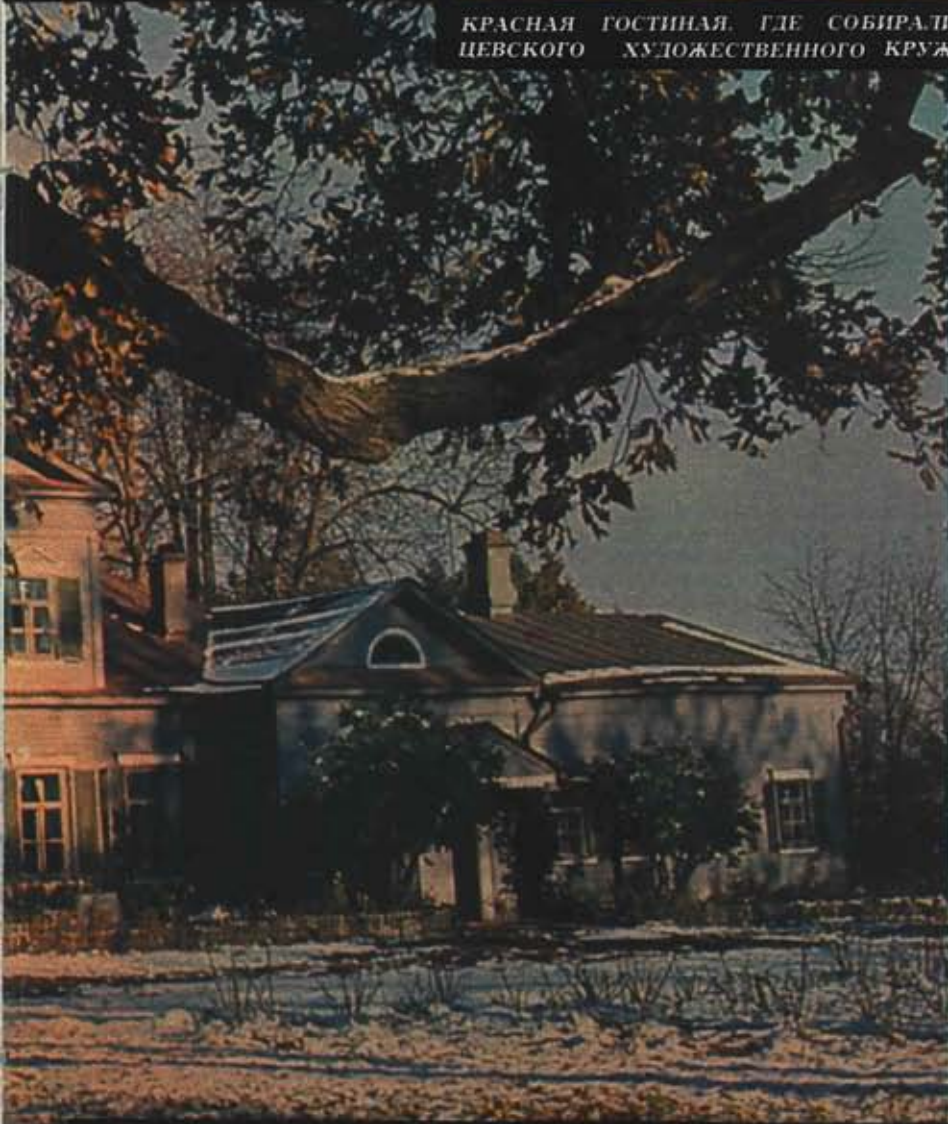
ДВЕ ЖИЗНИ СТАРОГО ДОМА

Алексей НИКОЛАЕВ. Фото Василия МИШИНА. Специальные корреспонденты «Смены»

СКАТЕРТЬ, НА КОТОРОЙ РУКАМИ ВЕРУШКИ МАМОНТОВОЙ ВЫШИТЫ АВТОГРАФЫ ЗНАМЕНИТЫХ ЛЮДЕЙ, ПОСЕЩАВШИХ АБРАМЦЕВО.

КРАСНАЯ ГОСТИНАЯ, ГДЕ СОБИРАЛИСЬ УЧАСТНИКИ АБРАМЦЕВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО КРУЖКА.

теперь всякий раз приходило в дороге вместе с тяжелыми мыслями.

Он согрелся, когда вспомнил о письме, и мысленно перечел его: «Я чувствую потребность сказать вам несколько слов, милый Николай Васильевич. Я должен перед вами покаяться. После всего случившегося в течение последних семи лет я, Фома неверный, как вы сами меня называли, потерял было веру в дальнейшее существование вашего творческого таланта. Мне показалось несомненным ваше духовное направление с искусством. Я ошибся. Слава богу!..»

Он живо представил себе Сергея Тимофеевича Аксакова. От плотной, округлой, но нетучной фигуры его в черном зипуне, по-старинному на крючках, от зеленого козырька над глазами, употребляемого стариком при писаниях и чтении, повеяло теплотой и домашностью, которых так недоставало Гоголю. Он улыбнулся, но тотчас вздрогнул и опять почувствовал озноб, когда вспомнил другое его письмо, полное едва сдерживаемых упреков и неподдельного отчаяния.

«Выбранные места» Аксаков принял как свое горе. Три года эта тяжесть камнем давила сердце Гоголя и ждала искупления. Легко вздохнул он неделю назад, когда решился, наконец, прочесть Аксаковым первую главу второго тома «Мертвых душ». Он читал в Абрамцеве в уютной гостиной, выходящей окнами на хотьковскую дорогу. Гоголь читал, волнуясь, но, как всегда, мастерски, а закрыв тетрадку, исписанную ровным, выитым почерком, увидел чуть растерянное, но счастливое лицо старика, который не мог от волнения высказать переполнявшей его радости. Только Константин Сергеевич, не умеющий, по искренности и темпераменту, сдерживать

чувств и изволнованный не менее отца, был, как всегда, решителен и назвал Гоголя русским Гомером. Тот вечер был праздником в доме Аксаковых. И вот нынешнее письмо, так ожидаемые три мучительных года слова: «Мертвые души» написаны!.. Я прошу у бога милости дожить до их появления... Я хочу вполне насладиться не только восстановлением вашей славы, но и полным торжеством вашим на всем пространстве Руси...» И, вспомнив это, Гоголь только заметил — стало светать.

В светлом этом чувстве на заре занимавшегося осеннего дня стал он думать о доме, к которому — верста за верстой — приближала его дорога, о человеке, который стал теплым и мающим огоньком в бесприютной его, скитальческой судьбе.

Но в этих мыслях Гоголя занимало теперь не то, что Аксаков оказался одним из самых ранних его ценителей в России (когда по мере того, как Рудый Панько превращался в автора «Ревизора» и «Мертвых душ», симпатии читателей поостыли, переходили в равнодушие, чаще — в хулу, Аксаков со свойственной ему прямотой и искренностью, публично, где мог, ратовал за Гоголя и ставил его вровень с Пушкиным). Он думал об Аксакове, об удивительной русской судьбе, которая одна только и способна преобразиться вдруг от одной малой искры. Это была любимая мысль Гоголя, приходившая всякий раз, когда он приближался к деревенскому дому Аксакова.

В какой еще земле сыщешь человека, полвека прожившего сонным помещиком, третьестепенным литератором, автором статей на потребу дня, подражательных стишков и переводов не первого разбора французских водевилей, и вдруг к шестому десятку лет словно проснувшегося от жизненной спячки и явившего миру невиданные красоты своей души!.. Вот и поди угадай, что хоронится в русской душе, чем удивит она, вспыхнув маковым цветом среди серого ковыльного поля!..

Сладко было думать Гоголю об этой судьбе, сладко потому, что билась где-то рядом своя, затаенная до времени мысль о России, о будущем ее предназначении...

Заря разгорелась уже в полнеба, с ярославского тракта свернули на хотьковскую дорогу. Сбившиеся с короткой рыси на шаг лошади покатали коляску на изволок среди старого елового леса. Обильные росы на травах, на ольховых зарослях наливались утренним светом, розовели и уже начинали блестеть. А когда за извилистой, в заводях, речкой открылся по ту сторону долины низкий серый дом с мезонином под красной крышей, повеяло теплом, и с ним пришла к Гоголю другая мысль.

Загадка, загадка душа человеческая, а русская — за семью печатями тайна! Ведь от привольного житья, из непочатых оренбургских степей с обильными просторами стоверстных рек в неукротимых весенних паводках

В ОКРЕСТНОСТЯХ АБРАМЦЕВА.

Гоголь метался по России как неприкаянный. Он не находил себе места ни в Одессе, ни в Киеве, ни в Васильевке у матушки: Петербург был холоден и казался мертвым. Хлебосольная Москва раздражала своей безалаберностью. На сороковом году жизни бесприютное житье в чужих домах с чужой обременительной заботой стало привычным и мучительным.

Гоголь был скор на сборы: чемодан с платьем да черный портфель, где хранились рукописи, — было все его достояние, а поданное нынче письмо только подхлестнуло нетерпение. Он

велел нанять лошадей и решил ехать тотчас — ночью.

Обшарпанная карета косо осела набок и выкатила за чугунную решетку дома графа Толстого у Арбатских ворот. Пара серых, тупых на ногу, небарских лошадей вразнобой застучала по мокрому тротуару Никитского бульвара. Желтыми пятнами светили в пустых улицах фонари.

От заставы лошади взяли неровной рысью по влажной, мягкой дороге.

Потянуло холодом и сырими листьями. Гоголь поднял воротник и ту же стянул полы камлотового плаща. Он почувствовал привычный озноб. Это началось после смерти Пушкина и

Евтим ЕВТИМОВ

Ленинская «Искра»

Зерно под черноземными пластами,
звезда над лесом, боевой сигнал,
бессмертная, как ленинское знамя,—
такой себе я «Искру» представлял!
Не подчинюсь преградам и барьерам,
она пришла ко мне не наугад.
И сам я нынче ленинским курьером
иду, как тысячи его солдат.

Запомни, солнце, как в лучах манящих
иду путем без края и конца!
Я опускаю не в почтовый ящик,
я «Искру» должен опустить в сердца
тех островов, что жизнь влечат
в мученье,
той параллели, что в тисках оков...

Я жду, товарищ Ленин, порученье!
За ним пришел я и к нему готов.

Кто говорит, что поздно я явился,
кто говорит, что я опережен,
что «Искры» путь
лишь в славном прошлом длился,
что «Искры» путь сегодня завершен?
Мне жить под знаменем высокой веры,
и вместе с «Искрой» жизнь пройдет моя.
И будут у нее всегда курьеры.
Был Загубанский, нынче буду я.
Зерно под черноземными пластами,
звезда над лесом, боевой сигнал,
бессмертная, как ленинское знамя,—
такой себе я «Искру» представлял.
Ее нести мне не из песни в песню,
не из зари в ночное естество
и не из Варны морем до Одессы,
а просто в мир — из сердца своего!

Витьо РАКОВСКИЙ

Часы

Часы молчат уже три года кряду,
на башне не отсчитывают дни,
и только лишь при виде циферблата
подумаешь, что раньше шли они.

Но на рассвете в городок колонной
советские войска вошли в пыли,
и солнечные блики просветленно
на стрелки омертвевшие легли.

Предутренний туман клубился в дали
и исчезал в проулках и садах,
и выцветшие цифры проступали
едва-едва на городских часах.

И молодой солдат перед часами,
задумавшись, остановился...

Он
как будто с сокровенными мечтами
был ими в этот миг объединен.

...Солдат застыл над городом, на башне
склонясь над механизмом часовым,
и стрелки, позабыв про день вчерашний,
извечным ходом двинулись своим.

Мы с площади смотрели восхищенно.
«Ура!» — кричали дружно в честь бойцов...
Потом на запад тронулись колонны,
поднялась пыль до самых облаков.

Часы стучат, услышанные всеми,
их песнь зовет на бой, светла, вольна.
Враг отступал. И было точным время.
И новой жизнью зажила страна.

Нынешний год знаменателен в жизни братского болгарского народа. Сто лет назад, в 1877 году, болгарский народ и пришедшие к нему на помощь русские войска начали национально-освободительную борьбу за свержение многовекового османского ига.

Бессмертный героизм проявили русские солдаты и болгарские ополченцы при обороне Шипкинского перевала, в боях за Плевну, Стара-Загору. Эти места, овеянные славой, стали символом нерушимой дружбы двух братских народов.

На этих страницах мы предлагаем вниманию читателей стихи современных болгарских поэтов, верных многовековой интернациональной дружбе наших народов, поэтов, чье творчество отражает великие социальные завоевания, происшедшие в жизни Народной Республики Болгарии.

Революционные традиции Х. Ботева и Х. Смирненского, Г. Милева и Н. Вапцарова находят яркое самобытное выражение у современных болгарских поэтов, в частности у Д. Дамянова и Е. Евтимова, Н. Зидарова и С. Хр. Караславова, С. Поптонова и В. Раковского.

Олег ШЕСТИНСКИЙ

(где бы душе и разгуляться вволю!) свернул человек на другую дорогу — в темные ельники подмосковной глуши, на берег невидимой, незнатной речки Вори, а вышло — его берег, потому как здесь и повернула душа на иную, свою, дорогу. А едва коснулся он этой земли, как высекала непостижимая сила таинственную ту искру, от которой вспыхнуло яркое, ровное пламя, которое — Гоголь знал это — уже никогда не погаснет в русской литературе.

Ранний дымок вился, качаясь, над блестящей в росе крышей абрамцевского дома и с такой естественностью влетал в это свежее осеннее утро, что у Гоголя теплело на сердце. Это было удивительное, но уже знакомое ему чувство: самый вид дома, с его ненавязчивым, простым уютом, всякий раз связывался в сознании Гоголя с аксаковской прозой. А ведь много других, вельможных, домов узнал он в скитальческой своей жизни, где привечали его с радостью, щедро рассыпая лесть его гениальности, но от расшитых золотом камзолов, пудренных лакейских париков, губернаторов, «англичанок», домашних «версалеи» веяло на него чем-то декоративным, трескучим, напоминающим драматические фантазии Нестора Кукольника.

Гоголь взглянул на три уютных окошка в мезонине, согретых желтеющими уже огоньками восхода, представил себе тихий, так успокаивающий душу скрип сосновых половиц и улыбнулся, вспомнив, как поражен был, слушая здесь страницы новой, написанной в Абрамцеве аксаковской книги, названной, по скромности автора, «записками» — «Записками ружейного охотника».

С наслаждением перечтет он сегодня эти страницы в милом его душе мезонине с простой, уютной мебелью, обитой белым, вытертым уже бархатом в

букетах российских полевых цветов, вышитых заботливой, умелой рукой Веры Сергеевны Аксаковой. Качаясь в коляске на мягких неровностях дороги, он точно был уже в этой чистой, светлой комнате, где пахнет резедой, березовыми дровами, и, казалось, звучала уже в душе его округлая и медлительная аксаковская речь.

Лошади стали. Прижимая к себе портфель с рукописью и слыша, как торопливо захлопали в доме двери, закричали под шагами половицы, Гоголь легко спрыгнул на землю и по крашеному, в утренней росе ступеням взбежал на крыльцо.

В прохладных, еще не оттопленных с ночи сенях почувствовал он теплые объятия хозяйина. Потом, сидя за чаем в мезонине на мягком диване рядом со стариком и ощущая запах недорогого «жукова» табака и теплоту милой аксаковской улыбки, заговорил Гоголь быстро, в том веселом и легком возбуждении, которого давно уже не испытывал. Говорили о новых главах «Мертвых душ».

— Вы заметили мне именно то, что я сам замечал, но не был уверен в справедливости моих замечаний. Теперь же я в них не сомневаюсь, потому что то же заметил мне другой человек, пристрастный, — Гоголь подчеркнул это слово, — пристрастный ко мне.

От тепла ли в доме, от возбуждения ли разговором он раздвинулся, то и дело откидывал тонкими пальцами волосы, падавшие на высокий лоб. Сейчас он был молод и весел. Недавние тяжелые мысли остались где-то далеко, как годы, прожитые на чужбине.

Сергей Тимофеевич слушал его с улыбкой. Он тоже был возбужден и, казалось, не находил нужных, приготовленных к встрече слов, но говорил по обыкновению то, что думал, что было на сердце:

— Мне страшно было думать, что вы опять заедете так далеко, и я не верил и не верую в мысль, чтоб это чужое тепло было полезно вашему здоровью!..

Гоголь глядел на старика с любовью, чувствуя в нем и во всем, что окружало его в этом доме, то настоящее, природное, русское, к чему так непостижимо сладко тянуло его в скитальческой жизни. И тут другая, отчетливо ясная мысль пришла ему следом: русскому человеку, как никому, нужен родной, любимый угол на своей земле...

В ту осень Гоголь поселился в любимой им чистой, светлой комнате абрамцевского дома, с двумя окошками, в которые виден был широкий деревенский двор, старый дубовый лес на горе и пруды, сплошь усыпанные сентябрьскими листьями. Наслаждался простотой домашнего аксаковского уюта, любовно и ревниво оберегаемый хозяевами, Гоголь работал. Он писал новые главы второго тома «Мертвых душ».

Той же осенью, в те же дни, в другой комнате абрамцевского дома диктовал страницы «Семейной хроники» Сергей Тимофеевич Аксаков.

Была золотосная осень 1849 года...

В исходе зимы, в конце марта, когда сугробы еще крепки, блестят на солнце, а капель, как лесная птица, только пробует голос, привезли с почты письмо, обрадовавшее старика Аксакова: Иван Сергеевич Тургенев обещал в скором времени быть в Абрамцеве.

Скоро отговорили по оврагам ручьи, буйно взялись папоротники в низинах, Воря прояснилась, стала зеленовато-прозрачной, и по просохшим дорогам в легкой, щегольской коляске, запряженной парой отменных лошадей, тя-

Вы дети славы и грядущих дней,
березовых лесов, где свет играет,
пусть смех ваш прозвучит еще звончей,
и пусть заря свободы озаряет
старинные и славные следы,
оставшиеся на полях сражений,
где пращур ведал ратные труды,
воспеты в минуты вдохновений:

— Скажи-ка, дядя, ведь недаром...

Какой уж даром!.. Помнит все вокруг
про время, опаленное пожаром,
но в юном взгляде вовсе не испуг,
в нем будущее ясное сияет
приветливой улыбкой молодой,
и добрый луч вам пряди обвивает,
луч с небосвода века, луч прямой.
Отцы и деды кровью заплатили
за счастье вашей жизни, не скупясь.
Боролись. Строили. И победили.
И в космос взмыли, с ним упроча связь.
Улыбкою из незнакомой бездны
Гагарин первым одарил народ...
Жизнь не померкнет, дети, не исчезнет,
пока мы смелые из рода в род!

нувших наизволок ровной, красивой рысью, прикатил в Абрамцево Тургенев.

Не помнил еще старый абрамцевский дом, знавший в своих стенах историков Погодина и Грановского, романиста Загоскина, публициста Хомякова, актера Щепкина и многих других великих спорщиков, не помнил еще этот дом таких жарких и бурных дебатов, как в ту весну, когда приехал Тургенев.

Противостояли ему сыновья Сергея Тимофеевича — Иван и Константин. Лихие приверженцы русской старины, убежденные, что сила России в ее допетровском укладе, и по искренности своей и молодости хватавшие тут частенько лишку, они не замечали в пылу спора, какие ловушки ставил им опытный полемист Тургенев: Константин не без «помощи», конечно, Тургенев закрывал, наконец, что истинно русским можно считать только человека, родившегося в Москве или по крайности в окрестных ее губерниях!.. Тут уж было расхотаться Тургеневу, следом и остальным, когда он, между прочим, заметил, что самый русский из русских писателей Сергей Тимофеевич Аксаков, а «если память не отшибло», то Константин и Иван Сергеевичи тоже, родились «маленько подалее» от первопрестольной — в Уфимской (вон где!) губернии!..

Но споры эти, с их крайностями и полемическим задором, уходили, как пена по внешней воде, и не они связывали Тургенева с аксаковским домом. В доме этом, как нигде более, ощущал он тягу к природному и вольному деревенскому быту с нехитрыми его прелестями, столь его русской душе любезными, когда «и дымком-то пахнет, и травой — и дегтем маленько — и маленько кожей». И потому, должно быть, нигде — ни в чужих землях, ни в

Дамян ДАМЯНОВ

Советские разведчики

Они обычны и неукротимы, они просты,

но четко ощутимы в их душах облик Ленина незримый и лик Дзержинского непобедимый.

Им жить еще, войною опаленным! И верит революция сурово: ее опора — в их труде бессонном, в их твердости, которая кремнева.

О твердость злые силы разобьются и сгинут перед нею недруг лютый, чтобы смогли счастливо улыбнуться и мирно спать под отчим кровом люди.

Они обычны и неукротимы, им защищать, ведя борьбу с врагами, свет правды Ленина неугасимый, знамена наши, что непобедимы, что ало реют надо всеми нами.

Рисунки Михаила ПАПКОВА

Хатынь: мемориал в снежной замяти. Простор, что до боли синь. Уголек, светящийся в моей памяти.

Хатынь: молоко ударяет в подойник — «Дзинь, дзинь...» Гнезда вьют семьи аистов стройных... Тянется в стынть из трубы дымок синеватый...

Нету аистов, нету хаты, не услышать мычанье коров, от домов не осталось следов.

Залп «Авроры», как взрыв пробужденья, нам доньне и близок и зрим, и улавливает наше зренья тот огонь, что неугасим. Наша юность, страдавшая много, свежий вихрь ощущая в душе, с песней

«Смело, товарищи, в ногу» встала на огневом рубеже. С песней «Смело, товарищи, в ногу», так, чтоб уж никуда не свернуть, дни свои мы просеяли строго, выбирая единственный путь. Пули жгли нас, как угли, ужасно, но под синью небес, налиты,

Стефан ПОПТОНЕВ

Есть лишь мраморный черный мемориал, что над снежной равниной встал. Есть лишь скорбь с четырех сторон: пепел женщин и пепел юнцов, непроклонувшихся птенцов, песен неродившийся звон.

Приезжайте сюда и в другие края Белоруссии славной — приезжайте сюда, дамы и господа, меценаты современных искусств, мрачные гении мрачных чувств, благотворители,

оберегающие собачек. Знаю, вряд ли ваша жизнь потечет иначе, мир не изменить без большого труда.

Но вы приезжайте сюда. послушайте, как молоко ударяет в подойник:

«Дзинь, дзинь...» Как бьют печальные колокола: «Дзинь, дзинь...» Оставайтесь в белорусском селе Хатынь хоть на день, хоть на полдня — столько, сколько здесь пробыл я.

Николай ЗИДАРОВ

Рубеж

созревали мечты нашей ясной не пустые — земные плоды. Горе нас не подмяло, не ныли и, жестокую выбрав борьбу, с нею клятвенно соединили мы ответственность, долг и судьбу. Революция не вхолостую нам давала уроки свои: нежно слово — про ненависть злую, страшно слово — о нежной любви.

И не просто (как некие пишут) Революция, мол, только бой, — люди любят, страдают и дышат, Революция, вместе с тобой. Сталь и древо тобою согреты, ясный голос вложила в кристалл, и с тобой — на земле больше света и с тобой — век радостней стал. Мать борьбы и расцвета, святая Революция! Пой и круши! Через наши сердца пролагая огневые свои рубежи!

Перевел с болгарского Олег ШЕСТИНСКИЙ.

российских столицах — не дышалось ему так вольно и сладко, как в полубившемся аксаковском Абрамцево.

Было в этой взаимности сердец хозяина и гостя и другое, что связывало их в крепкое единодушие, — взгляды на отечественную литературу, живая, чувственная любовь к русской природе, понимание ее значения в нравственной жизни русского человека.

А в те дни, в ту пору, «когда свежесть весны соединяется с летней теплотой», высокие аллеи тенистых лип старинного абрамцевского парка, а чаще тихие заводи прохладной Вори, укрытые кустами ольхи, рябины, орешника, черемухи, — урёма, как называл поречье Аксаков, — были любимым местом их душевных разговоров о родном и сокровенном, что поверяют друг другу люди очень близкие.

Не то удивительно, что молодой Тургенев и старик Аксаков были первыми в нашей литературе «пейзажистами» и писать начали в одно время — один на закате, другой на восходе жизни, — а то дивно, что в книгах обоих природа впервые предстала не описанием красивых ландшафтов, но как часть жизни русского человека. От них — Аксакова и Тургенева — началась полюбившаяся Толстому, Чехову, Бульбину мысль о том, что перед природою умолкают все низменные страсти и суета человеческая.

А когда от милого абрамцевского крова в столицу позвали Тургенева дела, отослал он с первой же почтой Аксакову письмо, в котором с горькой грустью писал о тусклом и вынужденном житье в городе, особенно тусклом теперь, потому что остались в душе светлой памятью «красные дни, которые тешили нас в Абрамцево!»

Красным дням в Абрамцево положила предел кончина хозяина весной 1859 года и скорое следом затухание

славного рода. И пропасть бы дому, стинула бы память, развеялись бы по ветру лет воспоминания об аксаковской старине, попадись этот дом в лапы разбогатевшему откупщику или кушцу без роду и племени, но с капиталом, — а таких густо уже было в России, — и обстроили бы дом, как водилось, мансардами, бельведерами, подстригли бы кусты, выровняли в линейку газоны, упрятали б в чехлы деревья, свели бы под корень старинный лес «на вывоз», и уж было застучал топор в дубовой роще, но, по счастью, витал над этим домом добрый русский гений...

И тут начинается вторая жизнь аксаковского дома.

Удивительный человек был Савва Иванович Мамонтов! Удивительный даже по щедрым российским меркам, и потому принадлежал этому промышленнику одно из первейших мест в русской культуре. И возьмись мы сегодня перевернуть груды воспоминаний о нем, написанных в последние полвека, не то что художого — равнодушного слова о Мамонтове не встретим. Если же захотим отыскать в нашей истории другого похожего, то, кроме Павла Михайловича Третьякова, рядом и поставит некоего. Как и имя создателя знаменитой галереи, имя Мамонтова пришло к нам чистым и незапятнанным на самых крутых поворотах русской истории.

А ведь тоже без особого блеска начиналась жизнь — в традициях семьи и времени. Сердит был батюшка, именитый, старых правил купец, что сын, которому на роду написано приумножать капитал, «предался непопулярным удовольствиям, стал музыкантом, петь и кувыркаться в драматическом обществе». Что и говорить, не купеческое дело. Но, щедро одарен-

ный талантами, был Савва Иванович Мамонтов и удачлив. Удачливей промышленника в России, почесть, и не было; к тому же эпохе пришелся он в самую пору: громоздкой, неуклюжей империи не по разуму вышло строительство до зарезу нужных железных дорог — Мамонтов преуспел в этом, как никто.

Но и при такой редкой удачливости, полезных деяниях, уже в ту пору высоко оцененных, не поминать бы нам имени Мамонтова, не выиграй в нем русская жилка, до времени скрытая талантливость души, которые и вывели его на другую, свою, дорогу. (Не тут ли Гоголем угаданное «сказать иногда: черт побери все!»?) И, конечно, глубоко смотрел скульптор Антокольский, когда писал Мамонтову: «Не вы с вашей чистой душой призваны быть деятелем железной дороги, в этом деле необходимо иметь кровь холодную, как лед, камень в месте сердца и лопаты на месте рук».

У Мамонтова было мягкое сердце, горячая кровь и теплые, заботливые руки. Этому человеку, к нашему счастью (можно теперь с полной уверенностью так сказать), и перешло весной 1870 года аксаковское Абрамцево.

Не зря все же обмолвились мы, что витал над этим домом добрый русский гений. И, может быть, правда, была у Саввы Ивановича легкая рука, потому что спас он аксаковский уголок вовремя, на самом пределе его жизни: вот-вот уже было пойти Абрамцево с молотка, а дубовую рощу — проданную, где уже начал гулять топор, — Мамонтов буквально вырвал из рук нахрапистого мытищинского богатея. От корней вырубленных деревьев скоро пошли молодые побеги, а там год от года начал вставать, подниматься и шуметь на ветрах молодой лесок.

Но у каждого восхода свои корни. И,

видно, глубоко пустил их в русскую землю старый абрамцевский дом, если и в новую пору своей жизни стал он магнитом, в силовом поле которого оказалось вдруг все самое талантливое и передовое, что было в русском искусстве. Нужно только заметить, что Абрамцево не было тем местом, куда наезжали время от времени знаменитые русские художники, как ездят на этюды или в дома, удобные для работы над новой картиной. Тянули в Абрамцево какие-то глубинные силы, потому что многим нашим художникам именно здесь суждено было выйти на новую дорогу.

Конечно, причины этой притягательной силы справедливость требует искать в личности хозяина, сумевшего не только бережно сохранить духовное обаяние аксаковской традиции, но и наполнить атмосферу дома новым содержанием, ведь общественный интерес тогда не коснулся еще старинной русской истории, начало было положено художниками абрамцевского кружка, в котором Мамонтов был, по удачному слову современника, «вдохновителем вдохновения». Тут, как сказал поэт, «ни убавить, ни прибавить». И все же, отдавая должное человеку, приходится признать, что глубинные корни таились в самой этой земле. Для многих самых блистательных наших художников абрамцевская природа стала прозрением, проникновением в сущность русского пейзажа.

Не хочется повторять общезвестное, говоря о том, что для Поленова, Левитана, Серова, Коровина, Нестерова Абрамцево было «русским Барбизоном», и даже Суриков, пейзажей вовсе не писавший, создает здесь свою «Дорогу на Хотьково». О том, чем стало Абрамцево в истории русского пейзажного искусства, значительнее слов говорит, конечно, наше художествен-

АБРАМШЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ, ПОСТРОЕННАЯ ПО ПРОЕКТУ В. М. ВАСНЕЦОВА.

РУКОТВОРНАЯ С

СТАТУЭТА МАМОНТОВСКОГО ДОМА

ное наследие, но притягательную силу абрамцевской природы объяснить все же придется словами художника:

«И что, кажется, особенного — там ольха серебрится, тут осинка голубая совсем, волчья ягода раскинулась, орешник. Только здесь по-особому чувствуешь русскую землю. Все в ней здесь есть — и будни, и праздник, и музыка цвета».

«По-особому чувствуешь русскую землю...» После такого признания Константина Алексеевича Коровина хочется откинуть расхожее определение Абрамцева как «русского Барбизона» — очень приблизительное да и неверное, в сущности. Абрамцеву обязаны мы появлением в нашем искусстве «нестеровской Руси». Вспоминая об истоках этого открытия, Михаил Васильевич Нестеров писал:

«Однажды с террасы абрамцевского дома совершенно неожиданно моим глазам представилась такая русская, такая осенняя красота. Слева холмы, под ними вьется речка (аксаковская Воря). Там где-то розоватые осенние дали, поднимается дымок, ближе капустные малахитовые огороды, справа золотистая роща... И я принялся за этюд. Он удался, а главное, я, смотря тот пейзаж, им любуюсь и работая свой этюд, проникаю каким-то особым чувством «подлинности», историчности его...»

Прикосновение художников к абрамцевской земле рождало и нечто большее, чем открытие русского пейзажа, — проникновение в русскую историю. Судьба Виктора Михайловича Васнецова одна могла бы стать тому лучшим примером.

В Абрамцеве он появился уже известным художником, автором шумевших на передвижных выставках картин «Купеческое семейство в театре», «Преферанс», «С квартиры на квартиру», «Чаепитие в трактире», написанных в духе времени и с отменным живописным мастерством. Но этот природный вятич, выходец из глубинной России с ее самобытной быдиной историей, переселившийся в Петербург, возможно, так и оставил бы по себе память в ряду многих, положив талант на алтарь будничных сюжетов. Но богатырские силы волось его души искали своей, не хоженной еще дороги и вышли на нее — в Абрамцеве.

«Богатырей» задумал он давно. В Петербурге, в Париже, снова в столице делал наброски, пробовал эскизы, но идея оставалась мертвой десять лет и почти забылась. И, только попав в Абрамцево, неожиданно для всех, как, впрочем, и для себя, сразу начал писать «Богатырей».

Может быть, случайность? Просто не было прежде подходящего пейзажа, природы, и долго вынашиваемая идея

не находила зрительного эквивалента? Можно было бы признать это случайностью, если бы здесь следом за «Богатырями» не начался Васнецов, каким знаем мы его теперь, — «Аленушка», «Три царевны», «Витязь на распутье», «Каменный век», «После побоища Игоря Святославича с половцами»... До высот этих шедевров взорлил Васнецов с абрамцевской земли. Случайность ли?

Пусть такой «случайностью» будет и летний вечер в абрамцевском доме, когда гость Мамонтова профессор Московской консерватории Рубец, прикрыв двери и хитро взглянув на присутствующих, достал из кармана небольшой листок:

— Ох, братцы, послушайте, яку наши диды с туркой дипломатии вели! Жинок близько нэмае? Бо солоно пысанэ, нэ для жиночого слуху, — и начал читать, то и дело прерываемый хохотом.

А на другой день рассматривали обитатели Абрамцева готовый рисунок с подписью: «Запорожцы пишут ответ султану Ахмету III», а в правом нижнем углу: «И. Репин, Абрамцево, 26 июля 1878 года».

Возможно, случайное стечение обстоятельств положило начало репинскому шедевру, но ведь атмосфера отечественной старины, особое чувство истории, всегда свойственное этому дому, не были случайностью, и, возможно, где-нибудь в другом месте и не познакомился бы Репин с документом, разбудившим его фантазию...

Был и другой день в абрамцевском доме, наполненный солнцем, прозрачным светом желтеющих листьев и послеполюденной свежестью, когда вбежала в гостиную раскрасневшаяся двенадцатилетняя Веруша Мамонтова. С милой детской непосредственностью она уселась на край стула и схватила с белой хрустящей скатерти такой же румяный, как ее щечки, персик. Нельзя было не залюбоваться ею, и все любовались. Был здесь и двадцатидвухлетний Валентин Серов. Как и все, он с обожанием смотрел на Верушу, но видел больше, чем другие: «Розовое и золотое. Розовая блузка, розовые персики, золотые листья, золотая стена и объединяющие все это лицо и волосы, в которых сливаются оба тона и удивительно тонко переходят один в другой...»

Здесь, в этой гостиной абрамцевского дома, писал Серов одно из самых светлых и поэтических произведений русской живописи...

Однажды Серов — самый «свой» в этом доме — приехал из Москвы не один. Невысокий, изящный белокурый молодой человек, вошедший с ним в гостиную, был Михаил Врубель.

К тому времени ходила за ним слава неудачника, одержимого странными идеями. Жил он впроголодь, был почти нищ и доходил до полного отчаяния, берясь за унизительную работу вроде «иллюминирования фотографий». Его живопись опередила время, понять художника мог в ту пору только такой тонкий ее ценитель, как Мамонтов. Радушие, с которым приняла Врубеля в этом доме, ему было внове, а абрамцевская земля оказалась, как мы знаем теперь, землей обетованной для его искусства.

Здесь он начал всерьез работать над «Демоном», о котором мечтал всю жизнь. Здесь начался Врубель — блестящий, самобытный и непревзойденный керамист. Отсюда писал он сестре: «Я в Абрамцеве! И опять меня обдаёт, нет, не обдаёт, а слышится мне та интимная национальная нотка, которую мне так хочется поймать на холсте...»

Не эту ли интимную русскую нотку услышали и обрели в Абрамцеве наши художники, которым пришлось по сердцу старый дом в Подмоскovie? И не она ли влекла сюда многих славных творцов русской культуры за долгую его жизнь?!

КАЗКА.

ТЕСА У ВОРИ.

ПЕРЕНЕЦ, ЛЕТО 1976

Юлиан СЕМЕНОВ

Гражданская война началась, когда над Испанией «чистого неба не было» — шла ломка феодализма, страна переходила на рельсы капиталистического развития. Франко в соответствии с лозунгами гитлеровского национал-социализма рекламировал себя как «фермент порядка» в период острой политической борьбы, в период схваток между коммунистами, монархистами, социалистами. Именно как «фермент нового порядка» он уничтожил республику, растоптал демократию, создал фашистское государство.

— На кого Франко опирался в своей борьбе? На феодалов и феодальчиков, на националистическую буржуазию, связанную с феодализмом деревни, на армию.

Для того, чтобы думать о будущем, надо знать прошлое. Армия в Испании была многочисленной: малыми силами страну в узде не удержишь. Армия была «двухслойной». Следует объяснить, что представляют эти «слои». Первый рожден во время «африканских войн» 1909—1927 годов (именно тогда выдвинулся Франко). Амбиции феодального Мадрида нашли свое выражение в кровопролитии, принесшем бывшей монархии богатые колонии. Пропаганда трубила: «Армия восстановила бывшей престиж нации». Первый «слой» оказал сильнейшее влияние на подрастающее поколение армии, на второй «слой»: они-то, двадцатилетние офицеры, и стали ударной силой Франко под Гвадарамой и Эбро в трагические дни Испанской республики. Армия после разгрома демократии поддерживала «новый порядок» Франко; сотни тысяч обмундированных, вооруженных и накормленных в армейских казармах испанцев были гарантами режима. Миллионы детей националистов, получив «лауры победителей», составили «третий слой» — костяк государственного аппарата, сросшегося с частным предпринимательством, костяк армии и синдикатов — так называемых «профсоюзом». По приблизительным подсчетам, такого рода люди и члены их семей составляют ныне десять процентов населения, то есть примерно три миллиона. Реакция этих людей на то, что хотя новый кабинет был представлен королю прежним, франкистским премьером Карлосом Ариасом Наварро, но состоял на три четверти из министров новых, в определенной мере тенденциозных (министра иностранных дел Ареальса франкисты даже лишали паспорта), была затасанной, выжидательной. Они, эти «три миллиона каудильо», хотели, чтобы «все было по старому». Они надеялись на Ариаса Наварро, который безудержно плакал на похоронах Франко.

Реакция испанцев открыто левых убеждений — а их тогда насчитывалось не менее пятидесяти процентов — также была выжидательной; легко предлагать реформы, когда ты не в кабинете министров. Посмотрим, как ты станешь проводить эти обещанные ранее реформы в жизнь, став министром.

Когда первое монархическое правительство освободило из тюрьмы Марселино Камачо, вождя «рабочих комитетов», самого популярного лидера трудящейся Испании, мастодонта «первого слоя», стареющие генералы второго «слоя», «ребята с челюстями» из «слоя» третьего заулюлюкали. Именно они добились повторного, провокационного ареста Камачо, именно они после вторичного освобождения «камарадо Марселино», продолжая открыто улюлюкать, начали проводить собрания, чтобы выработать действенную линию по отношению к правительству.

Придя к власти, первое послефранкистское правительство публично пообещало определенные либеральные реформы: «Мы пойдем к демократии шаг за шагом. Мы не будем предпринимать опрометчивых шагов. Мы будем жить по закону».

И сразу же возник вопрос: по какому закону? По новому? Где он? По закону Франко? Это немислимо. В посулах нового кабинета человек, мало-мальски подготовленный политически, увидел «перенекшание»: Фрага обещал демократию, но постепенную; Ареальса сулил «вхождение

ние» в Западную Европу, то есть в «Общий рынок», но жмет при этом на Фрагу: давай реформы, без них не примут. Действительно, Лондон и Рим, отказываясь принять Испанию в «Общий рынок», играли на «демократической неподготовленности Мадрида», хотя всем понятно, что Париж и Рим в первую очередь беспокоят конкурентные цены на испанское вино, а никак не «демократизация» страны; при этом новые министры подчеркивали, что реформы должны быть конституционными, то есть проведенными через «Королевский совет» и кортесы.

Блас Пиньяр, один из лидеров современного испанского фашизма, депутат кортесов и директор журнала «Нуэва Фуэрс», разразился яростным выступлением:

— Не успел еще остыть труп Франко, а всякая сволочь, всякие социалистические группки уже стали собираться открыто! Камачо выступает перед народом! Министр Фрага Ирибарне позволяет себе дружеские беседы с социалистическими оппозиционерами! Министр, отвечающий за внешнюю политику, берет на себя смелость говорить, что коммунисты являются такими же испанцами, как и все мы! Все это свидетельствует, что враги христианской цивилизации пытаются разрушить то, что сорок лет создавал наш незабвенный каудильо. Поэтому наша задача заключается в том, чтобы объединиться и действовать! Фрага Ирибарне утверждает, что «у нас не будет врагов», кроме врагов государства. Но врагами государства, как общественного института, являются лишь анархисты. Значит, Фрага считает нашими врагами одних анархистов? А как же быть с марксистами и прочими либералами, которые выступают против великих идей Франко?.. Фрага предлагает нам научиться отличать врагов от оппозиционно мыслящих людей, он считает, что оппозиция несет в себе позитивный заряд, нужный для демократического развития страны. Мы не собираемся делить врагов и оппозицию. Для нас это синонимы. Если же правительство поднимет руку на «движение», созданное Франко 18 июля 1936 года, когда мы начали наш очистительный крестовый поход против коммунизма, мы станем на защиту наших основополагающих идей. Мы не остановимся ни перед чем ради того, чтобы отстоять идеи Франко. Нынешнее правительство не может считаться общенациональным. Фрага представляет кучку либералов, а не нацию, поклявшуюся в верности «движению» и Франко!

«Посибле», журнал центра, привел слова Фрага, когда его назначили на пост министра внутренних дел:

— Я сказал королю, что смогу занять пост лишь в том случае, если мне разрешат проведение моих демократических реформ. Для этого мне нужно привести с собой подложины верных людей.

Испанцы ждали, что Фрага немедленно объявит о сроках и датах реформ. Он медлил, обещая.

Испанцы ждали амнистии. Министр юстиции Антонио Гарригес обещал провести амнистию, однако после того, как будут внесены конституционные изменения в «Основной закон».

Испанцы ждали «приобщения к Европе», однако министр Ареальса после первых своих вклятов в Париж и Бонн ничего, кроме посула «привести Испанию в семью европейских народов», не сделал.

А три политические единицы Испании по-прежнему хранили молчание: король, армия, «Опус Ден».

В Париже, когда ожидание затнулось, было проведено широкое совещание демократической оппозиции, в котором приняли участие Игнасио Камуэль Солес и Хоаким Сатрустегги — от либеральных монархистов, Сантьяго Карильо — от ЦК компартии, Руис Хименес и де Миранда — от демокристан, генеральный секретарь социал-демократической рабочей партии Филиппе Гонсалес, социал-демократ Мануэль Диас Аллегриа — сын бывшего начальника генштаба (и такое возможно в нынешней Испании), социалист Рауль Мородо.

По оценкам европейской прессы, совещание это было «историческим», ибо его участники вернулись затем в

Мадрид и разъехались по домам: раньше бы их встретили на аэродроме Баррахас полицейские машины.

На совещании выступил Руис Хименес — он был защитником Марселино Камачо. Руис Хименес намечал план действий оппозиции: продолжать борьбу за демократизацию, организовывать манифестации в стране, использовать прессу, проводить широкую разъяснительную работу.

— Надо дать возможность правительству, — закончил Руис Хименес, — выполнить свои обещания, выдвинутые в программе кабинета.

Это — благое пожелание. А какой же была ситуация в Испании, если смотреть на нее не с фасада, а изнутри?

Несколько общественных организаций города Сабадель в январе 1976 года направили в муниципалитет петицию об амнистии. Люди просили мэра Хосе Бурроле зачитать членам муниципалитета их петицию. Мэр отказал. Представители общественности — рабочие, священник, инженер, врач — начали скандировать: «В отставку!» Ворвалась полиция. Никого не били — что правда, то правда. Просили, чуть подталкивая плечами, разойтись по добродушному Родригес, работников местного синдиката, не мог спокойно видеть неповиновение. Он набросился на пятнадцатилетнюю школьницу Изабель Гарсиа Порсель и зверски избил ее. («Черная сотня» или «штурмовики» — разве не похоже?) Отец пытался заступиться за дочь — Родригес вытаскил пистолет: «Я пристрелю тебя, красная собака!» Пистолет — это нехорошо, это опасно: полиция отбила девушку, перенесла ее в вестибюль, положила возле мэра на диван. Девушка, утеряв с лица кровь, увидела рядом с мэром Родригеса и закричала в ужасе. Корреспондент «Муццо» Дионисиво Хименес обратился к Родригесу:

— Кто дал вам право так вести себя?

Родригес погнал пистолетиком:

— Хочешь, чтобы я тебя прикончил?

Журналиста Хименеса тут же окружили молодчики Бласа Пиньяра и так же, как и Изабель, избил — по надежным гитлеровско-франкистским рецептам. Когда Хименес поднимался с пола, заместитель мэра по внутренним делам не преминул упрекнуть:

— Советую тщательно подумать о том, что ты собираешься написать в свой журнал!

К Хименесу бросился на помощь его коллега — журналист Ксавьер Бинадер. Его тоже избил. Тот же помощник мэра, наблюдая избиение, сказал, закуривая:

— Допрыгался. Пришло и твое время.

Хименес вместе с адвокатом обратился в комиссариат полиции. Когда они выходили, адвоката Рамона Вальдеса окружила толпа фашистов. Его били железными цепями. По голове. До тех пор, пока служитель закона не упал на асфальт.

Разные точки зрения существовали в Мадриде на происходящие в стране процессы. Один спокойный: народ «привык» подчиняться кнуту и силе; таких, впрочем, меньшинство, но «сильное меньшинство». Среди большинства раскол. Одни были убеждены, что надо подталкивать правительство к реформам, торопить его, не давая остановиться, ломать инерцию привычки и бесконтрольно властвовать; другие убеждены, что с правительством нечего иметь дело — оно бессильно; третьи считали, что правительство ничего не хочет предпринимать, ибо все «они неплохо устроились и им не хочется расставаться с миллионными креслами». (В Испании Франко это типично — человек, ставший министром, немедленно начинал богатеть; «кальям» — вполне распространенное явление.)

Власть предрержалась и те, кто рядом с ними, говорили прошлой весной:

— Испания за последние сорок лет прошла три этапа: сначала была Испания «крестового похода», потом — «юридического утверждения и оформления победы фаланги», а с середины пятидесятых годов вступила в «эпоху развития», когда Франко открыл границы для

туризма, и это сразу же принесло громадные прибыли, начался приток американского и английского капитала, строились автомобильные заводы, прокладывались дороги, возводились гостиницы и кемпинги, развивалась легкая индустрия. Кружевница бизнеса, охраняемая франкистским гестапо — «гвардией синьаль», захватила определенную часть населения. И вы думаете, что испанцы, половина из которых помнит голод послевоенного сорокового года, захотят вновь свергнуть себя в пучину социального конфликта? А постепенную демократию они получат — только без лишней спешки. Да в общем-то они уже ее получили: каждый говорит все, что хочет, — это ли не демократия?

Социалисты:

— Правительство исповедует испанскую «самость». Оно не хочет и не может посмотреть на шведский или западногерманский образец трезво. Оно пытается играть в демократию, но оно плохо скрывает страх перед любым новшеством. Прогресс — это всегда новшество, это как свежий ветер. Однако сквозняк опасен для больных.

Центр:

— Необходимо поскорее провести реформы — но лишь те, которые бы гарантировали устойчивость в стране. Жить так, как живем мы, — подобно плаванью в переполюсненной лодке по штормящему морю. Надо сбросить тот балласт, который мешает нам обрести стабильность, войти в НАТО и ЕЭС наравне со всеми западными странами. Они зря медлят. Необходимо легализовать как ультраправых, так и левых — пусть сражаются друг с другом. Арбитром будет закон и правительство. Это ж так удобно — быть арбитром, поднявшись над схваткой полюсов.

Фаланга:

— Если правительство и дальше будет попустительствовать левым, если оно и дальше станет проявлять бесхребетность и осторожность, если оно осмелится и дальше терпеть то, как сепаратисты растаскивают великую Испанию, позволяя открыто говорить об автономии Страны басков и Каталонии, мы возьмемся за дело. Вопрос будет решать оружие — не слова. Фрага, Ареньяса и другие безответственные элементы изменили тому делу, в верности которому они клялись при Франко. Они перестали пользоваться доверием нации — а мы представляем большую ее часть по крайней мере, — как же они могут править?!

Ультраправые (часть из них финансируется ЦРУ):

— Баррикады решат исход схватки! Только винтовки рожают власть!

Коммунисты:

— Либо правительство проведет немедленные демократические реформы, даст амнистию, пересмотрит свою экономическую политику, либо это придется делать другому правительству. Третьего не дано.

...Прошлой зимой в одной из корреспонденций из Мадрида я писал, что «если исследовать сегодняшнюю испанскую ситуацию как временную, как канун революции, или, наоборот, как предтечу ультраправого путча, тогда незачем останавливаться на вопросе о законе. Если же привить во внимание силу и мобильность «молодой волны» испанской буржуазии, интересы которой представляет нынешнее правительство, если не сбрасывать легкомысленно со счетов сорокалетний период кровавого франкизма, создавшего огромный аппарат насилия и охраны власти, если серьезно относиться к силе тех ультра, которые звереют при одном лишь слове «демократия», а они, эти фашисты, обладают большой силой в Испании, если, наконец, попробовать поверить ведущим министрам первого монархического правительства, что они хотят вывести Испанию из внешнеполитической изоляции, тогда без анализа конституции Испании не обойтись, ибо правительство не устает повторять, что путь «к реформам лежит в русле закона».

Конституция, «под» которой живет ныне Испания, была сконструирована Франко. Глава государства, «хэфе дель эстадо», то есть каудильо, обладал неотграниченными и неконтролируемыми правами. Он мог все. Нынешний король, Хуан Карлос Первый, во времена Франко был лишён какой-либо власти. Более того, Франко не подпускал принца к серьезной информации, а политика формировалась в том случае, если он ежедневно и ежечасно держит руку на пульсе важнейших мировых и государственных событий: принять решение можно лишь в том случае, если знаешь. Сейчас, после смерти Франко (речь идет о весне прошлого года), выяснилось, что король обладает далеко не всеми правами, которыми в лихой владел Франко. Король не мог предпринять сколько-нибудь серьезной акции, не согласовав свое намерение с правительством, кортесами, королевским советом и «национальным движением», то есть с главной силой, на которую опирался Франко.

Следовательно, король выполнял лишь представительские — как в Англии или Швеции — функции?

— Не следует торопиться с выводами. Испания, как мы уговорились, страна загадочная: здесь возможны «повороты» самые неожиданные, — так считали некоторые мои собеседники прошлой зимой. (Их точка зрения оказалась верной, если проанализировать последовавшее смещение Ариаса Наварро.)

Чтобы читатель точнее уяснил себе иерархию прошлогодних испанских «политических значимостей», следует поначалу объяснить, что они, эти «значимости», представляют собой на самом деле.

а) Правительство. Оно обязано — согласно конституции — «обладать политической инициативой перед лицом всех других органов власти». Правительство отчитывается перед королем, кортесами и советом королевства.

б) Совет королевства. В него входят семнадцать наиболее влиятельных «прокураторов кортесов» (так здесь именуют членов парламента). О королевском совете в Испании сейчас говорят «бункер франкизма». Говорит справедливо: четвертая часть совета составлена из «ветеранов», тех, кто воевал против республики, добровольно шел с Гитлером на Советский Союз и в составе «Голубой дивизии», казнил демократов, осваивал новые концлагеря и тюрьмы, принимал draconические законы против народа.

Королевский совет обладает огромными полномочиями: он не только объединяет в себе функции государства, кортесов, правительства, но и утверждает одобренные

кортесами договоры; совет может распустить кортесы, может, признав главу государства неспособным к правлению, сместить его двумя третями голосов.

(В Испании нет секретов. Стоит повстречаться с коллегами-журналистами, как тебе тут же расскажут мельчайшие подробности обо всем и обо всех: что, например, когда король утверждал первый кабинет, министры сидели в просмотрном зале министерства информации и смотрели запрещенный цензурой фильм «Эммануэль»; что кардинал Таррагон, ставший в оппозицию к франкизму, получил инфаркт миокарда и был увезен в госпиталь сразу после окончания первого заседания королевского совета, которое длилось шесть часов: разгорелись страсти, ибо «бункер» тащил своих кандидатов на пост председателя, — сошлись на «булуейтральном» Торкато Миранде. Говорит, что поначалу председателем королевского совета назывались Ареньяса или Антонио Гарригес. Их «задробили», предлагая в председатели этого ключевого органа либо Валькарседа, либо Хирона де Веласко — оба фашисты из «старой гвардии» Франко. Стоит привести ряд высказываний Хирона де Веласко, чтобы стало ясно, «кто есть кто»: «Более всего Испании сейчас необходима культурная революция. Пока у испанского народа не будет единого понятия о культуре, не будет и единого понятия о власти. Мы, фаланга, приложим все усилия к тому, чтобы провести культурную революцию». Это говорит один из богатейших людей Испании, женатый на баронессе Кампореидо, которая является президентом крупнейшей строительной фирмы страны! (Будучи министром труда в кабинете Франко, «старый боец» брал огромные взятки у бизнесменов, отдавая им взамен самые выгодные заказы. Считают, что Хирон получил более миллиарда песет.) Что думает Хирон о заявлениях министра иностранных дел Ареньясы в Париже по поводу проведения свободных выборов в кортесы? «Ареньяса возен высказывать свое личное мнение за границей, но здесь, у нас, в Испании, он обязан придерживаться законов, утвержденных генеральным каудильо испанской нации генералиссимусом Франсиско Франко».

Думаю, что в свете этого высказывания Хирона будет понятно, почему и приглашаю читателя к исследованию законодательных и исполнительных функций действующих пока что государственных институтов Испании. Благими намерениями вымощена дорога в ад — даже если поверить намерениям правительственных реформаторов, где гарантии, что они проведут демократические преобразования через королевский совет Хирона?)

в) Кортесы. Это не что иное, как увеличенный во много раз королевский совет. Тот же «бункер», те же фалангисты, те же банкиры — сорок один банкир представлен в кортесах; они контролируют все основные комиссии, мимо них не проходит ни одно решение — будь то внешнеполитическое или касающееся положения в стране. Кортесы обладают правом потребовать отчет у правительства. Кортесы вправе войти в конфликт и с королем, конституция это позволяет. Исход неизвестен: по франкистскому «основному закону» конфликт может разрешиться двояко — либо роспуск кортесов, либо смещение короля.

Как проходит «выборы» в кортесы? Пятую часть кортесов назначает Франко: указывает пальцем, говорит: «Он будет прокуратором» — вот и все «выборы». Пятую часть прокураторов поставило «движение», то есть фаланга. Пятую часть — «синдикаты», франкистские профсоюзы. Пятую часть составляли губернаторы, генералитет, члены правительства. Пятую часть составляли выдвиженцы «фамилий страны», то есть наиболее «уважаемых» семей нации, — аристократы, купцы, военные промышленники, словом, люди, на которых режим полагался. К ним же относятся и руководители «гильдий» — профессура, адвокаты, технократы. Ничего себе «народное представительство»! Из пяти «долек» голосовались лишь представители «фамилий», все остальные проходили, что называется, скопом, без намека на выборность.

г) «Национальное движение» — основная сила франкизма и общенационального масштаба: в каждом городе есть отделение «движения», и даже в правительстве оно было представлено особым министерством. Генеральным секретарем, «министром движения» в кабинете Наварро был сорокачетырехлетний Адольфо Суарес Гонсалес — нынешний премьер Испании. (Я встречался с ним, когда он был генеральным директором телевидения: «Наш экран открыт для обмена культурными программами с СССР».) Факт выдвижения Гонсалеса на пост генерального секретаря «движения» был весьма примечателен: во-первых, секретарь «движения» — человек относительно молодой, не принимавший участия ни в гражданской войне, ни в сотрудничестве с Гитлером, ни в карательных акциях против демократов. Во-вторых, Суарес находился в состоянии вражды со «старой гвардией» Франко. (Сейчас, когда профессор права Себастьян Мартин Реторильо впервые коснулся проблемы административной реформы и поставил вопрос о целесообразности ликвидации ряда министерств, в Испании поняли, что «началась драка под одеялом». Профессор вроде бы касался министерств информации, туризма, планирования, развития, но каждому в Мадриде (как левому, так и правому) стало ясно, что речь идет о «министерстве движения», о необходимости ликвидировать это странное «административное образование».)

Действующая пока конституция (ее можно читать как угодно) позволяет тем не менее избрать законный путь: а) правительство выступает с политической инициативой о реформах, б) король изучает программу и, убедив ее с королевским советом, передает в в) «национальное движение», а уже потом проект реформ переходит в г) кортесы, которые — в случае своего согласия — разрешают общенациональный референдум. Разве это не конституционный курс? Однако если учесть, что «бункер» не намерен так легко сдавать позиции, если учесть, что пребывание в кортесах и королевском совете дает баснословные барыши фашистам, если учесть, что все они против демократии, если учесть, наконец, что во тому же «основному закону» армия имеет право взять инициативу «политических действий» в свои руки в момент хаоса, то, позитное дело, фашистам выгодно нестабильность, тем более что не

народу вменено в право определять, что такое нестабильность, а власть-предержащим. Так было прошлой весной. Как же развивались события в Испании после того, как король пришел к власти Суареса Гонсалеса? И так и не так, как представлялось прошлым летом. Правительство действительно «поставило» на демократическую реформу; сопротивление королевского совета было сломлено (под влиянием каких сил?); «движение», судя по всему, было нейтрализовано.

Экономическое положение страны было на грани краха: на правительство «давили» как рабочие, все больше обрушивавшиеся в горькую трясину нищеты, так и бизнесмены, которые искали пути выхода Испании на широкую арену международной торговли.

Референдум, проведенный в стране, показал желание испанцев отказаться от «конституции» Франко. В марте должны произойти выборы в парламент. Впервые за сорок лет после того, как Франко уничтожил республику. Впервые это будут (а вернее сказать, должны быть) прямые, тайные и равные выборы.

...В Мадриде часто повторяли горькую шутку известного общественного деятеля публициста Хосе Пла. Когда во время гражданской войны Хосе Пла уходил из Испании, пограничник спросил его:

— Каковы ваши политические убеждения?

Хосе Пла ответил:

— Я авторитарный либерал.

Пограничник был образованным парнем, но и он не понял, как можно совместить две эти несомненности.

Пла объяснил:

— Я хочу, чтобы правительство обладало достаточным авторитетом, который бы гарантировал свободу выражения моих либеральных взглядов.

Это был камушек в огороде кабинета Ариаса Наварро. Умные «центристы», связанные с бизнесом, подгоняли прошлой зимой Фрагу: «Давайте же, хватит медлить! Отдайте хоть что-нибудь!»

Мой стародавний друг, талантливый баск — фамилию его по понятным причинам я не называю — рассказывал, как во времена франкизма, на второй день после ареста, когда три «бригады пыток», сменявшие друг друга, ушли, обессиленные, отдохнуть, а время задержания истекло — как раз тогда Франко ввел видимость закона, по которому задерживать без улик можно было только на семьдесят два часа, — инспектор отдела «по борьбе с коммунистами» слезно молил: «Ну отдай мне хоть что-нибудь, дурашка. Хоть самую малость отдай, намекин хоть, тогда больше быть не будем».

— Я понимал, что отдавать нельзя ни малости — этой отдачей и сам, собственной рукой, подписывал ордер на арест, на тюрьму, расстрел, гибель — не только себе, но и товарищам.

Логика моего друга можно понять — в подоплеке ее — Идея, прекрасная Идея свободы, равенства и братства. Можно, впрочем, было понять и логику правительства Наварро. Это же так приятно, когда приемная главы режима похожа на уголок музея Прадо — старинная живопись, лучшие мастера мира, гобелены восемнадцатого века, мебель от Людовиков; ультрасовременные бронированные машины, постоянно ожидающие в подземных гаражах; трескучие мотоциклы сопровождения; стрекочный рокот военных вертолетов, когда надо посетить короля в одной из его загородных резиденций; одно слово — власть...

Один в Испании считали, что власть можно укрепить, отдав малость, другие, реальной властью обладавшие, хотели обезопасить себя холодной, отстраненной буквой закона, нарушение которого карается тюрьмой. Важно, чтобы закон был новым. — тогда и «посадка» тех, кто будет против, окажется «демократической», никак не шокирующей международное общественное мнение.

«Нижний этаж» испанской власти по-настоящему понимал власть лишь в том случае, когда он сам перемещался вверх. Умерительность в политике — вещь нерезкая. Фрага, когда был в «полуопозиции», думал по-иному, сев в кресло вице-преьера, он говорил по-иному: что-то будет с ним, если он покинет «кресло» № 2? (Когда я писал это прошлой зимой, трудно было представить, что после отставки Фрага войдет в коалицию с теми, против кого он выступал ранее и кто повалил его позже, — с «Опус Деи».)

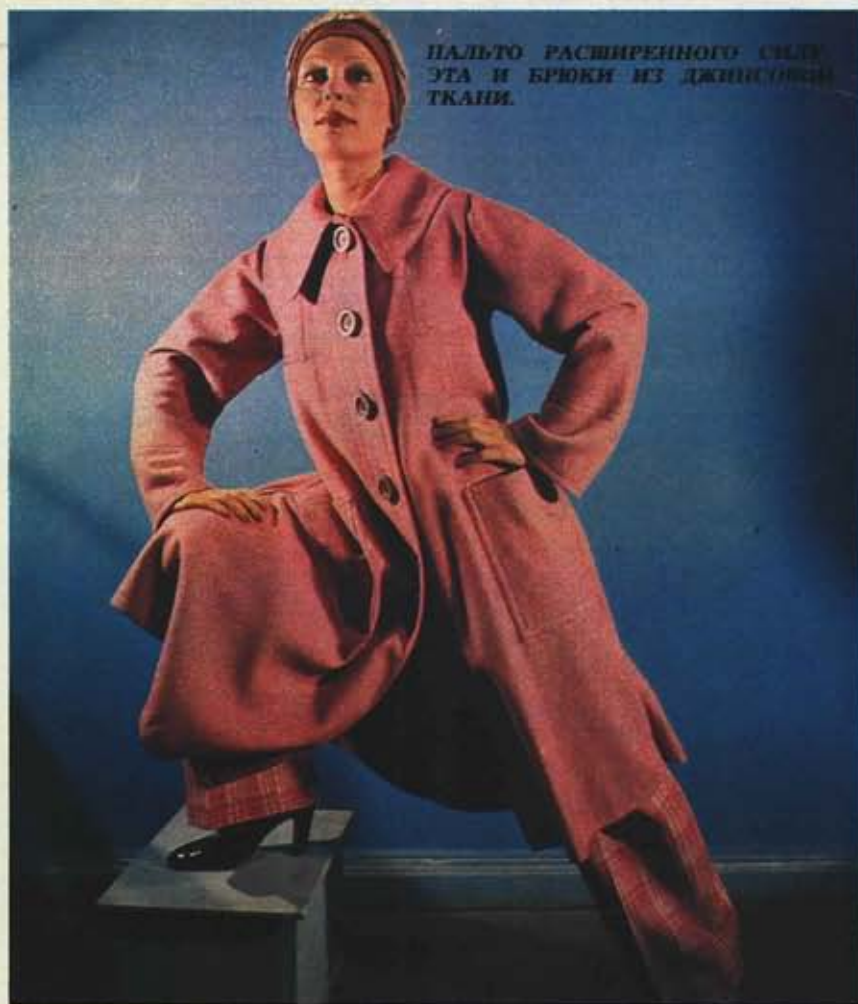
...Первый послефранкистский кабинет был непоследователен, двойствен, растерян. Народ требовал демократическую реформу — ее не давали. Народ требовал экономическую реформу — ее не проводили. Народ требовал амнистию — она не провозглашалась. Народ настаивал на автономии для Страны басков и Каталонии — этот вопрос даже не позволяли обсуждать. Народ требовал более широких международных связей со всем миром, с Советским Союзом в том числе, однако Наварро не предпринял в этом направлении никаких сколько-нибудь серьезных шагов.

А ведь отношение испанцев к Советскому Союзу, к советской, русской культуре особое. (Впрочем, как и наше — к Испании.) Я встречался со многими выдающимися деятелями испанской культуры, и все они в один голос говорили о необходимости самого широкого культурного обмена между двумя нашими странами.

Ныне установлены дипломатические отношения между СССР и Испанией. Мне, неоднократно посетившему Испанию, совершенно очевидно те добрые чувства, которые испанские трудящиеся питали и питают к Советскому Союзу.

Нельзя не радоваться тем литым строкам официального документа, где сказано, что «установление дипломатических отношений между СССР и Испанией будет способствовать дальнейшему развитию сотрудничества в политической, торгово-экономической, культурной и других областях на благо советского и испанского народов, в интересах укрепления мира и безопасности в Европе и во всем мире».

Можно предположить, что правые силы в Испании будут предпринимать все, чтобы помешать развитию добрых отношений между нашими странами. Однако этот процесс необратим, как восход солнца, а только в Испании есть «смесь», солнечный праздник, прекрасный и добрый праздник испанцев, который так любит у нас на Родине.

ПАЛЬТО РАСШИРЕННОГО СИЛУЭТА И БРЮКИ ИЗ ДЖИНСОВОЙ ТКАНИ.

Молодежь и мода». Так называлась встреча, проходившая недавно в Общесоюзном Доме моделей. В числе ее участников были и те, кто создает одежду, и те, для кого она создается. За «круглым столом» встретились художники-модельеры, специалисты-швейники, работники производственного объединения «Женская мода» и представители рабочей молодежи ЗИЛа, студенты архитектурного и текстильного институтов, старшеклассники подшефной школы, корреспонденты московских газет.

Сегодня очень большим спросом у молодежи пользуются ансамбли, состоящие из комплектующейся одежды. Поэтому, говорили участники совещания, следует уделить самое большое внимание разработке таких комплектов.

Молодые люди нередко отказываются от сложных, заранее собранных, «запрограммированных» художником-модельером ансамблей. Они хотят активно участвовать в создании своего костюма. Такую возможность и предоставляют им практичные и удобные комплекты, которые каждый может легко дополнить и изменить в соответствии со своими вкусами и желаниями.

Молодежная мода стремится соединить эмоциональную

выразительность с требованиями удобства, функциональности, разнообразия.

В весенней коллекции этого года ведущими силуэтами одежды для девушек станут полуприлегающий, трапециевидный и приталенный. Отметим «мирное сосуществование» одежды свободной, объемной и одежды небольшого объема, плавных линий кроя.

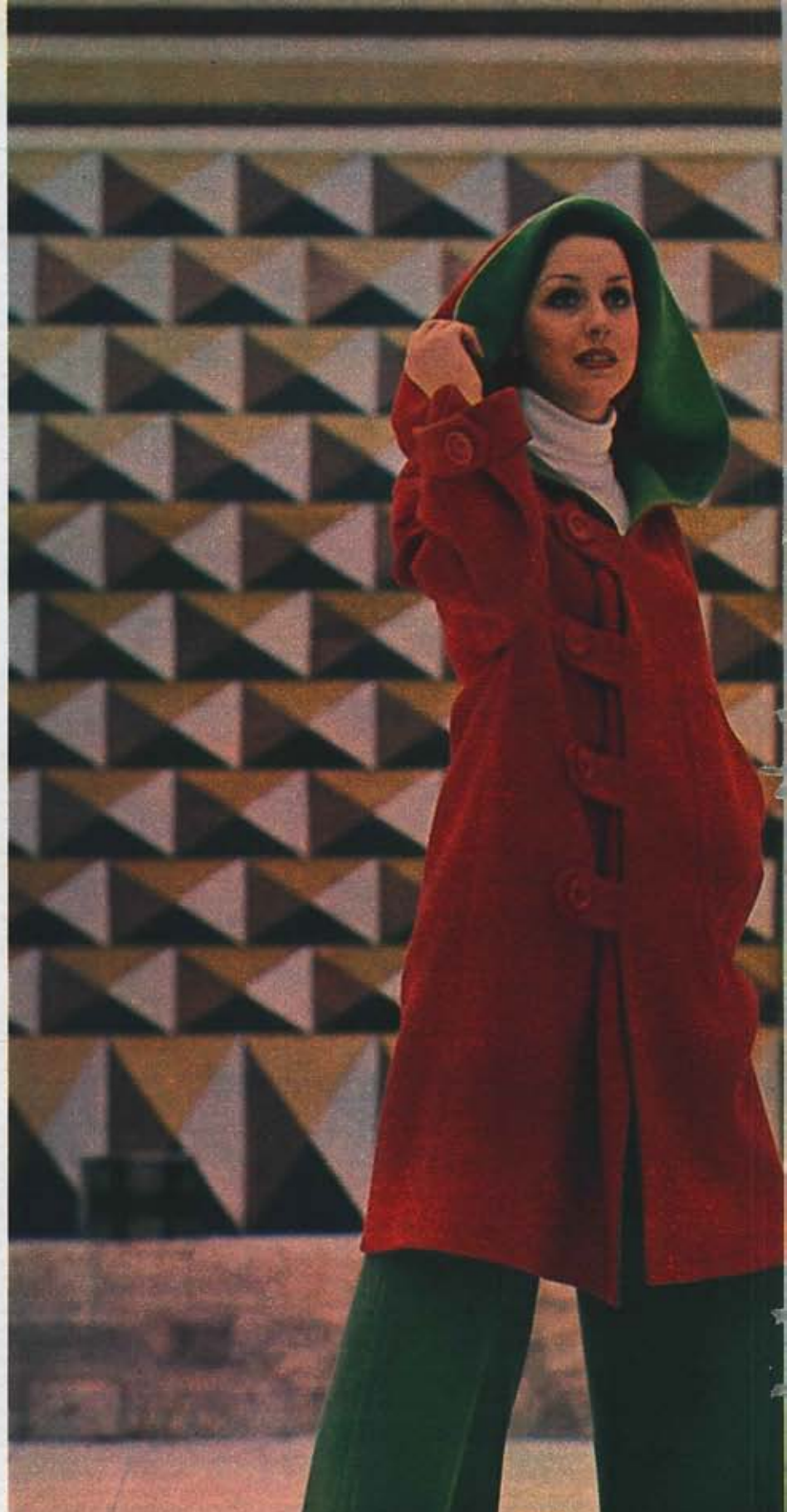
Новая мода отдает предпочтение мягким, пластичным тканям. Материалом для повседневной одежды служат тонкое сукно, букле, камвольные ткани, ткани джинсового оформления, шерстяная фланель. В этом сезоне популярна тональная гармония цвета, вместе с тем используются и акценты цветов, например, зеленого, красного, синего.

«Разумная» длина одежды 1977 года на 2—4—6 сантиметров ниже колена.

Костюм снова стал символом весенней моды. Однако присущий ему сдержанный характер несколько смягчается и оживляется тканями с рисунком в клетку, полоску, а также пестротканями.

В новых предложениях художников-модельеров комплекты из утепленной куртки—ткань болонья—и юбки. В другом варианте юбка может быть заменена брюками.

ПОЛУПАЛЬТО ПРЯМОГО СИЛУЭТА И БРЮКИ.

МОДА

ВЕСНЫ

Форма брюк немного изменилась. Они становятся уже по всей длине. Максимальная ширина до 28 сантиметров. Для отдыха рекомендуются узкие брюки, присборенные внизу на манжету или резинку. С такими брюками надевают короткие сапожки с узкими голенищами. В спортивных ансамблях возможны варианты брюк с высоко отвернутыми обшлагами, комбинезоны и брюки-«бермуды» (длиной до середины икры). Брюки новой формы носят со свободными блузками, куртками, полупальто.

Юбки отличаются большим разнообразием — в легкую сборку, в складки, клеш, запахивающиеся, с застежкой сверху донизу. Блузки и тонкие трикотажные свитеры дополняют костюмы для улицы. Девушки могут иметь костюм с широкой юбкой и коротким, облегающим фигуру жакетом.

Покрой модных блузок мягкий, свободный. В основном это многочисленные «вариации на тему» строгой спортивной рубашки — «батника». Сборки, защипы, идущие от кокеток, несколько смягчают их силуэт.

и объем благодаря складкам, сборкам, косому крою.

В одежде для юношей основными являются три силуэта: прямой, полуприлегающий и трапециевидный.

Юноши уже давно оценили все преимущества куртки как одного из самых практичных, удобных и современных видов одежды. Мода этой весны предлагает куртки в различных вариантах длины. Это утепленные куртки из тканей «болонья» и «лаке», укороченные куртки на притачном поясе, удлиненные куртки свободного покроя с поясом на талии.

Модными становятся сорочки-куртки из тонких шерстяных тканей, трикотажных полотен, вельвета.

В спортивных комплектах и комбинированных костюмах традиционный пиджак заменяется пиджаком — курткой, пиджаком-блузоном.

Для вечера предлагаются костюм-двойка и костюм-тройка с жилетом. Рекомендуются использовать соединения тканей в клетку и полоску, в «елочку», а также тканей различных фактур.

Пиджаки несколько удлиненные, приталены. Линия плеч

ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ ИЗ ТОНКОЙ ШЕРСТИ. ЖАКЕТ И ЮБКА С ШИРОКОЙ ЮБКОЙ

КОСТЮМ ИЗ ТОНКОЙ ШЕРСТИ. ЖАКЕТ И БЛУЗОН И БРЮКИ С ШИРОКОЙ ЮБКОЙ

ПЛАТЬЕ ИЗ ТОНКОЙ ШЕРСТИ. ШИРОКАЯ ЮБКА

Ирина СУМИНА,
главный искусствовед
Общесоюзного Дома моделей
одежды
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Авторы моделей
Светлана КАЧАРОВА,
Юлия ДЕНИСОВА,
Вячеслав ЗАЙЦЕВ

Все «независимые» предметы одежды — блузы, юбки, брюки, жилеты, куртки — подбираются в комплекты по желанию, вкусу, привычкам.

В одежде для торжественных случаев выразительны натуральный и искусственный шелк, тонкое трикотажное полотно, шерстяной креп.

Стиль платьев прост. Воротники превратились в банты, а прямые юбки обрели ширину

прямая и довольно широкая. Застежка низкая, на 1—2—3 пуговицы. Брюки прямые по всей длине, ширина внизу до 28 сантиметров.

Молодежная мода сейчас — это не «сезонная» мода, которая меняется лишь «чуть-чуть». Молодежная мода утверждает определенный стиль одежды, дающий большой простор для самостоятельного творчества.

ДНЕВНИК РЫБОЛОВА

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

Река

У каждой реки, у всякой речушки—
Свое лицо, своя стать
И своя аттестация.

Любая— уникальна, неповторима:
Блеском и отблеском,
Темпераментом,
Температурой.
У каждой—
Свой источник питания,
Свое производство.

И естественно,
Что у каждой—
Своя судьба. Свое
Начало. И устье свое.

А как же иначе?
Реки и речки
Подобны людям.

Обезличить их все,
Превратить
В окультуренные каналы
Было бы черным делом.

Река— аккумулятор. Сколько
Можно энергии черпать
Из одной и той же струи?

Необходимо давать реке передышку,
Давать ей возможность
Запасы свои пополнять.

Таково условие бесперебойной работы
Всего бытия земного—
Грандиозной силовой установки.
Да, это общее правило.

Река, несомненно, создание поэтическое,
Но любит математическую определенность.
Реке недостаточно
Возвышенной поэтики.
К ней не подступишься
Без точных наук.

Приходится часто
Решать уравнения
Со множеством неизвестных.

В противном случае
Будешь плутать
В поэтической мгле,
Пить глазами
Ее красоту,
А пользы конкретной—
Ни капли.

Если конкретности хочешь,
Математику не отвергай.
А лучше всего попытайся
Создать некий синтез:
Поэтикоматематику,
Так сказать, синтез
Земли и неба.

Иначе— запомни это—
В поэтической мгле останешься.

Долго с удочкой я сидел у реки.
Рыба никак не брала. За время
Моего пустого сидения
Проворный паук успел
Сплести на конце удилица
Свою ажурную сеть. И принялся
Охотиться на комаров и мошек.
Увы, приходится мне прекратить
Его плодотворную деятельность:
Радостно затрепетал
Красный, как сердце,
Мой поплавок,
Неистово заколотился
В поэтической речной груди,
В полной тайн стове.

Хлынул ливень. И теперь большие и грубые
Тростниковые листья кикзу гнутся.
Настоящие живосеребряные сплавы. Не капля.
Не две. А сплошная серебристая масса.
Ливневое серебро жаждет соединиться
С речной струей и кинуться в море,
В его объятие отцовское. Но тростниковые листья
Не отпускают: они— хваткие, цепкие— держат
Влажное серебро, словно ладонь рыбака.
Трепещет живосеребряная масса на листьях.
И впрямь точно рыба в руке рыбака.

Балет

В реке балетный начался сезон.
Его открыла щука в паре с хариусом.
Он, как истый Аполлон,
Красив. И эластичен, как блоха.

Звучит согласно птиц и мошек хор.
И с хищной партнершей высоко
Взвизывает божественный танцор
В лиловом восхитительном трико.

Заплодировали дуб и клен,
Когда взметнул почти до облаков
Свою Венеру рыбный Аполлон,
Нисколько не боясь ее зубов.

Но хариус внезапно проглотил
Мой каверзный крючок. Конец всему.
А что же щука? Слово крокодил,
Свирепо улыбается ему.

Полет

Над рекою коршун чертит круги,
Норовит по ветру: бережет силы.
До поры до времени он пассивен.
Активны только его глаза,
Энергично выискивающие жертву.

Вот он увидел ее и
Входит в вираж,
Вот поворачивается и
Летит против ветра,
Который заламывает
Хищнику оба крыла;
Потом,
На мгновение какое-то,
Словно брошенный в высоту камень,
Он застывает, задерживается в небе,
Метит в цель,
Потом
Отвесно падает и
Накрывает,
Придавливает,
Расплюсчивает
Жертву.

Сказка

Светлую, словно весенняя яблонька, девушку—
Сказывают—
В лес прогнала черная, точно туча, женщина
И девушка не вернулась.

Плачут в саду неполитые лилии,
Неполотые грядки травой заросли.
Валяется на мостках забытый валец,
И сыреет замоченное в ручье белье.

В шкафу лежит лишняя ложка,
Лежит неподвижно, будто в гробу.
Над крышею мечется рябая кукушка,
Вот села на дерево, закуковала.

Наверно, покойница ищет дорогу домой
И не находит: заплуталась в черной
Чаще, из которой не возвращаются.

Мухомор

Красивейший гриб в лесу— мухомор.
Словно алая рукопись,
Завершенная белым отточием,
Шляпка его.
Этот импозантнейший гриб
Сразу в глаза бросается.

А польза какая?
А никакой.
Разве что мух—
Тунядок природы—
Морит.

Вот так: красота не всегда благотворна.
Нередко она тлетворна.
А порою— радует глаз, и только.
Но разве это не польза?

Гномик

Слышу сквозь сон: седобородый гномик,
Которого поутру
Я встречаю всегда
Возле тухлявого пня,
Бьет своей колотушкой
По медному гонгу часов.
Считаю: три... пять...
И вдруг раздается взрыв,
И красногребенчатый голос
Рассветного петуха
Разливается в небе.
И длинное, длиннеее удилице—
Бряк!— и растянулось во весь рост
В ногах у меня.
Значит, пора подыматься.
Никуда не денешься.
Надо.

Рисунок Юрия КОСМИНИНА

✿
 Июльская ночь тепла и клейка,
 Точно липовый цвет.
 Небо зажгло свой фонарь —
 Большую овальную пурпуровую луну.
 И вдруг
 Закуковала кукушка.
 Решила, что солнце взошло,
 Обозналась.

Прорицатели тоже обманываются.

✿
 Точно мятный леденец — воздух тает во рту.
 Оттеснил от реки все другие запахи
 Воинственный аромат цветущей мяты.
 Целый день брожу вдоль реки, будто пьяный,
 И не могу выудить даже дохлой рыбешки.

Мысль — точно игла.
 Выпрямлена и своим острием
 Нацелена, устремлена в одну точку, —
 Вот почему
 И солнечный лучик
 И жилка речной струи
 Напоминают мне только
 Со скоростью света мчащуюся
 Серебряную улейку.
 Вот почему
 То и дело дергается
 И тягостно ноет потом
 На мою же удочку пойманное
 Мое обманувшееся сердце.

✿
 На фоне закатного неба
 Два тонко очерченных силуэта
 Длиннокрылых и длинноногих аистов —
 Словно бы вырезаны из бумаги
 И аккуратно наклеены
 На багровый картон высоты.

✿
 Все кружится на вершине сосны
 Колесо жизни,
 На котором обосновалась
 И выводит птенцов
 Чета аистиная.

✿
 Я лодочник.
 Пробираюсь через камыши,
 Отталкиваясь от речного дна
 Длинным,
 Словно бы сложенным
 Из всех пишущих ручек,
 Какими писал я в жизни своей,
 Шестом.
 Будет гроза:
 Вываренную солнцем листву
 Ветер принялся ворошить.
 Листья взлетают, словно желтые птицы,
 И опускаются на речную струю. Струя
 Устремляет их к траурно-черному островку.
 Рябит и мерцает река,
 Вся усеянная шафранными птицами.
 И чудится мне,
 Что это ползет
 Пестрый чешуйчатый мускулистый бессмертный уж.

✿
 Дождь шуршит, точно мыши на чердаке.
 Дождевые мыши шныряют по крыше соломенной
 И шуршат. Чего они ищут там?
 Березовых крошек?
 Они, конечно, хотя
 Непременно очистить крышу,
 Будто послеобеденный стол.

✿
 Здесь белы июньские ночи,
 Словно голубиные грудки.
 Для меня эти грудки прозрачны.
 И я вижу, как в каждой трепещет
 Лучами твоих ресниц
 Душа июня — вечерняя
 Росная звезда...

Перевел с литовского
 Леонид МИЛЬ.

Заметки на полях

Над окном лишь теперь задымилась
 Липовые клубы сирени. В этом году
 Все настанет позднее. А точней —
 С опозданием. Все —
 Как в человеческой жизни.

✿
 На лугу сенокос.
 Примечательна участь кузнечиков —
 Луговых поэтов.
 Они, от косы спасаясь,
 Кидаются в реку.
 Там их рыбы хватают —
 Голавли, плотвицы, улейки.
 Остаются живыми
 Лишь свистящие отзвуки.

✿
 Говорят: рыба купается.
 Она и вправду купается.
 Вот сегодня у рыбы
 Взаправдашний банный день.
 Вся речка клокочет, скачет,
 Плещется и веселится.
 У рыбы неделя чистоты,
 Видать, началась.
 И в такую пору
 Закидывать удочку
 Как-то неловко.

✿
 И все же прогнал. Прогнал
 Старый пень, на котором я
 Сидел с блохотом и удочкой
 Долгие-долгие годы.
 И как мне это ни грустно,
 Надо выкорчевать старый пень.
 Пусть уносит его река.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «СМЕНЫ»

С Верой Завьяловой читатели «Смены» познакомились, прочитав ее статью «В чужом городе» (№ 2, 1976 г.). Вера рассказала о своей трудной судьбе, о том, как друзья-комсомольцы из разных городов страны помогают ей победить тяжкий недуг, получить высшее образование.

Связующим звеном между больной девушкой — с одной стороны, и молодыми рабочими Запорожского коксохимического завода и швейницами производственного объединения «Маяк» из Горького, с другой стороны, стала писательница Елена Микулина.

После опубликования материала в «Смене» в редакцию и к самой Vere пришла сотни писем. Люди предлагали сыю помощь, поддержку, спрашивали о здоровье, беспокоились о ее дальнейшей судьбе. Это была прекрасная эстафета человеческих чувств, для которой нет расстояний. Пришли в «Смену» письма и от ее шефов из Горького, от членов бригады коммунистического труда.

Они рассказали редакции, как трудно было Vere учиться, как, борясь с болезнью, она заочно окончила институт иностранных языков и получила диплом переводчика английского языка. В письме содержалась просьба к редакции помочь Vere трудоустроиться, найти занятия и по душе, и по специальности.

Редакция обратилась в Горьковский обком комсомола. Секретарь обкома ВЛКСМ тов. Февралев ответил редакции, что в настоящее время Вера Завьялова является штатным работником международного отдела «Планета» областной газеты «Ленинская смена».

ПО ПИСЬМУ ЧИТАТЕЛЯ МЕРЫ ПРИНЯТЫ

Наш читатель Е. Ефимов из Кореиза Крымской области прислал в редакцию «Смены» тревожное письмо, в котором рассказал о небрежном хранении книг в областной библиотеке. Для проверки редакция направила письмо в Симферополь, в обком комсомола.

Вскоре был получен ответ за подписью секретаря Крымского обкома ЛКСМ Украины тов. Оникія:

«В настоящее время около 300 тысяч томов книг из фонда Крымской областной библиотеки имени И. Франко хранятся в 4 книгохранилищах подвального типа, расположенных в разных местах города Симферополя и не вполне соответствующих требованиям, предъявляемым к помещениям для хранения книг.

Для улучшения материальной базы и создания условий, обеспечивающих сохранность книг, областной библиотеке передано помещение бывшего партийного архива, в котором будет оборудовано книгохранилище на 500 тысяч томов. На ремонт и переоборудование здания советскими органами выделены соответствующие средства, готовится техническая документация.

Проявляя заботу об обслуживании областной библиотекой возможно большего круга читателей, партийные органы представили в ее распоряжение более удобное и просторное помещение, в котором открыт абонементальный отдел».

ЖЕЛТЫЙ ДРАКОН ЦЗЯО

РОМАН

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

2

а, ничего не скажешь,—покачал головой Аланг, выслушав Патрика,—шеф этого Шан Чу — садист-«гурман». Но связи между кражей Сукхит и инсценировкой кораблекрушения никакой. Чтобы умыкнуть девчонку, совсем не обязательно было имитировать катастрофу.

— Согласен,—ответил Ло.—Но нет ли связи между убийством Лей Чжи и этой инсценировкой?

— Что вы имеете в виду?

— Попытаюсь объяснить, хотя сам четко не могу пока сформулировать эту мысль. Ведь Шан Чу—это не настоящее имя «жениха»—назовем его так. Преступники сообщают Лей Чжи, кто «женится» на ее дочери, чтобы упиться мстостью. Они спокойны—полиция не сможет найти человека с фальшивыми документами. Но Шан Чу по каким-то причинам покидает Бангкок под именем Сэнг Чэн. Он задерживается и просит Сукхит занять каюту. Родственники Сукхит

Продолжение. Начало в №№ 21—24, 1976 г., и 1—4, 1977 г.

прощаются с ней на причале, а Шан Чу тем временем проходит формальности под новым именем. Вот этот момент, на мой взгляд, имеет отношение к имитации кораблекрушения. Какое—пока я не могу предположить. Идем дальше. Во время допроса Белого Бумажного Веера, рассчитывая загнать его в угол, я говорю ему о том, что нам известно об инсценировке катастрофы. С одной стороны, его реакция убедила нас в необходимости дальнейших поисков. С другой—он мог передать своим сообщникам на волю сигнал опасности. Кстати, нужно бы проверить охрану в тюрьме. В результате Лей Чжи убивают, потому что из разговора с ней мы могли бы выяснить, что на «Тумасик» садился Шан Чу, а не Сэнг Чэн. Здесь преступники допустили ошибку: они забыли о сестре Лей Чжи—госпоже Сюэ. Таким образом, сейчас мы можем обратить пристальное внимание на личность Сэнг Чэна и его окружение, что, по всей вероятности, не очень устраивает «Анг Сун Тонг»...

— Кстати,—заметил Аланг,—наши «друзья» допустили еще одну, более грубую ошибку.

— Какую?

— Им нужно было оставить в живых Лей Чжи, и вы вернулись бы из Бангкока ни с чем.

— Действительно,—усмехнулся Патрик,—перестарались. Но они, очевидно, не хотели, чтобы Лей Чжи шла в полицию и заявляла, что ее дочь украл некто Шан Чу, в то время как на «Тумасике» плывет Сэнг Чэн.

— Никто не стал бы слушать сумасшедшую,—возразил Аланг,—тем более, что в Бангкоке не знают об инсценировке кораблекрушения.

— Может быть,—задумчиво согласился Патрик и добавил:—Если говорить об ошибках, то с отдельными каютами для Сукхит и Шан Чу—они тоже переусердствовали. Ведь именно это сразу показалось мне странным в Бангкоке.

— Как раз здесь все нормально. Ведь Шан Чу заказал билеты на «Тумасик» для себя и своей «супруги». И вдруг в каюте с Сукхит плывет посторонний человек. Это вызвало бы удивление...

— Да, вы правы,—снова согласился Ло.—Теон, а нет ли связи между имитацией кораблекрушения и кражей трупа с Блаканг-Мати?

— Я думал об этом,— ответил шеф «Си-Ай-Ю»,— тоже строил различные предположения, но не смог остановиться ни на одном варианте.

Аланг легонько хлопнул ладонью по столу.

— Ладно,— сказал он,— сегодня можете отдыхать с дороги, а завтра начинайте заниматься молодым Чэном. Да, совсем забыл. Несколько раз звонила Джун, интересовалась, когда вы приедете.

— Теон!— заорал Патрик.— Вы ужасный человек! Почему вы сразу ничего мне не сказали?

— Боялся, что не смогу потом услышать от вас ничего вразумительного,— улыбнулся тот.

Ло выскок из кабинета шефа и помчался к себе. Он схватил телефонную трубку и начал накручивать диск, нетерпеливо возвращая его на место после каждой набранной цифры. Упрямый диск не хотел вертеться быстрее. Патрик сбился, с досадой ткнул на рычаг и начал снова. Наконец, раздались длинные гудки и в трубке послышался голос Джун.

— Джун, это я, Патрик!

Трубка молчала.

— Джун, ты слышишь меня?

— Да,— ответила она тихо.

— Я буду дома через полчаса. Ты приедешь?

Снова молчание.

— Джун, мне очень нужно, чтобы ты приехала. Понимаешь? Очень!

— Я приеду.

В коридоре Ло чуть не сшиб с ног Аланга.

— Джун вам обещала сообщить беспроигрышную систему игры в бридж?— полюбопытствовал шеф «Си-Ай-Ю», посторонившись.

— Вы угадали, Теон!— весело крикнул Патрик на ходу и помчался вниз.

Дома он принялся наводить порядок. В шкаф полетели рубашки, которые он забыл отдать в стирку перед отъездом в Бангкок. Недопитая чашка кофе, жалобно звякнув, разлетелась на куски в мойке. Пыль с журнального столика Патрик смахнул вместе с пепельницей и, чертыхаясь, побежал на кухню за венником и совком. Вернувшись в комнату, он заодно подмел под тахту газеты и журналы.

Наконец его холостяцкая квартира приняла более или менее приличный вид. Запихнув в вазочку букет розовых лотосов и торопливо разложив на небольшом круглом подносе пирожные, купленные по дороге, Ло ринулся в ванную. Наскоро приняв душ, он поставил варить кофе и с сигаретой в зубах уселся в кресло.

Заверещал звонок. Патрик никогда не думал, что охрипший и дребезжащий звук может быть таким приятным. Он бросился в прихожую. Джун стояла на пороге, смущенно теребя свою сумочку. Патрик взял ее за руку, молча провел в комнату и усадил в кресло. Некоторое время они смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Потом Джун спросила:

— Ну, что нового в Бангкоке? Говорят, очень красивый город...

Она произнесла это просто так, потому что нужно было что-то произнести.

— К черту Бангкок, Джун. К черту всех. Я люблю тебя.

Патрик проговорил эти слова на едином дыхании и только потом, уже сказав это, понял, что он действительно любит Джун. Он сделал для себя открытие, приятной дрожью пронизавшее тело, ощутил внезапно нахлынувшую неумемную радость, смешанную с каким-то щемящим чувством боязни. Эта девчонка с треугольными, чуть раскосыми глазами стала для Патрика словно частью его самого, и он вдруг почему-то подумал, что может потерять ее.

— Я люблю тебя.

В дрожащих ресницах Джун запутались две слезинки, похожие на капельки росы.

— Ну, что ты, Джун...

— Я... я боялась... что ты не произнесешь этих слов.

Он подошел к креслу и снял реснички с ее ресниц. Джун взяла его руку и прижалась к ней щекой.

— И еще я очень волновалась за тебя, Патрик. Я так боялась, когда ты был в Бангкоке...

— Там не было ничего серьезного. И потом это моя работа. Такая же работа, как у... других.

— Нет. У тебя все иначе. Я, наверное, никогда не привыкну к твоей работе. Скажи, ты часто будешь забывать обо мне?

Патрик не ответил. Сказать «нет» — означало сказать неправду, а говорить «да» сегодня не хотелось. Он опустил голову на мягкий пушистый коврик у кресла и положил голову на колени Джун. Она молча гладила его волосы, а Патрик боялся пошелухнуться, словно все происходящее сейчас было лишь миражем и от малейшего движения он мог растаять...

Начало темнеть, и Патрик потянулся рукой к выключателю торшера. Джун остановила его:

— Не надо. Давай посидим в сумерках. Мне сейчас так хорошо. Ты просто не представляешь, как я счастлива...

— Джун, милая...

Через тонкую синтетичную оранжевую кофточку он ощутил мелкую дрожь ее тела. Так дрожат птенцы, когда их гладят. Не умея защититься, не в силах убежать, не зная, как воспринимать ласку, они с трепетом вверяют себя судьбе. И эта незащищенность Джун, это доверчивое ожидание наполнили Патрика беспредельной нежностью к ней. Он поднял голову с ее колен, повернул к ней лицо. Губы Джун стали медленно приближаться к его губам...

Потом они пили кофе, не сводя глаз друг с друга.

— Патрик, мне пора идти,— сказала Джун, взглянув на часы,— уже поздно.

Ло не ответил. Он молча гладил Джун по руке.

— Ты слышишь, Патрик? Я ухожу.

Она поднялась из-за стола. Патрик взял ее за руку и нежно, но властно усадил на стул.

— Слушай меня,— тихо произнес он.— Сейчас ты позвонишь своим родителям и скажешь, что сегодня не сможешь вернуться домой. И завтра тоже.

— Ты сошел с ума!— Джун прикрыла ему рот рукой.

— Ты скажешь им,— невозмутимо продолжал Ло, отводя ее руку,— что ты решила выйти за меня замуж.

— Нет, Патрик, нет,— запротестовала Джун,— так нельзя. Я вовсе не хочу, чтобы отношения между тобой и моими родителями испортились. Нужно делать так, как все. Ты должен прийти к ним, попросить моей руки, получить их согласие...

— К черту всех!— загремел Ло.— К черту чье-либо согласие! Ты любишь меня?

— Но, Патрик...

— Ты любишь меня?!

Джун опустила глаза.

— Да,— прошептала она чуть слышно.

— И... ты останешься?— В голосе Ло зазвучали пресительные нотки.

— Да,— после некоторого колебания ответила Джун,— только... я не могу вот так сразу позвонить домой... Попозже, ладно?

Патрик понимающе кивнул. И неожиданно для себя спросил:

— Джун, помнишь, ты рассказывала о своем студенческом увлечении? В тот первый вечер нашего знакомства. У Алангов. Мы ведь теперь... ничего не должны скрывать друг от друга, правда?

— Как склонны мужчины ревновать нас к прошлому! Собственные романы вас интересуют меньше. Какое значение имеет теперь это увлечение? Я люблю только тебя. Все остальное — ерунда. Сенг — хороший парень, но он совсем еще мальчик. К тому же мы перестали встречаться почти за месяц до того, как я познакомилась с тобой.

— Ты сказала Сенг?

— Да. А что?— удивилась Джун.

— А почему вы перестали с ним встречаться?

Патрик умел перестраиваться мгновенно. Он был сейчас уже не Патриком, а инспектором Ло.

— Боже мой, Патрик,— сказала со смехом Джун,— я никогда не подумала бы, что ты ревнив до такой степени. Просто он не пришел однажды на свидание, вот и все.

— Как его фамилия?

— Чэн,— машинально ответила Джун,— но...

— Прости, Джун,— перебил ее Патрик,— сейчас, конечно, не время, но ты мне должна рассказать все, что знаешь об этом парне. Это очень важно.

— Сенг и гангстеры? Какая чушь!— расхохоталась Джун и, перестав смеяться, добавила с грустью:— Значит, госпожа Аланг была права?

— В чем?— не понял Патрик.

— В том, что со своей работой вы забываете все.

— Но что я могу сделать, Джун,— Патрик ласково погладил ее по щеке,— если у меня такая работа?

— Ну, хорошо. Что ты хочешь услышать о Сенге? С ним что-нибудь случилось?

— Я как раз и хочу это выяснить. Его документами воспользовались гангстеры.

— Значит, его...— У Джун округлились глаза.— Поэтому он тогда не пришел?

— Пока я ничего не знаю. Вспомни поточнее, когда вы должны были увидеться.

— По-моему, в двадцатых числах.

— А он не собирался куда-нибудь уезжать?

— Нет. Он готовил диплом и сидел над ним целыми днями.

— И ты не пыталась узнать, почему он не пришел?

— Нет.

— Он тебе очень нравился?

— Дорогой инспектор,— засмеялась Джун.— Вы, кажется, пытаетесь использовать служебное положение в личных интересах.

Патрик поцеловал ее.

— Что он из себя представлял как человек?

— Хороший, честный парень. Очень веселый... Не знаю, что еще можно сказать.

— Ты бывала у него дома?— спросил Патрик и тут же поспешно уточнил, видя, как Джун возмущенно подняла брови:— Меня интересует домашняя обстановка, родители...

— Они живут очень богато. Его отец, по-моему, какой-то бизнесмен. Такой безобидный старикашка... Даже пытался за мной ухаживать. И мать — симпатичная, приятная женщина. Она очень хотела, чтобы мы с Сенгом поженились.

— А ты?

— Что я?

— Ты хотела выйти за него замуж?

— Ты опять за свое?

— Ну хорошо. Не буду. Он тебя знакомил со своими друзьями?

— О, друзей у него было полно — в университете.

— А помимо университета?

Джун задумалась.

— Нет, не знаю.

— Скажи, а не было у него знакомого со шрамом на лбу? Вот здесь.

Патрик провел пальцем между бровями.

— Кажется... Да, да, он меня знакомил с этим человеком.

— Где?

— Не помню. Но я видела его раза три.

— А как его зовут, где он работает, не знаешь?

— Он называл себя, но я уже забыла...

Джун тряхнула пышными волосами и сердито сказала:

— Патрик, мне надоело.

— Последний вопрос, Джун: его возраст?

— Он немного старше Сенга. Можёт быть, ему лет двадцать пять.

Патрик снова поцеловал Джун, поднялся из-за стола и начал убирать посуду. Джун стала ему помогать.

— Уже поздно,— прошептал Патрик ей на ухо, когда они вытирали вилки с ножами.

— Во-первых, только девять часов, во-вторых, если бы ты продолжал задавать свои дурацкие вопросы, тебя не интересовало бы время, и, в-третьих, у меня нет пижамы...

Патрик снова ткнулся лбом в волосы Джун около уха:

— Больше всего мне нравится «в-третьих»!.. А теперь звони своим родителям.

Ло пулей влетел в кабинет Аланга.

— Теон, я нашел его!— заорал он с порога.

Аланг посмотрел на инспектора поверх очков и усмехнулся.

— Что это вы так разбушевались, Патрик? О ком вы говорите?

— Конечно же, о Шан Чу.

— А я подумал, что вы добрались до самого Желтого Дракона.

Аланг снял очки, положил их на стол и подпер голову руками. Ло оторопело стоял посреди кабинета, удивляясь пессимизму шефа.

— Садитесь, садитесь,— устало произнес тот.— Скромность вам не идет. Впрочем, как и чрезмерная эмоциональность. Если вы помните, мы очень быстро вышли на Ко Ина, смогли даже взять Белого Бумажного Веера, а это фигура. Правда, нам его подарил Красный Жезл, но это неважно. Ну и что? Смогли вы ухватить «Анг Сун Тонг»? Я имею в виду не отдельных членов банды, а организацию в целом. Нет, не смогли. Шан Чу будет молчать так же, как и Белый Бумажный Веер. В противном случае его постигнет участь серванта.

Патрик погрузился. Аланг был прав. Так же, как был прав Након, когда говорил, что они пытаются вычерпать воду из колодца. Бесперспективное, а потому бессмысленное занятие. Но что делать? Окапывать колодец? А кто знает, как глубоко нужно копать? И кто может сказать, где находится источник с отравленной водой? А может быть, вся земля, по которой они ходят, пропитана ядом? Тогда какой смысл копать? Такой же отравленный ключ пробьется наружу в другом месте.

— Э-э, дорогой инспектор,— засмеялся Аланг,— такие рассуждения вас заведут слишком далеко.

Патрик не заметил, как начал размышлять вслух.

— Философия не наша с вами область. И если уж вам по душе отвлеченные категории, то могу сказать, что наше дело — косить сорняк. А прочие полевые работы пусть выполняют другие. Я все это сказал вам к тому, что арест Шан Чу нам мало что даст. Ваша идея с Ко Ином была неплохой, и я подумал: почему бы еще раз не попробовать тот же прием? Не копировать его, а несколько видоизменить.

Ло вопросительно посмотрел на шефа.

— Попробовать сыграть на его чувствах. Я имею в виду не гангстера Шан Чу, обманывающего доверчивых простушек, а человека по имени Леунг, который получил деньги за продажу собственной сестры и свел с ума свою мать.

— Вы полагаете, Шан Чу не знает, на ком он «женится»?

— Я в этом уверен. Человек, который отправил Шан Чу в Бангкок,— законченный подлец и вполне мог воспитать парня в своем духе — с атрофирован-

ным чувством человечности. Но он не мог допустить, чтобы его дьявольский план дал осечку, а потому не должен был ничего говорить Шан Чу.

— А где гарантия, что эта информация вызовет у Шан Чу какие-то эмоции? — спросил Ло.

— Не от меня ли вы хотите ее получить? — усмехнулся Аланг. — Мне трудно представить, что человек может остаться спокойным, узнав, какую боль он причинил своим близким. Но это я так считаю. А что думает по этому поводу Шан Чу, придется выяснять вам. Ясно одно: без своего человека в «Анг Сун Тонг» — не засланного со стороны, а одного из его членов — нам не справиться с этой организацией. А Шан Чу, судя по всему, воспитанник одного из его вождей. Он должен быть близок к элите, а следовательно, может оказаться весьма полезным для нас...

— О моих контактах с Ко Ином они узнали очень быстро, — сказал Патрик. — Сейчас существует такая же опасность...

— Это уж ваша забота. Подумайте, как установить с ним связь и как ее скрыть от «Анг Сун Тонг». Кстати, вы мне не сказали, как настоящее имя этого Шан Чу, кто он, где вы его нашли.

— С утра я отправился к отцу Сенг Чэна: как раз хотел спросить, не знает ли он этого Шан Чу. И в здании столкнулся... с Шан Чу! Он действительно похож на своего отца в молодости. Если бы Лей Чжи видела чуть лучше, она наверняка узнала бы его. Очевидно, на ее слепоту и рассчитывал этот негодяй.

Патрик вдруг задумался.

— Ну, и дальше что? — нетерпеливо спросил Аланг.

— Дальше? — рассеянно переспросил Ло. — К Чэну я, естественно, уже не пошел.

— Надеюсь, вы попросили Шан Чу оставить свои координаты? — полюбопытствовал шеф «Си-Ай-Ю».

— Шан Чу работает там. Не знаю, в компании ли по реэкспорту каучука, но в том здании — точно. Там ведь много всяких контор. Он нес какие-то бумаги... Без пиджака, в подтяжках.

— Может быть, и хорошо, что вы не пошли к генеральному директору. Он мог кому-нибудь случайно сболтнуть о том, что вы интересуетесь Шан Чу, и это пошло бы дальше.

— Теон, — инспектор виновато улыбнулся, — я, кажется, нашел способ установить контакт с Шан Чу. Джун...

— Что?!

— Джун знала Сенга. Она вчера говорила мне об этом. И Сенг ее знакомил с Шан Чу. Если Джун случайно встретит Шан Чу на улице, это не вызовет подозрений...

— Вы понимаете, что говорите?!

Аланг вскочил с места и начал ходить по кабинету.

— Кто вам позволит привлекать к такому серьезному делу постороннего человека?!

— Вы.

— Я?! Даже и не думайте об этом! Джун — девчонка, что она сможет? Убедить гангстера, что он должен работать на «Си-Ай-Ю»? Да он при первых же словах пырнет ее ножом. Нет, вы с ума сошли! О чем мы говорим? В любом случае я не позволю рисковать ее жизнью. Она дочь моего старого друга. Случись что, как я посмотрю ему в глаза? Нет, это вздор!

Аланг так разволновался, что начал искать свои очки, которые держал в руках.

— Где они, черт побери!

— Вы их держите в руках. Послушайте, Теон, — Патрик исподлобья взглянул на шефа, — Джун для меня... И я буду постоянно находиться рядом и при первой же опасности вмешаюсь. Я гарантирую...

— Оставьте! Никто не застрахован от случая. Тем более в нашей работе. Да и что вам Джун? Месяц другой, и все. Я же хорошо знаю вас, Патрик. Поймите, это не упрек. Я как мужчина все понимаю...

— Вы меня недостаточно хорошо знаете, — тихо произнес Ло. — Джун и я приглашаем вас на свадьбу, которая состоится в следующее воскресенье.

Аланг остановился как вкопанный, изумленно посмотрел на инспектора и вдруг рассмеялся.

— Все-таки Лау добилась своего. Ну, Патрик, откровенно говоря, не ожидал от вас. Когда же вы это решились? Ведь только вчера вы вернулись из Бангкока.

— Вчера и решили.

— Сдаюсь, — поднял руки Аланг. И серьезно добавил: — И все-таки ваше предложение вызывает у меня сильные сомнения. Давайте подумаем еще...

— Хорошо, — согласился Ло, — давайте подумаем.

3

— Вам нужно будет на время уехать, Двойной Цветок.

— Почему, экселенц?

Плотно сжатые губы Желтого Дракона чуть заметно дрогнули.

— Я обязан объяснять?

— Простите, экселенц.

Молодой человек в белых брюках и такой же белой

тенниске, сидящий напротив Желтого Дракона, опустил глаза. Имя, которым его только что назвали, не считалось титулом в «Анг Сун Тонг». Это было скорее почетное звание, и оно не давало никакой власти. Его получали любимцы Желтого Дракона. И члены тайного общества были обязаны относиться к человеку с таким титулом столь же почтительно, как и к остальным вождям «триады».

Знавшие Двойного Цветка члены «Анг Сун Тонг» считали, что Желтый Дракон подобрал его умирающим с голоду, когда тот был совсем маленьким. Так считал и сам Двойной Цветок, которого Желтый Дракон в детстве назвал Шаном. И лишь один-два человека знали, что настоящее имя Шана — Леунг и что в детстве его по приказу Желтого Дракона украли у родителей. Воспитанием Шана занимался один из его людей, а Желтый Дракон лишь изредка навещал своего питомца, чтобы проверить, насколько успешно внушаются мальчишке концепции «великого братства». Когда в четырнадцать лет Шан пожелал принять участие в казни своего наставника, к тому времени вставшего в немилость главы «Анг Сун Тонг», Желтый Дракон счел, что концепции «великого братства» усвоены мальчишкой неплохо.

В двадцать лет Шан стал Двойным Цветком и «охотником» за товаром для публичных домов. Свои обязанности он сразу же стал выполнять с легкостью профессионального соблазителя. Шан был в восторге от этих, как он говорил, «прелестных интрижек», но еще больше ему нравилось, что, развлекаясь, он не платил, а получал деньги, и притом немалые. С окружающими он был дерзок и нагл и лишь в присутствии Желтого Дракона терялся.

— Простите, экселенц, — повторил чуть слышно Двойной Цветок, — я хотел спросить, надолго ли.

— Может быть, на год. А может, на более долгий срок. Не знаю.

— Экселенц, неужели я вам не угодил, что вы гоните меня? Я выполнял все ваши приказания, — в голосе молодого человека прозвучали просительные нотки; — вы сами говорили, что в Бангкоке я превзошел ваши ожидания.

— Вы говорите так, будто вас здесь что-то связывает. — Желтый Дракон вонзил в собеседника свои колючие глаза, словно пытаясь прочесть его мысли.

— Нет, но...

— Что «но»?

Двойной Цветок молчал.

— Мне кажется, вы забыли один из принципов нашего братства: «откровенность». И что-то не договариваете...

— Н-нет, экселенц, я не осмелился бы...

— Вы уверены, что вам нечего мне сказать?

Двойной Цветок совсем стушевался, напряженно думая, что имеет в виду Желтый Дракон. Не обнаружив в своем поведении ничего, что могло бы вызвать гнев патрона, молодой человек поднял голову и тихо произнес:

— Уверен, экселенц.

— Вы помните, что говорят «Каноны» о тех, кто обманет своих братьев?

— Но, экселенц...

— Отвечайте на мой вопрос, — не повышая голоса, произнес Желтый Дракон.

— Да, экселенц...

— Тогда почему вы умалчиваете о ваших шашнях? Двойной Цветок облегченно вздохнул и даже ухмыльнулся.

— Но, экселенц, я считал это недостойным вашего внимания.

— Вот как? — Кожа на лбу у Желтого Дракона в том месте, где обычно бьются брови, поднялась. — С каких это пор вы приняли на себя смелость считать, что достойно, а что недостойно моего внимания? Я всегда предполагал, что это моя привилегия.

— Экселенц, я хотел сделать вам приятное. За эту девчонку можно будет получить неплохие деньги. Она весьма...

— Когда и где вы познакомились с ней и сколько раз встречались? — перебил своего любимца Желтый Дракон.

— Я знаю ее давно, экселенц. — Двойной Цветок удивленно выпятил нижнюю губу, не понимая, чем вызвано раздражение шефа. — А недавно мы случайно встретились на улице...

— Откуда вы ее знаете?

— Меня познакомил с ней Сенг прошлым летом.

— Сколько раз вы встречались?

— Раз четыре.

— Точнее...

— Четыре раза, экселенц.

Желтый Дракон закурил и задумался. «Си-Ай-Ю» решила подцепить на крючок Шана, подбросив ему аппетитную наживку. Но как мальчишка оказался в поле их зрения? Почему? Где была допущена ошибка? Здесь или, что еще хуже, там, в Бангкоке?

Желтый Дракон мысленно представил себе все последние события. Полгода назад он вспомнил о Лей Чжи. В памяти всплыла застарелая обида, а к тому же он узнал, что у Лей Чжи есть симпатичная взрослая

дочь. Поразмыслив, Желтый Дракон решил отправить в Бангкок Шана. Риска не было никакого: Желтому Дракону сказали, что Лей Чжи очень плохо видит. Да и прошло двадцать лет — вряд ли она смогла бы узнать своего сына. Мысль о том, что Лей Чжи потом узнает, кто похитил у нее дочь, доставила Желтому Дракону почти физическое наслаждение...

— Когда вы должны увидите с этой...

— Сегодня вечером, экселенц, — поспешно ответил Двойной Цветок. — В семь часов.

— Вы допустили серьезный промах, Двойной Цветок.

На лице молодого человека отразилось удивление.

— Она работает на «Си-Ай-Ю». Ее видели с человеком оттуда.

— Экселенц! — Голос Двойного Цветка задрожал. — Клянусь нашим Великим братством, я не знал этого.

— Вам придется исправить ошибку, Двойной Цветок.

— Я готов, экселенц.

— Я не сомневался в этом, — Желтый Дракон покривился в усмешке. — А сейчас вы можете быть свободны.

— Слушаюсь, экселенц.

Двойной Цветок поклонился и вышел.

Желтый Дракон сидел немного с закрытыми глазами, потом нажал кнопку звонка, прикрепленного под ручкой кресла. В «зеленую гостиную» вошел низенький человек со скошенным кверху лбом.

— Этот чрезмерно любопытный инспектор зашел слишком далеко, — произнес Желтый Дракон, не открывая глаз. — Пора заканчивать комедию.

— Да, экселенц.

— Ту приманку, на которую они пытались поймать Двойного Цветка, нацепите на крючок и поверните под носом этого нахала. Его убрать, а девчонку... На девчонку наверняка отыщутся покупатели.

— Экселенц, он может оказаться не один.

— Сомневаюсь. Игра, которую он затеял, требует минимум участников.

— Все будет исполнено, экселенц.

Низенький человек не ушел.

— Что еще? — осведомился Желтый Дракон.

— Пришел Тан...

Тан сидел на краешке стула, ежесекундно облизывая пересохшие губы. Ужасно хотелось пить. Правая щека зудела, и он натыкался на докрасна. Ему все время казалось, что сейчас откроется дверь и появится Красный Жезл. Но дверь не открывалась, и босс, перед которым Тан испытывал животный страх, не появлялся. Тан пытался успокоить себя: он не может встретить здесь Красного Жезла, это исключено. Раз Желтый Дракон что-то имеет против Красного Жезла, он не станет разговаривать с Таном в его присутствии. А в том, что Красный Жезл попал в немилость, Тан почти не сомневался. Он чувствовал это нутром. Иначе Желтый Дракон не стал бы присылать к Тану специального гонца, а вызвал бы его на встречу через Красного Жезла. И все же нервы отказывались слушаться. Дрожь неприятным покалыванием забиралась под самое сердце. Тан подумал, что ему гораздо легче было бы всадить нож кому-нибудь в спину, даже зная, что за углом стоят десять полицейских, чем сидеть здесь и ожидать встречи с Желтым Драконом. Если бы было можно, Тан с удовольствием покинул бы этот вселяющий в него трепет особняк...

— Экселенц ждет тебя, брат, — прервал его размышления негромкий голос, и Тан мог поклясться бы, что голос этот прозвучал из преисподней — таким жутким и замогильным он был.

Хозяин «Син Леона» вздрогнул и осмотрелся: кругом никого не было. Он поднялся со стула и нетвердыми шагами, словно вместо ног у него были протезы, двинулся к двери.

В помещении, куда вошел Тан, царил зеленоватый полумрак. Желтый Дракон, будто восковое изваяние, с закрытыми глазами неподвижно сидел в черном кресле. При виде его у Тана моментально выскочили из головы слова, с которыми он должен был по ритуалу обратиться к главе «Анг Сун Тонг». Он наклонился всем туловищем вперед, как того требовал обряд приветствия, и, уставившись в пол, замер, холодея от собственной забывчивости.

— Небо да покровительствует вам, вождю... Великого братства... рожденного... под знаком... Мин, — начал наконец Тан.

Последовала длинная тирада, от которой Желтый Дракон милостиво освобождал свое ближайшее окружение, отнюдь не считая тривиальной старую истину, утверждающую, что время — деньги. Тан замолчал в ожидании, когда Желтый Дракон разрешит ему разогнуться.

— Повинуйся Небу, служи Правде — наградой тебе будет право наслаждаться Великим спокойствием, — произнес Желтый Дракон и, разрешив взмахом руки хозяину «Син Леона» выпрямиться, спросил: — В чем главный твой долг?

— Забота о нашем Великом братстве, — чуть слыш-

но ответил Тан. Потом, спохватившись, добавил: —...экселенц.

— Братство добром платит тем, кто бескорыстно предан ему и честен перед ним, — медленно проговорил Желтый Дракон. — В верности клятве — наша сила. Триста лет существует могущественный триединый союз Неба, Земли и Человека. И еще десять тысяч лет простоят он, потому что безжалостно будет карать отступников, завистников и непокорных. Если совесть твоя чиста, братство отблагодарит тебя. Но берегись, если черные помыслы руководают тобой. Отвечай: честен ли перед Великим братством твой старший брат — Красный Жезл?

От этих слов у Тана закружилась голова. Не слыша самого себя, в каком-то полубморочном состоянии, путаясь и запинаясь, он рассказал главе «Анг Сун Тонг» о том, что видел в ночь ареста Белого Бумажного Веера. О том, что он сказал Красному Жезлу о предательстве Ко Ина. О том, что Красный Жезл, несмотря на это, отправил сержанта к Белому Бумажному Вееру. Что он, Тан, видел своего босса на Кеонг Сайяк. Что тот через мальчишку передал записку полицейским, что сразу же после облавы и ареста Белого Бумажного Веера он встречался с каким-то человеком. Закончив свой сумбурный монолог, Тан почувствовал, как от напряжения у него взмокли ладони. Он взглянул на Желтого Дракона, но лицо главы «Анг Сун Тонг» по-прежнему было непроницаемым. В полной тишине прошла минута, затем другая, но Тану показалось, что он стоит здесь уже несколько дней.

— Почему ты оказался на Кеонг Сайяк и почему поехал за Красным Жезлом? — медленно спросил Желтый Дракон. — Разве ты знал, что он собирался делать?

Ноги у Тана подкосились, и он рухнул на колени.

— Я... я... он...
— Не доверять старшему брату — значит не почитать его. А непочтительность — мать неповиновения. В «Канопах» сказано, что в древности правители ходили походами на непочтительных, рубили им головы, складывали из них холмы, и это было величайшим наказанием...

Тан хотел что-то произнести, но не мог. Из полукрытого рта, сведенного судорогой, доносило лишь мычание. Желтый Дракон умолк, достал из черной коробки сигарету и закурил, с удовольствием разглядывая обезумевшего от страха Тана. Он любил подобные зрелища, любил, как он сам выражался, «созерцать людей в их естественном состоянии».

— Но наши предки говорили, — продолжал Желтый Дракон, дав возможность Тану немного помычать, — что старший брат, не почитающий родителей, заслуживает такого же отношения к себе со стороны младшего брата. Значит, ты поступил правильно. В тебе говорила кровь достойного члена нашего Великого братства.

Слова Желтого Дракона долетали до Тана откуда-то издалека. Поначалу он плохо понимал их смысл, уловив лишь, что Желтый Дракон доволен им. Причина же его гнева — Красный Жезл. И постепенно страх улегся, уступив место злорадству. Желтый Дракон говорил что-то еще, но Тан был не в состоянии его слушать. Ненавистный актершишка, неизвестно каким образом забравшийся так высоко, повержен, смят, раздавлен. «В «Син Леоне» больше не будет появляться его наглая, самодовольная физиономия! Это ничтожество больше не будет заставлять Тана прислуживать себе как паршивого официанта и исполнять все его прихоти, не будет орать на него. Все! Занавес опущен, и юпитеры погасли. Так, кажется, любил выражаться этот комедиант.

— Я вас спрашиваю, Красный Жезл, — вдруг отчетливо услышал Тан голос Желтого Дракона.

Он затравленно посмотрел вокруг себя, но в комнате, кроме него и Желтого Дракона, больше никого не было. Тан ошалело уставился на главу «Анг Сун Тонг».

— Я вас спрашиваю, Красный Жезл, — повторил тот, глядя на Тана. — Вам известны тайники этого человека?

До Тана, наконец, дошел смысл сказанного: Красный Жезл — он, а «этот человек» — его босс. Точнее, бывший босс. Такого поворота Тан не ожидал. Даже в мечтах он не возносил себя на место Красного Жезла. И вдруг... Он все еще не решался поверить своим ушам. Неужели все это происходит наяву? Неужели Желтый Дракон назвал его Красным Жезлом?

— Вы соизволите, наконец, ответить мне, Красный Жезл? — недовольно произнес Желтый Дракон. — Или на радостях вы потеряли дар речи?

Красный Жезл... Он Красный Жезл. Совершенно обезумевший Тан на коленях пополз к Желтому Дракону, схватил его худую, бледную руку и прижался к ней своими лоснящимися губами. Глава «Анг Сун Тонг» брезгливо поморщился.

— Да, экселенц, — забормотал новоиспеченный Красный Жезл, — я знаю, где его тайники, я смогу их найти... Если вы позволите, я сейчас же...

— Сейчас не нужно, — перебил Тана Желтый Дракон. — Вы отправитесь туда в семь часов, когда

начнется ритуал. В первую очередь меня интересуют герои и документы. После этого придете на ритуал, чтобы взять в руки карающий меч Красного Жезла.

Желтый Дракон поднялся с кресла и, не обращая больше внимания на все еще валявшегося у журнального столика Тана, вышел из комнаты.

4

— Патрик, я не могу больше. Мне страшно. Мне почему-то кажется, что он обо всем догадывается. Джун умоляюще посмотрела на шагающего рядом Ло.

— Джун, дорогая, ты должна продержаться еще немного. — Инспектор взял свою спутницу под локоть, тихонько сжал его. — Ведь ты у меня умница. Попытайся разобраться в нем, понять, что он из себя представляет. Нам очень нужен человек из этой банды. Иначе нам до нее не добраться. Если в нем осталась хоть капля человеческого, ты это увидишь. Не знаю, каким образом, но ты это поймешь. От тебя сейчас зависит многое. Тебе решать, состоится у меня с ним разговор или нет.

— Нет, у меня ничего не выходит. Наверное, я не умею разбираться в людях. Иногда кажется, что он способен чувствовать: в прошлый раз он с таким жаром говорил о своем одиночестве, о том, что не удовлетворен жизнью... Но я знаю, кто он, и у меня создается впечатление, что он просто играет.

— Тебе понадобилось совсем немного времени, чтобы разобраться во мне. — Патрик попытался шуткой подбодрить Джун.

Та слабо улыбнулась.

— Скажи, а если... если он такой же, как и все они, что тогда?

— Тогда мы оставим его в покое, чтобы не настораживать «Анг Сун Тонг», и будем искать другие пути.

— Ах, Патрик, я ужасно боюсь. Боюсь его, боюсь подвести вас. Вдруг мне покажется, что с ним можно говорить, а на самом деле это не так?

— Возьми себя в руки, Джун, — сказал Ло, — ты сегодня чересчур взволнована.

— Мне кажется, что он догадывается.

— Почему он должен что-то заподозрить? Ведь ты делаешь все как нужно. И не забывай: я все время рядом. Чуть что — я приду на помощь. Ну, все. Он ждет тебя за углом. Будь умницей. Помни: я рядом.

Патрик поцеловал Джун в щеку и пошел на другую сторону улицы. Она трянула своими пышными волосами, словно пытаясь переволноваться, отогнать от себя страх, на секунду замедлила шаг, потом с решительным видом свернула на Орчард роуд.

Шан уже стоял на том месте, где они договорились встретиться, и поглядывал на часы. Увидев Джун, он устремился к ней навстречу.

— Вы меня заставили мучиться целых десять минут, — объявил он шутливо-обиженным тоном. — Я даже начал думать, что вы не придете.

Джун кокетливо пожалла плечиками.

— Ожидание еще никому не вредило. Скорее наоборот...

Шан посмотрел на сарю спутницу, и в его взгляде Джун почувствовала что-то похожее на ехидное любопытство. «Как странно он на меня сегодня смотрит, — подумала она. — В прошлый раз его глаза не выражали ничего, кроме нетерпеливой похоти». Ею вновь овладело беспокойство.

— Куда мы сегодня пойдем? — Джун постаралась задать вопрос как можно более беспечным тоном.

— Если вы не возражаете, прогуляемся немного. Я так люблю родить пешком по вечернему Сингапуру.

Джун смешно наморщила свой аккуратный носик.

— У-у, ходить пешком! Я с удовольствием выпила бы чего-нибудь прохладного. И потом — наверху в «Гонконге» можно потанцевать. Там прекрасный оркестр.

— Если вы хотите послушать действительно хорошую музыку, то нужно идти не в «Гонконг».

— А куда?

— Положитесь на меня, и вы останетесь довольны сегодняшним вечером.

— А я хочу в «Гонконг», — не допускающим возражений тоном заявила Джун.

— Ну что ж, — ответил Шан, — в «Гонконг» так в «Гонконг». Ваши желания для меня закон.

Он произнес это после короткой паузы, но Джун успела заметить по глазам Шана, что молодой человек что-то прикинул в уме. Они медленно двинулись по улице. «Он хочет меня куда-то затащить, — испуганно подумала Джун. — Значит, он все знает».

Девушка искоса посмотрела на Шана. Тот болтал какую-то чепуху, размахивая руками.

«Знает или нет? — билось в голове Джун. — Что же делать? Убежать? Нет, на улице он не посмеет... Да и Патрик рядом».

Она инстинктивно обернулась назад. Где-то метрах в пятидесяти в свете фонаря мелькнуло его лицо, и Джун немного успокоилась. Конечно, на улице Шан ничего ей не сделает. Кругом столько народу. И в «Гонконге» тоже. А в другое место она не пойдет.

Джун вдруг удивилась своим мыслям. Почему она боится? Разве Шан должен обязательно ее убить? «Убить». Какое странное слово. «Убить». Джун никогда не думала, что оно звучит так злое. Даже когда его произносишь мысленно. Она много раз читала в газетах про убийства, но все это казалось ей таким абстрактным, нереальным. Наверное, потому, что убивали не ее. А ее не убивали. Какая чепуха! Разве может так случиться, что ее не будет? Как это не будет? Непонятно. Люди будут ходить по улицам, смеяться, играть в бридж, любить друг друга, а она, Джун, не будет знать об этом, не будет этого видеть? И Патрик никогда не обнимет ее, не поцелует? Ее не будет! НЕ БУДЕТ! Бежать! Бежать прочь от этого Шана, броситься к Патрику, почувствовать его сильные руки... Она не хочет, чтобы ее убивали. Этот Шан не имеет права отнимать у нее жизнь. Почему люди убивают друг друга? К чему эта бессмысленная жестокость? Почему, убивая, они не представляют себя в роли жертвы, которой не хочется умирать? Взвешенная до предела, Джун готова была сорваться с места, броситься назад. «Ты ведь у меня умница... От тебя сейчас зависит многое... Не забывай: я все время рядом», — вспомнились слова Патрика. Она постаралась взять себя в руки, успокоиться. В самом деле, почему Шан должен убить ее? Даже если он и знает, почему Джун встречается с ним, он просто попытается скрыться — и ничего больше. Патрик прав: она чересчур взволнована.

— Вы меня совсем не слушаете. — Джун почувствовала, как к ее локтю прикоснулась рука Шана, и вздрогнула. — Вам холодно?

— Н-нет... просто мне припомнился один случай из детства...

— А вы любите припоминать, что было в детстве?

Джун показало, что она очень изобретательна:

— Кстатти, вы ничего не говорили мне о своих родителях...

— А вас они интересуют? — ответил Шан вопросом на вопрос, и девушка снова уловила, что слова эти были сказаны с какой-то особой интонацией.

«Боже, скорее бы кончилась эта пытка!» — подумала она и вслух произнесла:

— Некоторые сами любят о них рассказывать...

— Мои родители бросили меня, когда я был совсем маленьким, — с какой-то затаенной радостью сказал Шан. — Меня воспитывал человек, который заменил мне отца и мать.

— И... кто он, этот человек?

— Кто он? — переспросил Шан, замедлив шаги.

Дальнейшее произошло так быстро, что Джун не успела даже сообразить, в чем дело. Рядом скрипнула тормозами какая-то машина. Дверца открылась, и Шан резко толкнул ее внутрь. Там ее цепко схватили чьи-то руки. Через мгновение машина уже катилась дальше, а Джун сидела на заднем сиденье, зажата с обеих сторон Шаном и пожилым лысым мужчиной, от которого исходил неприятный запах дешевых сигарет.

— Что вам нужно? Куда вы меня везете?!

— Поедем немного поразвлечься! — захохотал Шан, просовывая руку под сиреневую кофточку Джун. — А потом познакомимся с тем, кто меня воспитывал. Ты ведь, кажется, хотела узнать, кто он?

— Оставь ее, — буркнул лысый. — Нашел время.

Шан нехотя убрал руку.

— А ты... ты... мерзавец! Ты такой же подлец, как и твой воспитатель! — с отчаянием воскликнула Джун. — Все вы подонки, убийцы! Ты думаешь, что тебя родители бросили? Ничего подобного! Он тебя украл у твоей матери за то, что она отвергла его ухаживания! И ты женился на собственной сестре и продал ее в публичный дом! А твоя мать сошла с ума! А потом они ее убили! А ты подонок, подонок!

Джун судорожно сжала кулаки и разрыдалась. Шан захохотал еще громче.

— Говори, говори! — И вдруг угрожающе произнес: — Скорее ты не так заговоришь. Разжалобить меня тебе не удастся. Мать, сестра! Плевать я хотел на твои сказки! Да если это и было бы так на самом деле, что из того? Думали, прибегу в вашу собачью полицию и все расскажу? Как бы не так! Не на того напали!

Джун снова вспомнила о Патрике и повернула свое заплаканное лицо назад.

— Дружка своего высматриваешь? — ухмыльнулся Шан. — Не волнуйся: едет следом. Нам он тоже нужен. Он, наверное, хотел узнать, что произошло с Сенгом? Узнает. Жаль, что на острове все перекопали. А то бы мы и его устроили в том же болоте. Ну, ничего, найдем ему другое место.

— Попридержи язык! — бросил лысый Шану.

— Ничего, — ответил тот, — теперь она уже никому ничего не расскажет.

И, обращаясь к шоферу, сказал:

— Поверни к Понгголу.

Тот молча кивнул. При последних словах Шана Джун охватил такой ужас, что она не могла ни говорить, ни двигаться.

Продолжение следует.

Владимир КОРОБОВ

**писатель,
актер,
режиссер
ШУКШИН**

тлетело недолгое бабье лето 1963 года, зарядили дожди. Киносъемочная группа фильма «Живет такой парень» сидела на чемоданах, но уверенности, что погода наладится и «натура» будет, не было, тем более, что режиссер собрался снимать фильм чуть ли не за тридевять земель, на Чуйском тракте. «Умные люди» советовали отложить все это дело до весны. И тогда Шукшин сказал такие слова: «Неужели моя земля меня подведет?.. Неужели не услышит меня?»

«Мне показались выспренними такие речи, искусственными,— скажет на вечере в Доме кино Л. Куравлев и, словно винась, добавит:— Я не знал тогда его...» Потом он узнает его и убежденно, горячо будет рассказывать о том, как верил Шукшин в свою землю, в свой край. И что не ошибся он. Алтайское солнце светило на редкость щедро. Верующие говорят: «Неужели бог меня не услышит?» Шукшин сказал: «Неужели земля меня не услышит?» Его богом была земля. Земля большой Родины—России, и малой, колыбельной—алтайская земля...

От первого же своего фильма Шукшин хотел очень и очень многого. Его самого нет здесь на экране, но

решительно всем—и тем, что «в кадре», и тем, что «за кадром»,—распоряжался этот человек. Распоряжался? Нет. Жил! Именно его замыслом, волей, сердечным порывом одухотворялась работа всех разнообразных и многочисленных кинослужб! Так было на первом фильме... так было до конца. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с воспоминаниями одного только композитора четырех шукшинских фильмов—Павла Чекалова.

Их познакомил на просмотре своего фильма «Люди и звери» Сергей Герасимов. Он же порекомендовал молодому режиссеру тоже молодого, но уже достаточно опытного композитора.

— Первое, чем меня огорошил Шукшин,—рассказывал Павел Владимирович,—это предложенной им «сквозной» музыкальной темой для фильма «Живет такой парень». Он напел мне: «Есть по Чуйскому тракту дорога, много ездит по ней шоферов...» Ну, каково было мне, получившему консерваторское образование, привыкшему к определенному академизму в музыке, слышать такое предложение—сделать центральной мелодией, темой Чуйского тракта какую-то полублатную песенку. Все это мне показалось и странным и... страшным.

— Ну, что это за «тема» такая, Василий Макарович? Один текст чего стоит—пошлятина из пошлятины...

— Да?.. Вот и прекрасно, вот и освободите ее от всякой шелухи и шушеры, приведите к первоизданной чистоте.—Шукшин заметно разволновался.—К чистоте грязь всегда пристает, а песню, песню народ складывает...

Так они начали работать над музыкой к этому фильму. Шукшин оказался прав, а страхи композитора напрасными. Эта музыка много раз потом звучала и на радио и на телевидении.

— Он, именно он, Василий Макарович,—говорил далее П. Чекалов,—и есть мой своеобразный учитель, который открыл для меня не меньше, чем профессиональная учеба. Ни одна консерватория... Да что там говорить: многие занимались народным творчеством, песней, но я убедился, что вряд ли кто проникал в глубину народной песни, как он. Дело не в том, что он знал сотни таких песен, любил их и сам исполнял неплохо (недавно журнал «Кругозор» перепечатал на свою пластинку, как Шукшин под аккомпанемент балалаек ведет художественным свистом сложную русскую мелодию «Где-то звон» — это виртуозно. И это—я свидетель—он сделал без всяких репетиций, сделал сам, так как время было дорого, а песня должна была по первому замыслу идти во время титров «Печек-лавочек»). Даже не это поражает в Шукшине и ставит его, если хотите, выше многих музыкальных авторитетов, а то, как он глубочайшим

жизнь привил он мне в музыке любовь к народной тематике...

Что и говорить. Припомним мощь музыки в фильме «Они сражались за Родину». Какая глубина родилась из незатейливой песенки «Я возвращаю ваш портрет...»! А ведь это тоже шукшинская работа.

Но вернемся к начальной режиссерской работе Шукшина.

За давностью лет шестиве по экранам первого шукшинского фильма представляется многим из нас прямо-таки триумфальным. А разве не так? Если не каждый вспомнит, что «Живет такой парень» получил приз в 1964 году на Ленинградском фестивале, то почти любой читатель и зритель припомнит, что на XVI Международном кинофестивале в Венеции этой картине был присужден «Золотой лев св. Марка». С чем же я в таком случае не согласен и чего хочу? Многого. Прежде всего того, чтобы был услышан, понят и увиден Шукшин сам по себе, «один на один», а не через многочисленные критические напластования, хочу, чтобы упали с глаз шоры, были сняты с них очки чужого мнения. Что бы там ни говорили, но критика перестает быть критикой и превращается в нечто совсем иное, когда она перестает слушать художника и жизнь, которую он выражает, а прислушивается лишь к самой себе, на саму себя равняется, от самой себя отталкивается. И чем талантливее, огромней художник, тем, к сожалению, это чаще происходит.

Нет, меня не смущают такого рода читательские письма, публиковавшиеся в свое время в «Советском экране»:

«Тов. Шукшин!

Посмотрела Ваш фильм «Живет такой парень» и, знаете, ничего не поняла.

Ваш фильм получил призы Венецианского и Ленинградского фестивалей. Помилуйте, за что?

Вы хотели показать славного парня? Так это по доброте душевной он не доехал до места командировки? Какое право имел Колокольников нарушить трудовой закон? Что будет, если все командировочные не будут доезжать до места назначения?

А речь нашего милого героя? Я воспитатель детского сада. Мы бьемся за правильную культуру речи. Зачем вы нам мешаете?

А поведение? К чему эта расхлябанность и бескультурность? Он даже танцует в фуражке. А ведь в клубе никого больше не было в головном уборе.

Почему-то вы старались подчеркнуть именно плохое в герое...

Кстати, в селе, где работает Павел, совсем отсутствует ГАИ. Иначе она напомнила бы, что во время рейса шофер не имеет права даже на кружку пива. А здесь бутылка «Московской». Ужас!»

Не смущают они меня потому, что такие «культурные тети», как называл их Шукшин, ни ему, ни нам не так уж и страшны. (Конечно, они не безобидны. Одна такая «тетя», «почтительница» киноискусства, уже есть среди шукшинских персонажей (рассказ «Критики», опубликован в № 2, 1964, «Искусство кино»), к ней прибавятся еще многие, вплоть до той, которая будет особенно агрессивна: «Мой зять украл машину дров!») Послушать таких, то ни одного героя в нашей литературе оставить нельзя, ни одного образа, ведь только литературные манекены «сверхположительные», только они не оступятся и не ошибутся, только им неведомы сильные чувства и страсти, и все у них ровно и уныло правильно, да и им, этим манекенам, приходится нелегко, стоит лишь чуть-чуть выйти их создателям из литературной схемы в реальную жизнь, полную борьбы и противоречий.

По той же почти причине меня не смущает суровый отзыв критика Л. Крячко: «...в век, когда все учатся,—воспевать малограмотного героя, в век великих социальных революций проповедовать некую «сермяжную правду», смысл жизни искать в простейших растительных радостях...»

Нет такого «воспевания» в шукшинском творчестве. Только косный или предвзято судящий человек мог сделать такой вывод. Ну да, как говорится, бог с этим: давно было и неправда.

Но вот что напечатано совсем недавно, в 1976 году:

«...в центре фильма «Живет такой парень» окажется «никулинский тип»: придурок, плут, болтун, перекати-поле, чудик, охломон, «пирамидон проклятый» — Пашка Колокольников. И этот тип в понимании Шукшина и исполнении Куравлева окажется положительным! Так произойдет знаменательный «размен типов» в шукшинском творчестве: он решится понять неправого» (Л. Аннинский).

Все в этом «резюме» перевернуто, перепутано, поставлено с ног на голову с единственной целью «подтащить» героя под собственную «выигрышную» концепцию творчества Шукшина и развития его творчества. Да полно, такой ли Пашка Колокольников! И в чем таком он «неправый»? И вообще: «хохмит» Шукшин или нет, комедия ли перед нами? Не буду утомлять читателя дискуссионной перепалкой, разными pro и contra, на которые мне Л. Аннинский выдвинет свои аргументы. Но если вам, читатель, дорога истина и вы любите Шукшина, не сочтите за

труд, посмотрите внимательно еще раз «Живет такой парень», а потом прочитайте вот это затерявшееся в специальном издании шукшинское «Послесловие к фильму»:

«Я хотел сделать фильм о красоте чистого человеческого сердца, способного к добру. Мне думается, это самое дорогое наше богатство — людское. Если мы в чем-нибудь сильны и по-настоящему умны, так это в добром поступке. Образованность, воспитанность, начитанность — это дела наживные, как говорят. Я представляю себе общество, где все грамотны, все очень много знают, и все изнурительно учтивы. Это хорошо. Но общество, где все добры друг к другу, — это прекрасно. Еще более прекрасно, наверное, когда все и добры и образованны, но это впереди.

Так серьезно я думал, когда мы приступили к работе над фильмом. А теперь, когда работа над ним закончена, я в полном недоумении, ибо выяснилось, что мы сняли комедию.

О комедии я не думал ни тогда, когда писал сценарий, ни тогда, когда обсуждались сцены с оператором, художником, композитором. Во всех случаях мы хотели бы быть правдивыми и серьезными. Все — от актеров до реквизиторов и пиротехника. Работа ладилась, я был уверен, что получится серьезный фильм.

Нам хотелось насытить его правдой о жизни. И хотелось, чтоб она, правда, легко понималась. И чтоб навела на какие-то размышления.

Я очень серьезно понимаю комедию. Дай нам бог побольше получить их от мастеров этого дела. Но в комедии, как я понимаю, кто-то должен быть смешон. Герой прежде всего. Зло смешон или по-доброму, но смешон. Герой нашего фильма не смешон. Это добрый, отзывчивый парень, умный, думающий, но несколько стихийного образа жизни. Он не продумывает заранее, вперед свои поступки, но так складывается в его жизни, что все, что он имеет, знает и успел узнать, он готов отдать людям.

И еще: он не лишен юмора и всегда готов выкинуть какую-нибудь веселую штуку — тоже от доброго сердца, потому что смех людям необходим. И все равно он не комедийный персонаж. И тем дороже нам эта неподдельная веселость, что работа его трудна и опасна. Он шофер с Чуйского тракта, а кто хоть раз проехался по этому тракту, тот знает, что это такое. Один курносый лихач с круглыми глазами, накачивая камеру, рассказывал:

— Еду раз из Огундая, и повело же меня в сон! Так спать захотел, сил нету. И уснул. Уснул-то, наверное, на секунду, и вижу сон: как будто повис одним колесом над обрывом. Проснулся — правда повис. Тогда не испугался, а вечером дома жутко стало...

А зимой, бывает, замечает Симинский перевал — по шесть, по восемь часов пластаются на семи километрах, пробивают путь себе и тем, кто следом поедет. И красота вокруг тогда им не в красоте, матерят долю шоферскую... Одна отрада — хороший мотор.

А тракт чудовищно красив. Но он диктует людям суровые законы. Их немного, и они неумолимы: «Помоги товарищу в беде, ибо с тобой может случиться то же самое», «Не ловчи за счет другого», «Не стремись — делай», «Помни добрым словом хорошего человека».

Только в той степени, в какой человек отвечает этим требованиям, он свой на тракте или чужой — и уж тогда ему плохо. Это понятно, это легко доказать. Нам хотелось вместе с этим незаметно подвести зрителя к мысли, что Пашка вообще в жизни «свой». И еще нам хотелось, чтобы неустанный Пашкин поиск женщины-идеала родил бы вдруг такую мысль в голове зрителя: «А ведь не только женщину-жену ищет он, даже не столько женщину, сколько всем существом тянется к прекрасному, силится душой своей — тонкой и поэтической — обнаружить в жизни гармонию».

И еще нам хотелось, чтобы за полтора часа нашего фильма зритель не накопил в себе заряд ядовитой тоски на неделю. Не все, конечно, хорошо в жизни, но все-таки унывать не надо. Не все хорошо и в Пашке, но это еще не самый главный рассказ о нем. Это еще не история, это предыстория, а сама история впереди, ибо сам Пашка не унывает, живет и поменьше учится. И надо ему помогать в этом, а не печалиться, что в жизни еще ах как много недостатков. Не единственное, что делать — печалиться. Конечно, немало дурного, конечно, надо его искоренить, но за нас это никто не сделает.

Один упрек, который иногда предъявляется нашему фильму, беспокоит и, признаюсь, злит меня: говорят, что герой наш примитивен. Не знаю... Я заметил вот что: люди настоящие — самые «простые» (ненавижу это слово!) и высококультурные — во многом схожи. И те и другие не любят, например, болтать попусту, когда дело требует мысли или решительного поступка. Схожи они и в обратном: когда надо, найдут точное, хлесткое слово — вообще мастерски владеют родным языком. Схожи они в том, что природе их противно ханжество и демагогия, они просты, в сущности, как проста сама красота и правда. Ни тем, ни другим нет надобности выдумывать себе личину, они не притворяются, душа их открыта всем ветрам: когда больно, им больно, когда радостно, они тоже этого не скрывают. Я не отстаиваю тут право на бескультурье. Но есть культура и есть культурность. Такая культурность нуждается почему-то в том, чтобы ее поминутно демонстрировали, пляли ее в глаза встречным и поперечным. Тут надо быть осторожным. А то так скоро все тети в красивых пижамах, которые в поездах, в купе, в дело и не в дело суют вам «спасибо» и «пожалуйста» и без конца говорят о Большом театре, тоже станут культурными».

* Из этого абзаца, то есть из мысли, в нем высказанных, и «вырастут» в будущем рассуждения Шукшина об истинной и поверхностной, наносной интеллигентности в большой публицистической статье «Монолог на лестнице».

Пашка Колокольников не поражает, конечно, интеллектом. Но мы ведь и снимали фильм не о молодом докторе искусствоведческих наук. Мы снимали фильм о шофере второго класса с Чуйского тракта, что на Алтае. Я понимаю, что дело тут не в докторе и не в шофере — в человеке. Вот об этом мы и писали — о человеке. И из всех сил старались, чтобы был он живой, не «киношный». Очень хочется, чтобы зритель наш, заплатив за билет пятьдесят копеек, уходил из кинотеатра не с определенным количеством решенных проблем, насильственно втиснутых ему в голову, а уносил радость от общения с живым человеком.

Что касается вопросов и тех самых «проблем», которые мы «ставили» перед собой, то в фильме, по-моему, все ясно».

Не знаю как кого, а меня это послесловие трогает и убеждает, заставляет смотреть на фильм «Живет такой парень» иными, чем прежде, глазами, и во многом этот новый мой взгляд есть его взгляд.

Фильм действительно насыщенный правдой о жизни и при всех веселых поворотах сюжета и смешных порой репликах главного героя серьезен. Это отнюдь не «заявка» на будущее, обещание чего-то значительного впереди, это начало неповторимого шукшинского кино, целой вехи, этапы в отечественном кинематографе, произведение самобытное и спустя многие годы сохраняющее право на жизнь и признание.

Говорят, что Шукшин со временем разочаровался в своем первом авторском фильме, отмахивался от него: мол, больно благополучный. Но благополучие это, как мы видели, чисто внешнее, а настоящее понимание того, что задумал сказать Шукшин и сказал этой своей работой, такое понимание приходит к нам, пожалуй, лишь сейчас...

Раздражение к «такому парню» к концу шестидесятых годов, к тому времени, когда был снят «Ваш сын и брат», начались съемки «Странных людей», Шукшин действительно почувствовал. Но объяснялось оно прежде всего нравственными исканиями художника, резко возросшими его требованиями к себе и своим героям. Фильм «Живет такой парень» стоило делать, заметит Шукшин в статье 1969 года «Нравственность есть Правда», но при этом будет казнить себя за то, что вот не удержался и «подмахнул» Пашке Колокольникову «героический поступок»: тот отводит и бросает с обрыва горящую машину и тем самым предотвращает взрыв на бензохранилище, спасает народное добро. Что здесь сработала проклятая въедливая привычка: много видел подобных «поступков» у других авторов и сам «поступил» так же.

«Тут-то,— пишет Шукшин,— у меня и не вышло разговора с тем парнем, таким же шофером, может быть, как мой герой, с которым — ах, как хотелось! — надо бы поговорить. Случилось, как случается с неумной мамой, когда она берет своего дитятку за руку и вводит со двора, чтобы «уличные» мальчишки не подействовали на него дурно: дитятко исключительное, на «фортепьянах» учится. Мое «дитятко» тоже оказалось исключительным; я сам себя высею. Почаще надо останавливать руку, а то она нарабатывает нехорошую инерцию».

Давайте разберемся. Шукшин, безусловно, прав, размышляя о привычке и инерции в творчестве. Но справедлив ли он в этом конкретном случае, по отношению к первому своему фильму? Разве и вправду он себя «высею»? Разве «исключителен» Пашка Колокольников в том смысле, о котором говорит Шукшин? Нет и нет. Искреннее это «покаяние» все же напраслина, возводимая на самого себя, происходящая от великого стремления к высшей правде и нравственности. Действительно, такого рода «поступки» сплошь и рядом «подмахивались» и «подмахиваются» иными «творцами» своими героям. Но разве «подмахивает» Шукшин героический акт «такому парню», разве не явствует из характера Пашки Колокольникова, что он не только мог, но и просто не мог не пойти на столь рискованное дело! Потом — вспомните сцены в больнице, девушку-корреспондента с ее стандартными, готовыми понятиями о подвиге и внутренним равнодушием — и после «поступка» Шукшин никак не поднимает своего героя над окружающими, не творит авторскими перстами нимб над его головой. Пашка остается все тем же «таким парнем», и главная его история, конечно же, еще впереди.

«Я часто думаю о своих героях,— рассказывает Леонид Куравлев,— о том, как сложилась их жизнь за экраном... Пашка Колокольников... Женится наконец, две дочки у него, одна уж школу заканчивает, «в невестах»... А сам он поседел, с лысиной, поди, а все еще «такой парень». И зовут его по-прежнему — Пашей. Жена ему досталась добрая (угадал, умница), тихая, а вот дочки — беда! Хозяйки в доме!»

Живет «такой парень»!

1963, 1964 и 1965 годы прошли у Василия Макаровича Шукшина под «знаком» кино. Снялся в фильме Л. Кулиджанова «Когда деревья были большими», снял свой собственный фильм — и снова на съемки:

сыграть рыбака Жорку в картине Э. Бочарова «Какое оно, море?».

Этот фильм не очень-то и вспоминается сейчас, но в жизни Шукшина он сыграл немалую роль. Именно на этих съемках он познакомился с актрисой Лидией Федосеевой, будущей своей женой и исполнительницей главных ролей в «Печках-лавочках» и «Калине красной». Ему было уже тридцать пять лет, и что ни говори, а пора уже было обзаводиться и семьей и домом, ввести свою жизнь в более менее размеренную и спокойную колею. Спустя некоторое время молодая семья получила двухкомнатную малогабаритную квартиру в панельном доме в Свиблове (достаточно отдаленный от центра район Москвы), у них родились дочка-погодки Маша и Оля, без меры любимые и хохлимые «папкой».

Забегим несколько вперед и приведем здесь еще одно из писем Шукшина матери и сестре. Из него при всем прочем хорошо видны те нежные чувства, какие питал Василий Макарович к своим родным и близким, как он постоянно заботился о них (предположительно — конверты не сохранились, а даты Шукшин не проставлял — это письмо датируется ноябрем 1969 года).

«Здравствуйте, дорогие мои!

Пишу вам из Венгрии, из Будапешта. Я здесь в связи со съемками одного фильма. Как актер. Дней на 10. Дома все, слава богу, хорошо. Дети здоровы, но дают прикурить».

Расскажу про Ольгу, так как вы ее видали, когда она еще не вставала. Посмотрели бы, что она вытворяет сейчас! Носится, вот-вот расшибет голову. С Маней дерется — не могут разделить игрушки. Та ей не дает, а эта схватит одну и — бежать, только белые волосенки вытосся.

Уже начала говорить. Отдельные слова говорит лучше Мани. Маня становится хитренькой, а эта — простодушная, как теленок.

Боятся они только мать, а из меня веревки выют. Как-то раз стали мы вдвоем с Лидой стыдить Ольгу. Я говорю: «Ты давай с одной стороны, а я с другой. Оля, как тебе не стыдно, почему ты не засыпаешь?!» Стоим, в два голоса плимим ее. Вдруг она из кровати отчетливо говорит: «Тихо!»

А Маня попросится ночью на горшок, а мы в этой комнате потихоньку телевизор слушаем. Она сидит на горшке и заявляет: «Мама, какая... Оле спать надо, а она детскую передачу слушает». Любит Маня Олю до такой степени, что готова задушить в объятиях. Та, бедная, не знает, куда ей деваться от этой любви.

С этой картиной («Странные люди») вроде все в порядке. Но сдавал я ее 8 месяцев. Устал, изнервничался. Может, зимой на курорт съезжу. Каждый год предлагают поехать, но все некогда.

Сниматься в фильме «У озера» закончил. Осталось еще в Ленинграде в фильме «Любовь Яровая» (комиссар Кошкин) и вот здесь — венгеро-советском «Держись за облака». Тут вовсе мало — эпизод.

Приеду домой, pošлю вам денег побольше. Теперь будут.

Здоровье у меня хорошее. Устаю только. Закончил еще роман о Степане Разине и сборник рассказов. Роман будет называться: «Я пришел дать вам волю». Выйдет, наверно, в 70—71 году. Сборник «Земляки» должен выйти в конце этого года.

Но и скоро, очевидно, начну свой фильм. Или о Степане Разине, или современный — еще не знаю.

С работой беспросветно. Присвоили звание — заслуженный деятель искусств РСФСР.

Квартиру должны скоро дать, дом строить. Дом будет великолепный, квартира 4-комнатная — с кабинетом, с детской, спальней, залом. В центре Москвы. Ничего, жить можно, дал бы нам всем бог здоровья. Родных людей теперь становится больше, обо всех очень болит душа. Соскучился по ребятишкам. Ну, целую вас, дорогие мои.

Василий».

Лидия Николаевна не снималась вплоть до 1969 года, растила детей, «щи да кашу варила для Васи», бывала в редакциях и в издательствах, так как у самого Шукшина не всегда хватало времени, а то и просто он был в отъезде, — занести новые свои рукописи, забрать гранки, верстку... Словом, была и женой, и хозяйкой дома, и секретарем мужа — писателя и режиссера... Но зато, когда начала сниматься в фильмах мужа — да еще в паре с ним (а в «Печках-лавочках» и вместе с дочками)!

С 1965 года начинается восхождение писателя, актера и режиссера Василия Шукшина к сердцам миллионов читателей и зрителей. Через десять лет

любовь к его книгам и фильмам станет поистине всенародной.

А в этом году — почти одновременно — в журнале «Сибирские огни» и в издательстве «Советский писатель» выходит его острозаметный, насыщенный социальными бурями роман «Любовины». Еще более охотно печатают рассказы Шукшина самые уважаемые литературно-художественные и общественно-политические журналы. Критика реагирует едва ли не на каждую его публикацию. «Ухо поразительно чуткое» — так, по свидетельству Юрия Трифонова, говорит о Шукшине А. Т. Твардовский, имея в виду поразительное шукшинское мастерство построения диалога, прямой речи персонажей. А другой известный писатель, Сергей Антонов, рекомендует молодого литератора в члены Союза писателей, отмечает: «Василий Шукшин, по-моему, очень талантлив и самобытен. Прекрасно знает и понимает то, о чем пишет». Пристально и одобительно следят за развитием таланта Шукшина Леонид Леонов и Михаил Шолохов...

А у него возникают замыслы — один другого значительнее. Он движется одновременно и вглубь и вширь (впоследствии на многое взглянет иначе, осудит себя за широту, назовет ее «разбрасыванием сил»). Его до боли сердечной волнует буквально все увиденное и понятое в жизни родного народа. Судьбы деревни и сельских жителей... Непростая, скорбящая и радуемая душа человеческая... Трагический надлом Прокудиных... История Руси: Разин, раскольники, народники, борцы за Советскую власть... «Энергичные» люди, сказочные Иваны и «мудрецы»...

«Я мечтаю,— скажет Шукшин за год до смерти,— поставить фильм — не знаю, каким он будет, игровым или документальным,— об одном дне в моем родном селе. Этот день — 9 мая. У меня на родине в этот день своим, самостоятельным способом поминаются те, кто погиб на войне. Человек из сельсовета встает на стул или табуретку и читает фамилии. Это что-то около трехсот человек. И вот пока читаются эти фамилии, люди, которые знали погибших, родственники стоят и поминуют. Кто-то тихо плачет, кто-то грустно молчит. Подсмотреть глаза этих людей, не тревожа их, ничем их не смущая, не обрушивая попутно лавину ретроспекций... Разве что, может быть, параллельно монтируя, показать класс в школе, где учитель вызывает детей с теми же фамилиями — внуков погибших...

Мне кажется, здесь не просто естественная, подсмотренная жизнь, не просто поток жизни — в конце концов уловить его не так уж сложно,— здесь есть возможность выразить собственную авторскую позицию, а это самое главное. Какими бы изобразительными средствами, какими бы манерами ты ни пользовался, целью остается это — позиция художника».

Этот замысел, как и многие, очень многие другие, останется неосуществленным. Но позиция Шукшина-художника будет выражена отчетливо и бескомпромиссно — и в прозе, и в кино, и в публицистике.

«Нравственность есть правда,— провозгласит он.— Не просто правда, а — Правда. Ибо это мужество, честность, это значит — жить народной радостью и болью, думать, как думает народ, потому что народ всегда знает Правду».

И еще скажет: «Философия, которая... норма моей жизни, есть философия мужественная... Я не политик... но как рядовой член партии коммунистов СССР я верю, что принадлежу к партии деятельной и справедливой; а как художник я не могу обманывать свой народ — показывать жизнь только счастливой, например. Правда бывает и горькой. Если я ее буду скрывать, буду твердить, что все хорошо, все прекрасно, то в конце концов я и партию свою подведу... Это не по-хозяйски. Я б хотел помогать партии. Хотел бы показывать правду. Я верю в силы своего народа, очень люблю Родину...»

...В записках Достоевского находим такую глубокую мысль: «Не люби ты меня, а полюби ты мое» — вот что вам скажет народ, если захочет увериться в искренности вашей любви к нему».

Нужны ли комментарии к этим словам, когда другой русский гений, наш современник Михаил Александрович Шолохов говорит о Шукшине:

«Не пропустил он момент, когда народу захотелось сокровенного. И он рассказал о простом, негероическом, близком каждому так же просто, негромким голосом, очень доверительно. Отсюда взлет и тот широкий отклик, какой нашло творчество Шукшина в сердцах многих тысяч людей...»

Вы прочитали первую часть книги о выдающемся нашем современнике — работе над ней еще продолжается.

Образ талантливого художника слова, замечательного кинорежиссера, актера еще ждет полного воссоздания. Мы надеемся, что все, кому дорого его творчество, кто был знаком с ним лично, откликнется на нашу публикацию, поделится своими размышлениями о многогранной деятельности Шукшина в советской литературе и искусстве.

ОТ РЕДАКЦИИ

Работа молодого критика Владимира Коробова, с которой мы на протяжении пяти номеров познакомили читателей, — это первая попытка не только представить документально, с теми подробностями, какие можно привести на сегодняшний день, биографию Василия Шукшина, но и запечатлеть то, что принято называть «диалектикой души»: становление художника, его личность, взгляды на жизнь и искусство.

ПОЭЗИЯ

Очарованье
русского пейзажа

В очарованье русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику видна...

Эти строки Николая Заболоцкого открываются объемистый сборник стихов русских поэтов о природе, выпущенный в 1976 году Благовещенским отделением Хабаровского книжного издательства.

«Очей очарованье» — знаменитая пушкинская полустрофа, обращенная к осени, на наш взгляд, очень точно вынесена в название книги, она как бы задает тон всему сборнику.

Перелистываешь первые страницы объемистого тома, и у тебя возникает удивительное чувство причастности к чуду. Помимо своей воли ты переносишься в мир русской природы, где своеобразными твоими поводырями становятся замечательные русские поэты: Ломоносов и Державин, Пушкин и Лермонтов, Некрасов и Тютчев, Блок и Маяковский, Есенин и Пастернак... Это лишь «флагины» нашей поэзии, а возле них множество интереснейших, самобытных поэтов — в сборнике их ни много ни мало: около двухсот.

Два века русской поэзии — от екатерининских времен до наших дней, от «времен Очакова и покоренья Крыма» до стройки века — Байкало-Амурской магистрали — проходят перед нами.

Самые разные мысли и чувства возникают, когда попадаешь в эту необычную картинную галерею и знакомишься с шедеврами «поэтической живописи».

Природа! Она окружает нас от первого и до последнего шага. Она привычна и подчас буднична. Порой мы перестаем замечать ее. У нас недостает сил погрузиться в ее глубину. Наш взгляд скользит по поверхности.

И вдруг в строчках любимого поэта открываешь для себя те стороны природы, о которых и не подозревал раньше:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа,
в ней есть свобода,
В ней есть любовь,
в ней есть язык...

Это Федор Тютчев... А рядом с ним вростит всеми корнями в землю Алексей Кольцов, может быть, первый, кто опозитивировал крестьянский труд. Изменяется эпоха — изменяется и представление о ней.

Революция во все внесла свои ритмы; даже самые традиционные поэтические жанры, а к

ним, несомненно, относится и пейзажная лирика, вдруг наполнились новым содержанием.

Владеть крылами ветер научил.
Пожар шумел
и делал кровь янтарной
И брагой темной путников в ночи
Земля поила благодарно.
И вот под небом,
дрогнувшим тогда

Открылось в диком
и простом убранстве,
Что в каждом взоре
пенится звезда

И с каждым шагом
ширится пространство...

Эпоха, пространство, космос — все это естественно вошло в стихи Николая Тихонова и его современников.

«Было бы интересно и безусловно важно проследить эволюцию взглядов русских поэтов на природу, — пишет во вступительной статье к сборнику Лев Озеров, — показать, как по мере становления нового, послереволюционного общества, социалистического общества, русские поэты обращались к природе, — творцы-созидатели, вершители смелейших предначертаний. Любопытно, что наряду с мотивом «человек — победитель природы» все сильнее звучит мотив «человек — защитник природы».

В заключение хочется отметить отличное оформление сборника. Давно уже ставшие классикой гравюры и рисунки Врубеля и Фаворского, Добужинского и Фалилеева органично вошли в ансамбль книги. Это единство рисунка и стихов особенно приятно для всех ценителей русской поэзии.

Анатолий ГОРЮШКИН

ПРОЗА

Мир простых людей

С хорошей книгой грустно расставаться. С людьми, которых узнал и полюбил за их короткую книжную жизнь и которые по воле автора на долгое время остаются добрыми твоими друзьями. Такое воздействие на читателя под силу писателю талантливому, обладающему даром искренности.

Все это относится к сборнику повестей и рассказов Владимира Мирнева. Сборник вышел в 1976 году в издательстве «Советский писатель» под общим названием «Перелетное время». Время перелета птиц — кратковременное, особо важное событие в природе. Не в этом ли заключается главный смысл книги?

Действительно, герои всех повестей и рассказов Владимира Мирнева предстают перед читателем в момент решения серьезных жизненных проблем, в острый, подчас драматических ситуаций.

В повести «Дом на Северной-московской» журналист Сергей Мирошин приезжает в командировку в Сибирь, в родные края, и встречается с учительницей Зиной — своей первой любовью. Личная жизнь Мирошина сложилась неудачно. Теперь он понимает, что совершил ошибку, раставшись с Зиной, но исправить случившееся невозможно. Зи-

на — добрый, чистый и честный человек — не может уйти от больного мужа, отнять у него детей... В конце повести Зина погибает.

Тема жизни и смерти, смерти как величайшей несправедливости вообще волнует писателя: «Меня интересует вот что: человек жил, трудился, были у него мысли, секреты, свое отношение к окружающему, радости и печали, и вдруг он умирает... Как несправедливо природа устроила человека...»

Эти слова принадлежат молодому агроному Кокошкину («Белое зарево»), который отдает свою кровь умирающему трактористу. Но выражают они, вероятно, чувства и мысли автора.

Продолжая лучшие традиции русской литературы, писатель раскрывает нам мир простых людей, непосредственных, порой смешных и вместе обаятельных.

Образ мастера авиационного завода Галюшкина («Галюшкин») — трогательного, доброго человека — поднимается до чеховского звучания.

Галюшкин узнает о том, что жена все прожитые с ним годы мечтала о ребенке. Он обращается за помощью и советом к «целинному» другу, преуспевающему доктору наук. Слово «доктор» Галюшкин понимает только как медицинской точки зрения.

А «друг» равнодушен к горю Галюшкина. Бывшие друзья живут и чувствуют в разных измерениях. Разочаровавшись в своем кумире, Галюшкин вдруг интуитивно ощущает важность своего собственного существования на свете: мир жив и будет жить такими, как Галюшкин, — простыми, честными тружениками.

«Так-то, Саша, знаешь, Саша, по-всякому бывает. Настоящее дело, я всего лишь мастер, мое дело железки, маленькие всякие части, но они нужны для современных самолетов, и мы на них работаем, мы даем микродвигатели для авиации. Но наше дело такое, делаем для авиации, для вселенной, но краны тоже в ванной нужны, без них не проживешь. Так-то, Саша».

Основная черта, объединяющая всех героев Владимира Мирнева, — нравственная, духовная чистота. В этом социальный пафос его произведений.

И, бесспорно, прочитавший эту книгу не останется равнодушным и увидит мир умными и добрыми глазами писателя.

Инга ШАНТЫРЬ

ПУБЛИЦИСТИКА

Как любить детей...

Крученая нитка — прочная нитка, связывающая прошлое и настоящее и тянущаяся в будущее. Ее не разорвешь, когда не захочется распахиваться за прошлым, ее не обрежешь, когда вдруг испугает будущее, ее обжигающее натяжение напоминает о нашей ответственности за каждый поступок, за каждое сказанное слово. «Крученая нитка» — так называется книга пи-

сателя и публициста Николая Атарова, вышедшая в 1976 году в издательстве «Молодая гвардия». Главная тема этой книги — дети, подрастающее поколение, с которым уходит в будущее «крученая нитка», сплетенная из дел и мыслей предыдущих поколений. Поэтому, чему бы ни была посвящена отдельная глава книги, о чем бы она ни рассказывала: о встрече писателя со старыми школьными товарищами, о событиях минувшей войны, о насущных проблемах жилищного строительства, об игре в шахматы, — все это призвано навести нас на размышления о том, какие они, наши дети, как нам научиться понимать их жизнь, чтобы, «постигнув всю сложность и противоречивость воспитательного акта», стать истинными наставниками подрастающего поколения.

«Педагогика может быть только конкретной. Или никакой», — утверждает Николай Атаров, отказываясь от наукообразных обобщений и выводов. Принять эту мысль — значит жить сложно и напряженно, не пользуясь готовыми штампами поведения с детьми. Заниматься делом воспитания подрастающего поколения можно только с творческим настроем души, только создавая каждый раз особый стиль взаимоотношения с каждым ребенком. «Педагогика — это искусство». Николай Атаров доказывает это с убедительной логичностью и страстностью настоящего писателя-публициста.

Книга «Крученая нить» состоит из отдельных главок, представляющих собой короткие рассказы, зарисовки, размышления, чередующиеся с продуманной и точно выстроенной последовательностью. Автор ведет разговор о том, как строятся взаимоотношения между людьми, разделенными на детей и взрослых, о том, что эти взаимоотношения — самое трудное и важное в процессе формирования человеческой личности. Мысли автора, прямо вклинивающиеся в ткань повествования, открывают перед читателем его глубокое понимание психологии подростка, заставляют с тревогой оглянуться на собственную жизнь, на свои личные взаимоотношения с детьми.

Одна из главок книги, «Как любить детей», — очерк о Янеше Корчаке, замечательном педагоге и писателе, который знал, как любить детей, и мог научить этому других. Приводя отрывки из его замечательной книги, выявляя их педагогическую ценность, Николай Атаров доказывает, что «в неспасимые отдаленные времена, когда, как думают фантасты и философы, возникает «автоматически» действующая цивилизация» и даже наступит «опасность благоденствия...» — и тогда останется неотложно и настоятельно необходимой полубогаем этой счастливой утопии книга о том, как любить детей». Затем идут другие главы, рассказывающие о разных сторонах жизни подростков, о связанной с ними жизни взрослых. Как говорит Атаров, взрослые никогда не должны забывать, что и они когда-то были детьми.

Редкая книга обладает таким целенаправленным пафосом, как книга Николая Атарова «Крученая нитка». Признавая успехи советской системы воспитания, Атаров настойчиво и убедительно говорит о необходимости действовать там, где все благополучно лишь для равнодушного глаза, преобразовывать то, что существует лишь в силу привычки или рутины. И, несомненно, эта книга вызовет в читателе благородное стремление понять своих детей, понять каждого — неповторимого — ребенка. Каждому помочь найти свое место в жизни.

Мария БОГДАНОВА

ПУБЛИЦИСТИКА

Штрихи к портрету...

Автор предпослал своей книге скромное предупреждение-подзаголовок: «Штрихи к портрету польского ровесника...» Однако, прочитав книгу (она состоит из отдельных очерков и тем не менее это — слитное повествование), видишь перед собой живой портрет молодого гражданина социалистической народной Польши со всеми его «за» и «против», с его симпатиями и сомнениями, раздумьями и стремлениями, а главное — активным вторжением в жизнь, в котором и формируется истинный гражданин.

«Не возрасту покорны» — сборник очерков журналиста, работника «Комсомольской правды» Виталия Ганюшкина («Молодая гвардия», 1975 г.) — итог его многолетней работы в качестве собственного корреспондента газеты в ПНР. И характерная их особенность состоит в том, что автор, рассказывая о своих героях, не обходит подчас сложных ситуаций и через них показывает становление молодого характера.

«Нефтяные короли» — молодые ребята, труженики форпоста польской индустрии — Мазовецкого комбината, перерабатывающего сырье, поставляемое сюда по нефтепроводу «Дружба», люди, которые так или иначе ищут свою дорогу в жизни по самому верному ориентиру — служению людям, общему делу. Это герои книги В. Ганюшкина. И еще. Облик молодого поляка 70-х годов автор раскрывает на широком фоне общественной жизни Польской Народной Республики, показывает нелегкий путь становления польского молодежного движения, его многообразную деятельность на благо строительства социализма.

Один из ведущих мотивов сборника — советско-польское братство. В очерках «Золотой околыш костюшкова», «Мемориал полковника Скопенко» автор показывает истоки братства по оружию польского и советского воинов, чувство глубокого уважения польского народа, его молодежи к памяти тех, кто отдал жизни за свободу их страны. Автор приводит слова Первого секретаря ЦК ПОРП тов. Эдварда Герека: «Среди истин, которые должны переходить из поколения в поколение как основа национального самосознания, мы, поляки, будем передавать будущим поколениям истину о правильности исторического выбора, который сделали польские коммунисты, связывая судьбы нашей страны с социалистическим путем развития, с союзом, нерушимой дружбой и всесторонним сотрудничеством с Советским Союзом».

Книга В. Ганюшкина в яркой публицистической форме, через судьбы людей представляет нам главное достижение социалистического строя в братской стране — образ молодого человека, достойного гражданина нового общества.

Борис КОСТИН

Рисунок Андрея ДМИТРИЕВА

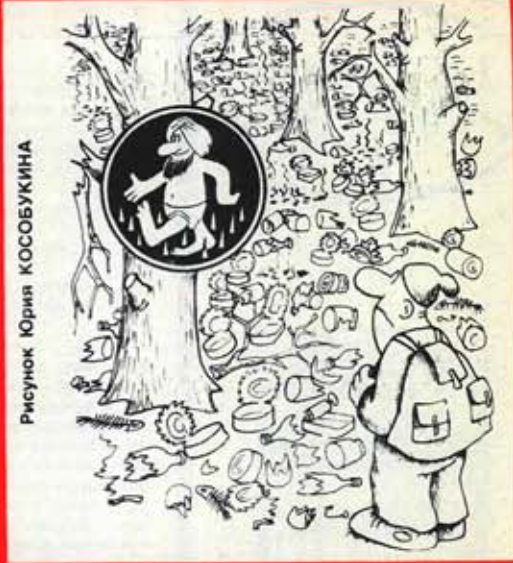

Рисунок Юрия КОСОВУКИНА

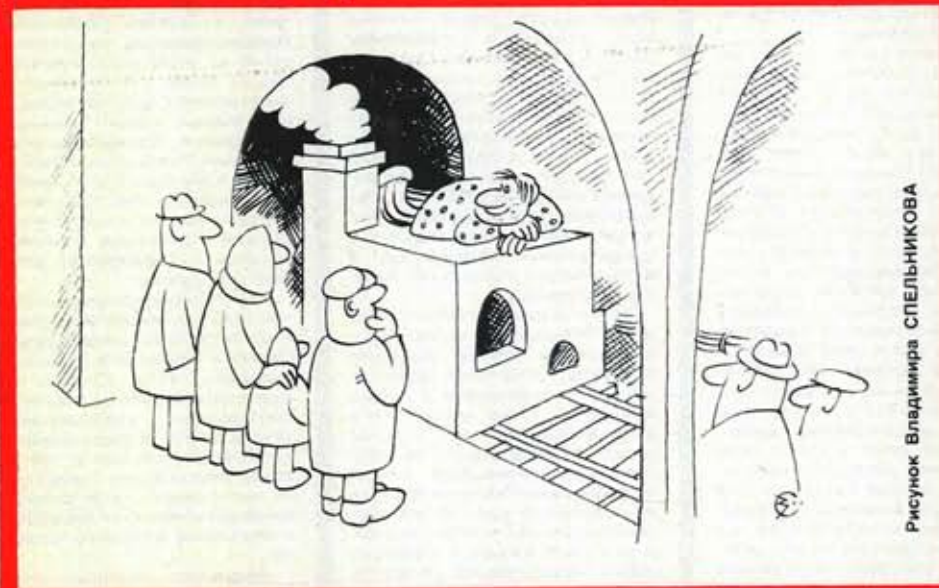

Рисунок Владимира СПЕЛЬНИКОВА

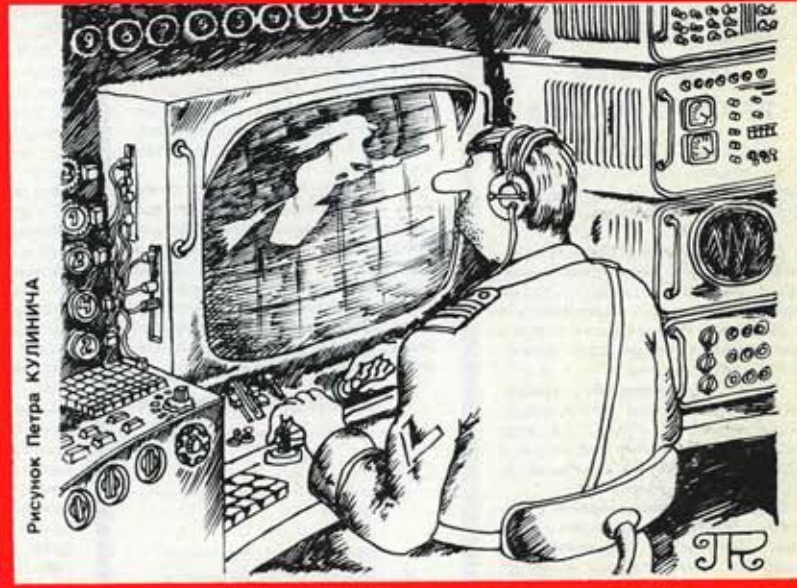

Рисунок Петра КУЛИЧА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ | Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО | ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

19 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА
ТРЕТИЙ ТУР
СМЕНЫ

(Начало см. в №№ 1, 2 и 4 журнала)

Напоминаем, что ответы на задания третьего тура нужно сообщить нам на обыкновенной (не художественной) почтовой открытке. На ее лицевой стороне вы вписываете точный адрес «Смены»: обратный адрес отправителя и делаете пометку «XIX шахматная олимпиада», тур третий.

На обороте открытки вы, пользуясь общепринятой сокращенной шахматной нотацией, указываете решения обеих позиций, а также ответ на вопрос тематической викторины. Справа сверху вы представляете свой олимпиадный регистрационный номер. Ничего, относящегося к другим турам, в данной открытке быть не должно.

Письма на этот раздел олимпиады просим высылать в редакцию не позднее 10 апреля с. г.

КАК ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ?
1. d2—d4 Kg8—f6 2. c2—c4 c7—c5 3. Kg1—f3 g7—g6 4. Kb1—c3 Cf8—g7 5. e2—e4 c5: d4 6. Kf3: d4.
Каково наименование этого начала шахматной партии? (1 балл.)

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?
Есть ли у белых спасение в этом четырехладейном окончании? (5 баллов.)

ВОТ ТАК ЗАДАЧА!
Белые начинают и дают мат в три хода (5 баллов).

ГРОССМЕЙСТЕР И ЕЕ СМЕНА
Уже 28-й год кряду мировая женская шахматная корона находится в руках советских спортсменок. Более половины этого времени, почти полтора последних десятилетия, титулом шахматистки

№ 1 планеты с достоинством владеет Нона Гаприндашвили. Она стала первой в истории шахмат женщиной, кому было присвоено звание гроссмейстера.

Замечательные достижения Гаприндашвили способствовали спортивному и творческому росту в нашей стране плеяды молодых и даже совсем еще юных шахматисток. Отнюдь не случайно в соревнованиях восьми претенденток на первенство мира по шахматам нынешнего года попали шесть (!) представительниц СССР. И среди них 19-летняя студентка из Красноярска Елена Ахмыловская и 15-летняя тбилисская школьница Майя Чибурданидзе.

Перед вами интересный эндшпиль, возникший после 45-го хода черных в партии между чемпионкой мира (у нее были белые) и Александрой Кисловой из Ленинградской области. Поединок этот проходил в финале последнего всесоюзного первенства.

Кажется, что на поле «бояцарит полное равенство. Тем большее впечатление производит изо-

бретательная, инициативная игра Ноны Гаприндашвили. Она неожиданно жертвует пешку и, осуществив прорыв на королевском фланге, искусно обостряет борьбу.
46. g4—g5! Kc5—e4+ 47. Kpg3—f4 Ke4: g5 48. Cg8—c4 Lc2—f2+ 49. Kpf4—e5 a6—a5 50. Ld1—d5!

Становится ясным план чемпионки мира: черные пешки на ферзевом фланге защитить невозможно, а с их падением у белых образуется неудержимая пешечная пара. По дороге к цели белые умело обходят ловушку противницы, связанную с коневой вилкой.

50. ... Kg5—f7+ 51. Кре5—d4 Lf2—d2+ 52. Cc4—d3 Kf7—d8 53. Kpd4—c4! Kd8—b7 54. Kpc4—b5 h6—h5 55. Kpb5—b6 Kb7—d6 56. Ld5—e5+ Кре7—f7 57. Ле5—d5 Kd6—e8 58. Kpb6: a5 h5—h4 59. Кра5: b4 h4—h3 60. Cd3—c4! Ld2: d5 61. Cc4: d5+ Kpf7—f6 62. Cd5—c6 h3—h2 63. Kpb4—c5 Kpf6: f6 64. a4—a5 Ke8—f6 65. a5—a6!, и черные сдались.

А к такому положению пришла после 10-го хода черных партия

недавнего межзонального турнира в Грузии. Белыми играла Майя Чибурданидзе, черными — москвичка Татьяна Затуловская. Уже в дебюте юная спортсменка не побоялась отдать ради атаки две фигуры. Сейчас она красивым кавалерийским прыжком создает опасные угрозы черному королю, оставшемуся и без пешечного прикрытия и без права на рокировку.

11. Kd2—e4! Cf8—h6 12. Cc1: g5+ Ch6: g5 13. Fg6—g7+ Кре7—e8 14. Fg7: h8+ Kd7—f8 15. Fh8—h5+ Кре8—d7 16. Ke4 c5+ Kpd7—e7 17. Fh5: g5+ Кре7—f7 18. Fg5—f4+ Kpf7—e8 19. h2—h4!

В результате наступательного порыва белые не только отвоевали пожертвованное, но и добились явного перевеса. Ведь понятно, что ладья с тремя связанными пешками сильнее слона и коня.

19. ... Fd8—e7 20. h4—h5 b7—b6 21. Kc5—d3 Cc8—a6 22. 0—0—0 Kf8—h7 23. c2—c3 Кре8—d7 24. Ff4—h4! Ca6: d3 25. Fh4: e7+ Kc6: e7 26. Ld1: d3 Ла8—g8 27. g2—g3 Ke7—f5 28. Krc1—d2 Lg8—g4 29. Lh1—g1 c7—c5 30. f2—f4 Kpd7—e7 31. Kpd2—e2 Kh7—f8 32. Кре2—f3 Kf5—h6 33. d4: c5 b6: c5 34. c3—c4! d5—d4 35. Ld3—a3 Kf8—d7 36. Ла3: a7.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18/1 1977 г. А 09208. Подписано к печати 10/II 1977 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 500. Заказ № 60. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

В ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ТЕМПЕ. СРЕДНЕЕ СКОРОСТЬ

Музыкальная партитура песни «Ты не старая, мама!». Включает вокальную партию с русскими и английскими текстами, а также фортепианный аккомпанемент. Музыка написана в тональности G-бемоль мажор, 4/4 такт.

ТЫ НЕ СТАРАЯ, МАМА!

Слова Эдуарда ВЕРИГО

Музыка Сергея ТОМИНА

Ты опять сегодня сказала,
Что стареешь — не по дням, по часам...
Седины мне прядь показала —
Эту лунную дорожку в волосах.

Только я твержу тебе упрямо:
«Тяжесть лет минувших не в счет.
Ты совсем не старая, слышишь, мама?
Верь мне: седина тебе идет».

Вновь глядишь с улыбкой грустной,
И морщинки начинают свой бег...
Прятать их — большое искусство.
Но зачем оно, зачем оно тебе?

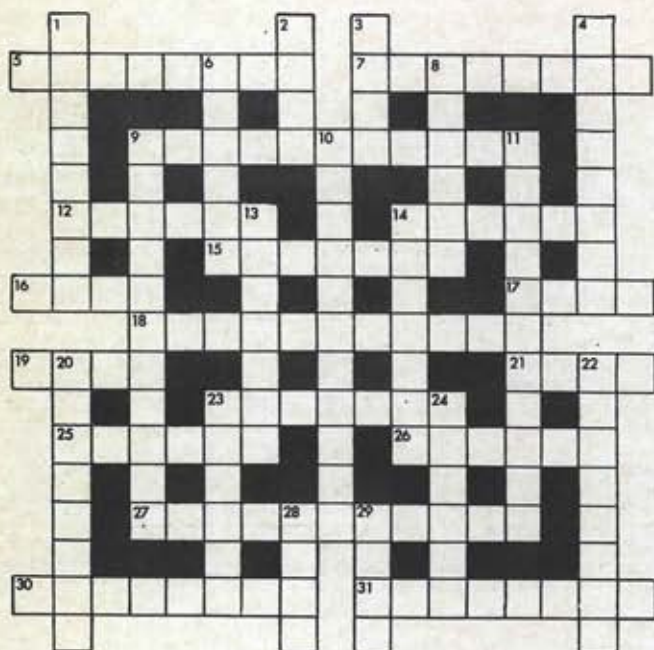
Я тебе опять твержу упрямо:
«Не тревожься ты без причин.
Ты совсем не старая, слышишь, мама?
Просто нет улыбки без морщин».

И детьми все нас называешь
По привычке. Ну, а годы не ждут...
Уступая место в трамвае,
Скоро бабушкой тебя вдруг назовут

Буду и тогда твердить упрямо:
«Не грусти, седая моя.
Ты совсем не старая, слышишь, мама?
Просто повзрослели сыновья...»

КРОССВОРД

Составила И. ПАРУНОВА,
Душанбе

По горизонтали:

5. Нефтяное месторождение в Западной Сибири. 7. Передовой отряд. 9. Пьеса А. Салынского. 12. Ценный кормовой злак. 14. Искусственная приманка для рыбы. 15. Французский драматург XVII века. 16. Зодиакальное созвездие. 17. Денежная единица Ирана. 18. Цирковой артист, фокусник. 19. Награда победителю в соревновании. 21. Малая планета. 23. Перелетная певчая птица. 25. Ограда по краю лестницы, моста. 26. Цветок. 27. Спортсмен-подводник. 30. Советский летчик-космонавт. 31. Областной центр РСФСР.

По вертикали:

1. Художник-передвижник. 2. Лиственное дерево с ценной древесиной. 3. Музыкальный инструмент. 4. Город в Латвии. 6. Басня И. А. Крылова. 8. Спутник планеты Уран. 9. Коробка для гербария. 10. Переложение музыкального произведения. 11. Общий состав изделий, выпускаемых предприятием. 13. Северная промысловая рыба. 14. Советский композитор. 20. Музыкальная фантазия на народные темы. 22. Сходство, совпадение. 23. Певчая птица. 24. Непаханая земля. 28. Расплавленная масса, магма. 29. Река, вытекающая из Ладожского озера.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 4

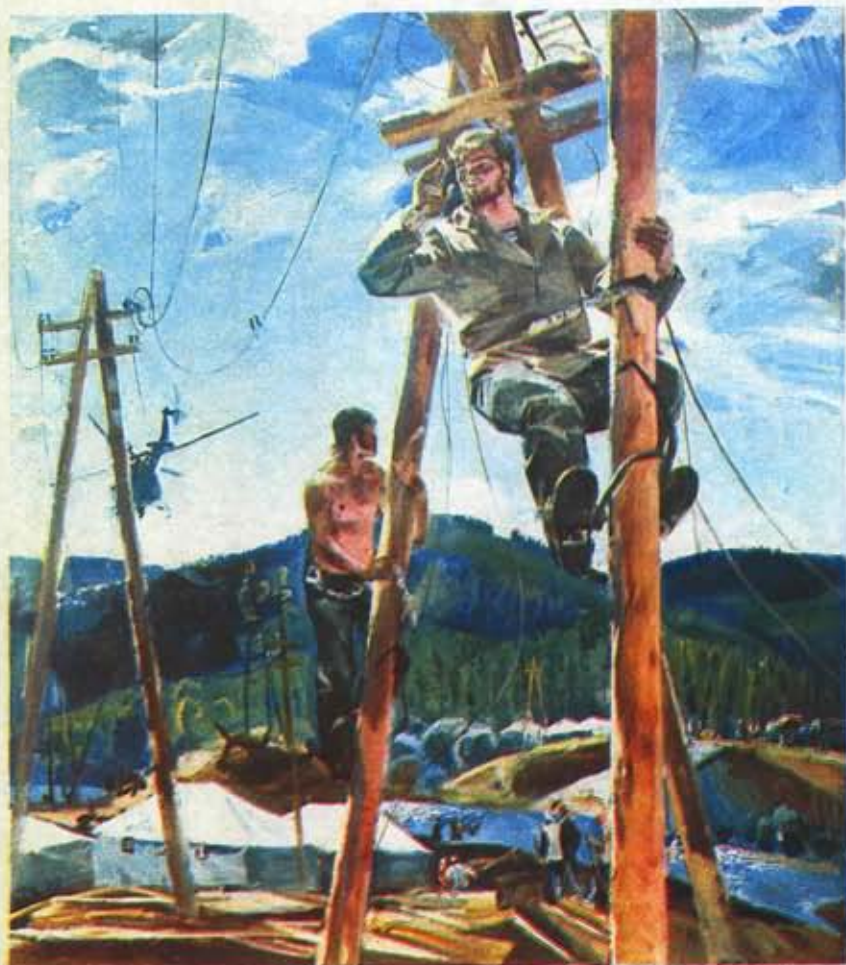
По горизонтали:

7. Командир. 8. Трапеция. 9. Снегопад. 11. Блэкберн. 14. Сурдокамера. 15. Дева. 16. Агра. 17. Вершигора. 18. Явка. 21. Форт. 23. Учительница. 24. Контракт. 26. Старшина. 27. Аникушин. 28. Плутоний.

По вертикали:

1. Волнение. 2. Мангуста. 3. Брод. 4. Штаб. 5. Мембрана. 6. Шифратор. 10. Перспектива. 12. Электроника. 13. Сказитель. 19. Валторна. 20. Акустика. 21. Флагшток. 22. Рябинник. 25. Танк. 26. Сана.

МЫ СТРОИМ БАМ

НАД КИРЕНГОЙ.

Советских мастеров изобразительного искусства всегда привлекали темы и события большого общенародного звучания. Героика первых пятилеток вдохновляла лучших художников тридцатых годов.

Строительство Байкало-Амурской магистрали вызвало новую волну творческого энтузиазма: словно соревнуясь друг с другом, молодые художники едут на далекую таежную стройку, стараясь уловить ее особенности, понять характер и настроение работающих там людей.

В 1974 году на БАМе побывал горьковский живописец Вячеслав Жемерикин. После возвращения из творческой командировки с БАМа он выступил на отчетной выставке — показал свои портреты, этюды и зарисовки. Не удовлетворившись минутным успехом этюдов, принялся работать над композиционными картинами. Полотна «Летучка», «Над Киренгой», «Девчата с Магистрального», «Почта пришла» принесли художнику популярность и признание: в 1976 году Жемерикин стал лауреатом премии Ленинского комсомола.

БАМ — для живописца — олицетворение готовности молодежи к трудовому подвигу, ее духовной активности и энергии. Картины Жемерикина очень правдивы: в них нет ни малейшего желания приукрасить действительность, нет ничего нарочитого, надуманного. Палатки, в которых живут бамовцы, деревянные мостки, настланные на болотистую почву, рабочая одежда — все это увидено им в подлинной жизни. Но простая достоверность не становится у него самоцелью — бытовая неустроенность строителей не заслоняет для него главного в их жизни. Жемерикин не фиксирует мелочей, он обобщает виденное и делает социальные выводы; он рассказывает не о деревянных мостках, но о том единомышлении, с которым проходит на этих мостках летучка, не об отдаленности моло-

ЛЕТУЧКА.

ПОРТРЕТ РАБОЧЕГО.

дежи от городов (не чужаки бегут девчата к вертолету, привезшему почту), но о ее дружбе и духовной общности. Образами бамовцев он стремится раскрыть представления сегодняшней молодежи об истинных нравственных ценностях.

Не случайно цикл «Мы строим на БАМе» побывал на Всероссийской и на Всесоюзной выставках произведений молодых художников: чем глубже всматривается живописец в жизнь, чем важнее и современнее избранная им тема, тем больше открывается перед ним возможностей для развития и совершенствования.

Александр КУЛЕШОВ

ПОЧТА ПРИШЛА.

